

Джордж Райт



Игрушка

I never knew just what it was and I guess I never will.

Tom Paxton

С днем рожденья, милый Джимми,
С днем рожденья тебя!

Джимми шумно вдохнул – столько, сколько мог, пока не стало больно груди – а потом, раздувая щеки, старательно дунул. Ему хотелось погасить все свечи с первой попытки. В последний раз у него это получалось два года назад, но тогда свечей было на две меньше. В прошлом году не вышло, но прошлогодний торт был больше, рассчитанный на полдюжины гостей, и свечи на нем стояли далеко друг от друга. В этом году девять свечей стояли рядом. Торт был маленький, а гостей не было совсем, если не считать папы и мамы. Им пришлось уехать из города летом, и Джимми еще не успел обзавестись друзьями на новом месте. До школы оставалось еще почти два месяца, до ближайшего города, где она находилась – совсем крохотного по сравнению с тем, где они жили прежде – нужно было ехать почти шесть миль, вокруг тянулись вдоль серой полоски шоссе одни лишь бурые картофельные поля с редкими фермерскими домами, и этот день рожденья грозил стать самым скучным в недолгой жизни Джимми. Хотя его родители, надо отдать им должное, старались вовсю. Но было в их веселье что-то... ненастоящее. Как в тот день, когда они объявили ему, широко улыбаясь: "Мы просто проживем немного в деревне, пока папа не найдет новую работу. Смелее, ковбой, это же настоящее приключение!"

Никаким настоящим приключением это не пахло. Пахло затхлостью старого дома, простоявшего заколоченным почти столько же, сколько он, Джимми, прожил на свете. Пахло пылью, разошедшимся деревом, нагретой на солнце ржавчиной. Из подвала тяжело и влажно пахло разрытой землей. Ему запретили туда спускаться, опасаясь, что он может упасть с крутой и, кажется, очень давно не ремонтировавшейся лестницы, но его не тянуло туда и так. Нет, только не туда.

Джимми загадал, что если с первого раза задует все свечи, то все будет, как прежде. Они вернутся из этого тоскливого серо-коричневого места в большой разноцветный город, где есть кино, и аттракционы, и парк с прудом и фонтанами, и фургоны с мороженым, и осенью он пойдет не в страшную незнакомую школу, где еще неизвестно как встретят новичка, а снова увидится со своими друзьями – Томом, Хенри, Родни, Питом и даже с Бобом, хоть тот и вредина, и улыбки не будут исчезать с лиц папы и мамы, когда они думают, что он их не видит.

Он очень старался. Но одна свеча сбоку так и осталась гореть.

В легких у мальчика еще сохранилось немного воздуха, и он успел повернуться к ней, приближая губы, и дунуть, не делая перерыва. Свеча, затрещав, погасла, так что можно было считать, что он справился, и его родители радостно захлопали. Но про себя-то он знал, что загадал не это.

– А теперь... – заговорщицки подмигнул ему папа и достал что-то из-под стола. Что-то было завернуто в синюю подарочную бумагу с блестками и перевязано красной ленточкой. Праздничная упаковка, однако, не обманула Джимми – то, что под ней, выглядело достаточно бесформенно, и он понял, что эта вещь не из магазина. Из магазина обязательно была бы коробка.

Словно уловив сомнение и недоверие во взгляде сына, Джон Хоррелл не стал вручать завернутый предмет ему, а быстро распаковал подарок сам и лишь после этого торжественно протянул Джиму.

Мальчик, однако, не поспешил взять это в руки и лишь разглядывал с растущим недоумением.

Больше всего это походило на очень большую, в десяток дюймов длиной, сильно бугристую картофелину, каждый бугор которой был выкрашен в свой цвет. Все цвета были яркие, даже аляповатые (хотя Джимми не знал такого слова). Впрочем, даже эта яркость не могла скрыть того факта, что вещь явно не была новой: бугры выглядели потертыми, некогда глянцевого блеска сменился матовым, кое-где можно было даже различить мелкие царапинки. С боков "картофелины" свисали две гибкие ноги, оканчивающиеся черными резиновыми присосками, похожими на клоунские ботинки. И это было все.

Это было определенно не то, что Джимми надеялся получить на день рождения. На дворе стоял 1996 год, и он хотел игровую приставку. Конечно, он догадывался – не столь уж он был наивен в свои девять лет – что после того, что случилось с папиной работой, ему не купят новенькую PlayStation, такую, как у вредины Боба, который приносил ее хвастаться в школу, но так и не согласился никому одолжить поиграть даже на один день. Но, может быть, хотя бы Sega Mega или Super Nintendo? Прежде мама упорно говорила, что от приставок портятся глаза и что в ее годы дети были счастливее и здоровее без всяких компьютеров, но в последние месяцы, кажется, стала поддаваться. Если бы только с папой и с ними со всеми не случилось то, что случилось...

– Что это? – спросил Джимми, даже не пытаясь сделать вид, что обрадован.

– Игрушка, – ответил папа, продолжая улыбаться так, словно вручал сыну даже не PlayStation, а целый персональный компьютер. А вот мама улыбалась несколько растерянно – похоже, для нее подарок тоже оказался сюрпризом.

Джимми двумя руками взял "картофелину", оказавшуюся неожиданно тяжелой – фунта два, не меньше. На ощупь она была холодной, твердой и какой-то удивительно гладкой, несмотря даже на крохотные царапинки. Ее так и хотелось поглаживать пальцами, снова и снова.

– Она не из магазина, – вынес, тем не менее, Джимми обвиняющий вердикт. – Она старая.

– Верно, – снова улыбнулся папа. – Она гораздо лучше. В магазинах тысячи одинаковых игрушек, и купить их может кто угодно. А такой, как эта, нет больше ни у кого.

– Ты сам ее сделал? – попытался проявить проницательность мальчик.

– Нет, – покачал головой Хоррелл-старший. – Когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, мой отец подарил ее мне на день рождения. А теперь я дарю ее тебе.

– Она *такая* старая? – у Джимми расширились глаза.

– Ну, Джим, не записывай меня совсем уж в ископаемые, – хохотнул Джон. – Это было всего-то 23 года назад. Хотя... по правде говоря, она действительно еще старше. Потому что моему папе ее подарил его папа. Твой прадедушка.

– Тот, который погиб на войне? – уточнил мальчик.

– Да. Это был его последний подарок сыну, твоему дедушке, перед тем, как он отправился в Перл Харбор.

– Ух ты, – произнес Джимми. В нем боролись два чувства – презрение к старым вещам, которые годятся только на выброс (и которыми уж конечно нельзя похвастаться перед друзьями, потому что все знают, что старые игрушки – отстой), и пиетет перед вещами совсем древними, которые показывают в музеях и даже там прячут под стеклом. А Перл Харбор в его представлении был событием очень древним, практически смыкавшимся с Войной за независимость. Прежде папа уже показывал ему портрет героического прадедушки – черно-белую, слегка пожелтевшую фотографию бравого матроса – и Джимми трудно было поверить, что его прадедушка может выглядеть не как глубокий старик, а едва ли не моложе, чем его папа. Впрочем, до старости прадедушка так и не дожил... Словосочетание "игрушка дедушки" также с трудом помещалось у Джимми в голову, хотя умом он и понимал, что когда-то его дедушка

(которого он также никогда не видел) тоже был маленьким мальчиком. Но вот представить себе это было трудно. Во всяком случае, память прадедушки и дедушки требовала проявить уважение, и Джимми спросил:

– И как с этим играть?

– Посмотри, что у нее снизу.

Джимми перевернул "картофелину" (ее ноги при этом безвольно прокрутились в боковых отверстиях в середине корпуса, оставшись свисать вниз) и чуть не вздрогнул от неожиданности: на него уставились два круглых зеленых глаза. На самом деле это были лишь полусферы из зеленого стекла или прозрачной пластмассы; у них не было ни зрачков, ни белков – ну разве что в центре зеленый цвет был чуть темнее, чем по краям, да и то, возможно, было лишь игрой освещения – однако у Джимми ни на секунду не возникло сомнения, что это именно глаза.

– Нажми на них, – сказал папа.

Мальчик с сомнением протянул палец – идея нажимать на чужой глаз ему определенно не нравилась – и затем все-таки надавил на левую выпуклость. Та с некоторым усилием ушла вглубь "картофелины", мягко щелкнула – и засветилась изнутри зеленым светом. Уже смелее Джимми нажал вторую кнопку.

Как только та тоже засветилась, игрушка в его руках тихо заурчала и слегка завибрировала. Казалось, что он держит мурлыкающего котенка. Холодного и твердого котенка... впрочем, нет: как только игрушка включилась, пластмасса (или из чего там была сделана эта штука?) под его пальцами начала нагреваться. Больше, однако, ничего не происходило, и Джимми уже открыл было рот, чтобы спросить: "И это все?" – как вдруг вяло свисавшие ноги "картофелины" дернулись и твердо вытянулись во всю длину, словно игрушка потянулась после долгого сна.

– Поставь ее на пол, – предложил папа.

Джимми так и сделал. Игрушка некоторое время стояла на своих внезапно обретших твердость ногах, продолжая мягко урчать – а затем вдруг издала новый звук, что-то вроде сипения, и принялась лихо маршировать по комнате, звучно чпокая черными присосками. Дойдя до левой стены, она четко, по-солдатски, развернулась через левое плечо (насколько, конечно, можно говорить о плече применительно к двуногой картофелине), перекувырнулась вокруг невидимой оси, соединявшей основания ног (зеленые кнопки-глаза, прежде светившие в пол, теперь уставились вверх), и двинулась обратно уже совсем другой, часто и мелко семенящей походкой, быстро сгибая ноги в коленях (насколько, опять же, понятие колен было применимо к середине двух белых трубок, становящихся то гибкими, то твердыми, но не имеющих никаких видимых шарниров или суставов). Джимми засмеялся и захлопал в ладоши; улыбнулась даже мама, прежде смотревшая на игрушку с сомнением – зрелище и впрямь было забавным.

Игрушка зашла под стул своего нового хозяина. Джимми ждал, что она выйдет с другой стороны, но чпокающие шаги смолкли. Урчания и сипения тоже больше не было слышно. Подождав немного, Джимми наклонился, заглядывая под стул.

– Ой! – воскликнул он разочарованно. – А где она?

Игрушки под стулом не было. И на полу вокруг тоже. Джимми даже залез под стол, но и там ничего не обнаружил.

– Где моя игрушка? – спросил он уже другим, требовательным и возмущенным голосом, выбравшись из-под стола. Увидев, что его отец еле сдерживает смех, он окончательно удостоверился, что стал жертвой злого розыгрыша, и громко потребовал, уже почти готовый заплакать от обиды: – Я хочу мою игрушку! Это не смешно!

– Посмотри назад, – сказал папа.

Джимми развернулся на стуле – и отпрянул от неожиданности, а потом снова засмеялся. Игрушка висела, присосавшись к задней стороне спинки, и смотрела на него своими зелеными светящимися глазами

Мальчик протянул к ней руки, но тут присоски отлипли от спинки, и игрушка полетела на пол. "Ай!!!" – испуганно воскликнул Джимми, уверенный, что она разобьется. Но игрушка, ударившись об пол, прокрутила в воздухе ноги, снова сгибая их, уперлась присосками в пол, а затем поднялась, как ни в чем не бывало, и потопала вперед смешной переваливающейся походкой, уже третьей по счету. Сперва она обошла вокруг стола, а потом снова зашагала по прямой, пока не уперлась в старую софу у стены в углу. С коротким звуком типа "боп!" ее кнопки-глаза снова выскочили наружу, и она, позволив ногам согнуться, опустилась на пол и замерла.

– Она ведь не сломалась? – уточнил Джимми.

– Нет, – улыбнулся папа, – она крепкая. Она просто отдыхает. А ты ешь пока торт.

Торт! Действительно, Джимми почти забыл про него, но теперь тут же вспомнил. Мама уже отрезала ему большой кусок и наливала чай. Но, пока Джимми орудовал вилкой, он то и дело бросал взгляды в угол, где дожидалась его новая игрушка: не убежит ли она куда-нибудь снова?

Игрушка исправно ждала.

Несколькими часами позже, когда наигравшийся Джимми был, наконец, отправлен спать (ключевую роль в этом всегда непростом процессе сыграло разрешение взять игрушку в постель под встречное обещание не включать ее ночью), Джон сидел на кухне. На столе стоял электрический чайник и две тарелки с остатками торта. Шторы на окнах, несмотря на позднее время, оставались раздернуты – едва ли кто-то, кроме какой-нибудь ночной птицы, мог заглянуть в дом снаружи, так что нынешние обитатели старой развалюхи могли беспрепятственно любоваться роскошным видом погруженных во мрак картофельных полей и узкой неосвещенной полосы шоссе номер 13, по которому редко-редко проносились огоньки припозднившейся машины. Если в лимбе существуют дороги, то они, должно быть, выглядят так.

Вернулась Эмма, села на свое место наискосок от мужа.

– Ну что, он уснул? – осведомился Джон, оторвавшись от созерцания заоконной тьмы.

– Спит с твоей игрушкой в обнимку. А ведь, когда он впервые ее увидел, у него был такой вид, словно он сейчас заплачет от обиды. Он ведь мечтал об игровой приставке...

– Ну ты же знаешь, что мы не можем сейчас позволить себе лишние траты. Очень удачно, что я полез разбирать хлам на чердаке и нашел ее там.

– Так ты просто нашел эту штуку на чердаке? А всю историю с последним подарком героического дедушки придумал для солидности? – Эмма никогда прежде не слышала ни этой истории, ни вообще каких-либо упоминаний о странной игрушке.

– Нет, это все правда, – ответил Джон, вновь рассеянно глядя в окно. – Во всяком случае, так мне рассказывал мой отец. Никаким особым героем, кстати, мой дед не был. Я потом читал его письма, которые он успел отправить бабушке. Он не знал, что отправляется на войну. Он думал, что ему чертовски повезло служить, грея пузо на хавайском пляже. Все, конечно, знали, что творится в Европе и какие отношения складываются с Японией, но мало кто верил, что японцы отважатся напасть. На каких-то китайцев – разумеется, на британские колонии – ну, почему бы нет, но только не на нас, не на Америку. Пусть посмотрят на карту, что такое они и что – мы... Боялись только того, что Рузвельт начнет войну сам. Никто этого не хотел. Пусть англичане, французы, русские и все прочие разбираются со своими проблемами сами... Он погиб на "Аризоне" в первые же минуты войны. Я даже не уверен, что он успел понять, что происходит... "Аризону" ведь так и не подняли, ты знаешь? Его останки до сих пор где-то там, на дне...

– Брр, – поежилась Эмма, представив себе эту картину: ледяной мрак глубин, изъеденные коррозией, обросшие водорослями переборки – и скрюченные скелеты в лохмотьях униформы, сгрудившиеся возле того угла, откуда воздух ушел в последнюю очередь. Мелкие бледные

рыбки выплывают из пустых глазниц, крабы заползают в безгубые рты...

– Что "брр"? – пожал плечами Джон. – Под водой или под землей – мертвому без разницы.

– А эта игрушка? – вернулась к прежней теме Эмма. – В своих письмах он не упоминал ее?

– Нет. А с какой стати ему ее упоминать?

– Ну, типа "как там мой сын, нравится ли ему мой подарок..."

– Как поживает сын, он, конечно, спрашивал, но едва ли эта игрушка так его занимала. Может быть, он вообще не помнил, что подарил сыну перед отъездом. Увидел что-то забавное на какой-нибудь гаражной распродаже и купил, радуясь, что не придется тратить много денег и времени...

– А может, так поступил не он, а твой отец – а историю про дедовский подарок придумал? Просто, понимаешь, мне не верится, что такие штуки делали еще перед войной. В семидесятые уже да, было много всяких электрических машинок с лампочками, и шагающие роботы, наверное, тоже... но в начале сороковых – вряд ли. Тогда, наверное, и маленьких батареек еще не было. Мне кажется, тогдашние игрушки если и двигались, то только те, которые заводились ключом.

– Может, и так, – легко согласился Джон. – А почему тебя это так заботит? Какая, собственно, разница?

– Да никакой, наверное... Просто, ну, странная штуковина. Никогда таких не видела.

– Но топает, согласись, прикольно.

– Ну, да. Прямо как живая. И всякий раз разной походкой. И даже по стенам лазит.

– Может даже прыгать, и довольно высоко... Знаешь, когда я впервые ее увидел, моя реакция была такой же, как у Джимми. Я надеялся, что мне подарят полицейскую машину с мигалками. Но уже через несколько минут был совершенно покорен этой штукой, – Джон отхлебнул остывающий чай из чашки и произнес, продолжая глядеть в окно: – Это был последний мой счастливый день рождения.

– А что случилось потом? – мягко спросила Эмма. За все время их брака Джон почти не рассказывал ей о своем детстве. Она лишь знала, что его родители рано умерли, и мальчика воспитывала тетка, старшая сестра отца. Именно от нее, ныне тоже уже покойной, они унаследовали этот дом – в котором в лучшие времена не планировали не то что жить, но даже бывать. Агент по недвижимости сказал им, что дом потребует очень серьезных вложений, чтобы его имело смысл выставить на продажу – и даже в этом случае не факт, что в этой глухомани, среди разорившихся и дышащих на ладан ферм, удастся достаточно быстро найти покупателя. Деревянные стены изъели термиты и муравьи, крыша текла после каждого дождя, пол напоминал поле для гольфа – само собой, не стоимостью, а обилием холмов и впадин, и вдобавок половицы ужасающе скрипели при каждом шаге. Джон, тем не менее, периодически говорил, что с домом надо что-то делать – главным образом он говорил это после уплаты очередного налога на недвижимость – но практические меры откладывались из года в год из-за нехватки свободных средств и времени, пока вдруг не оказалось, что продавать им придется не развалюху в глуши, а строго наоборот – их городскую квартиру. Точнее говоря, ту ее (меньшую) часть, за которую успели расплатиться по ипотеке. Заодно они продали оба автомобиля и купили взамен не первой молодости пикап, куда более соответствовавший их теперешнему статусу сельских жителей. Были еще деньги, откладывавшиеся Джиму на колледж, но это был неприкосновенный запас. Джон порывался заняться ремонтом сам, благо теперь у него было достаточно времени, но Эмма относилась к этой идее крайне неодобрительно, опасаясь, что она закончится ударом током или падением с крыши. Действительно, дом был не в таком состоянии, когда можно обойтись мелкой латкой непрофессионала. Им уже пришлось серьезно потратиться на электрика – иначе пробки вышибало при всяком включении электрочайника или

микроволновки, да и Эмма почувствовала себя спокойно лишь после заверения специалиста, что теперь пожар из-за проводки им не грозит – и теперь на очереди был водопроводчик...

– Это был 1973, – сказал Джон. – Последний хороший год. А потом... – он отправил себе в рот кусок торта, словно пытаясь подсластить воспоминания, – потом начался кризис. Ты его не помнишь?

– Мне было пять лет.

– Ну, может, по разговорам родителей... Рынок падал, многие теряли работу. Нашу ферму это поначалу не слишком затрагивало. Отец не доверял банкам и уж тем более никогда не имел дела с акциями. А потом арабы взвинтили цены на нефть в четыре раза. И наши грузовичок и трактор из кормильцев превратились в их противоположность. Фермерство в этих краях – да и вообще где угодно – никогда не было сильно прибыльным делом, и такой рост цен на бензин добил тогда многих, не только нас... Нам пришлось продать технику, чтобы расплатиться по кредитам, но на что жить дальше, все равно было непонятно. Мать и отец стали часто ссориться, она кричала на него, что он неудачник, что он ничего не делает, чтобы найти работу, что скоро мы все окажемся на улице... отец начал проводить все больше времени в баре, а потом уже и напиваться в одиночку. Я затыкал уши в своей комнате, но все равно слышал, как по вечерам они орут друг на друга... А потом, после одной из таких ссор, мама просто исчезла.

– Исчезла? Что значит исчезла?

– Я не знаю, чем закончилась ссора. Я заснул, забравшись с головой под одеяло, прежде, чем это произошло. Была ненастная ночь, гремел гром, шумел ливень... А наутро мамы не было, и отец объявил, что она больше не будет жить с нами. Что она нас бросила.

– И... ты больше никогда не получал от нее известий?

– Никогда, – покачал головой Джон.

– Но... – испуганно произнесла Эмма, – ты ведь не думаешь, что...

– Я не знаю, – просто ответил Джон. – Поначалу мне не приходило в голову, что отец на такое способен. Мне было десять лет... но потом, чем больше я об этом думал...

– А что полиция?

– А что полиция? Никто не подавал заявления об исчезновении человека.

– Женщины не так уж часто сбегают из дома, бросив собственного ребенка. Иногда такое бывает, когда они уезжают с любовником... но ведь у твоей матери никого не было?

– Этого я тоже не знаю. На моих глазах ничего такого не происходило, она была дома почти все время, и никто посторонний к нам не навещался... но абсолютно исключить ничего нельзя. Шериф пару раз заходил побеседовать с моим отцом, но этим все и ограничилось. У них не было никаких оснований предъявлять ему обвинение... или даже устраивать обыск на нашем участке. А я... иногда я думал, что сам сбегу. Отец пил все больше, после исчезновения матери я уже почти не видел его трезвым, но... ты понимаешь, я ведь любил его. На самом деле, я любил их обоих, и когда они ругались, для меня мучительней всего было то, что я не мог встать на сторону ни одного из них. Страдал за обоих сразу. Но когда мама... исчезла, я поверил, что она предала меня. Нас с ним. И не мог ей этого простить, а его стал любить за двоих. И он меня... он ведь ни разу меня не ударил, даже когда приходил, еле держась на ногах. Напротив, он находил меня, обнимал, прижимал к себе, гладил по голове... и из его глаз текли пьяные слезы. От него разило дешевым виски и потом, иногда и мочой, небритая щетина кололась, мне было гадко и противно... и в то же время так жалко его, что я тоже ревел в два ручья. "Папа, папочка, не пей больше, давай снова жить, как раньше..." Он, конечно, обещал, и это, разумеется, было пустым сотрясением воздуха. А потом, однажды ночью... случился пожар. Самое интересное, что я его совершенно не помню. Знаю о нем с чужих слов. К тому времени, как кто-то вызвал пожарных и они приехали из города, наш деревянный дом со всеми пристройками выгорел дотла. А на пепелище сидел я, целый и невредимый, и сжимал в руках игрушку. Эту самую. Это была единственная вещь, которую я вынес из горящего дома. Говорят, ее с большим трудом вынули из

моих рук... Я был в шоке, ничего не осознавал, пришел в себя только через несколько дней. Поскольку все попытки отыскать мою мать остались безуспешны, меня взяла к себе тетя Люси. Она жила в этом доме одна – ее муж погиб во Вьетнаме еще в самом начала войны, а детей у них никогда не было. Я не могу сказать, что она была недобра ко мне, но... жизнь с ней была такой скучной и унылой, что я сбежал отсюда, как только мне исполнилось шестнадцать, с твердым намерением никогда больше сюда не возвращаться, – Джон криво усмехнулся и отсалютовал чайной чашкой стене напротив.

– А пожар? Установили причину?

– Официальное заключение – что мой отец заснул пьяным с непогашенной сигаретой. Но страховая компания пыталась это оспорить. Дом, мол, все равно был заложен, платить было нечем, и единственный способ, которым отец мог оставить мне хоть какие-то деньги – это поджог и самоубийство под видом несчастного случая. Но они так и не смогли ничего доказать.

– Он не мог сделать это ради тебя. Ведь ты тоже мог сгореть.

– Может быть, он не подумал об этом по пьяни, – пожал плечами Джон. – Или заранее выставил меня на улицу в трусах и майке. А может, официальная версия права. Я же говорю, я ничего не помню.

– Да уж, – вздохнула Эмма, чуть помолчав. – Жуткая история. Почему ты никогда мне об этом не рассказывал?

– А зачем? История, как ты верно заметила, не самая веселая. Да и, – он попытался улыбнуться, – не хотелось тебя пугать. Вдруг ты решишь, что убивать собственных жен – это в нашем роду наследственное.

– Тогда почему рассказал сейчас?

– Сам не знаю... к слову пришлось, – он снова отломил вилкой кусок торта и принялся сосредоточенно жевать.

– Но ведь твой дед никого не убивал, – сказала Эмма серьезно.

– Да. Даже японцев не успел. А уж бабушку тем более. Она умерла от рака уже после его гибели, но задолго до моего рождения. Да и отец, собственно... я ведь говорю, я не знаю. Может быть, моя мать до сих пор живет где-нибудь с новым мужем.

– Дай-то бог.

– Не думаю, что бог имеет ко всему этому какое-то отношение, – ответил Джон столь же серьезно.

Пыльный голубой пикап подрулил к дому. Эмма выбралась из кабины с полудюжиной магазинных пластиковых пакетов в обеих руках и коленом захлопнула дверцу. Сгрузив пакеты на крыльцо, вернулась проверить ржавый почтовый ящик (ничего), затем поднялась по ступенькам.

Джон сидел на кухонном столе над стопкой газет с карандашом в руке, левой рукой подпирая скулу. Рядом стоял принесенный из коридора телефонный аппарат – старый, с крутящимся диском.

– Как съездила? – приветствовал он жену, не поворачивая головы.

– Нормально, – она свалила пакеты на разделочный стол и принялась раскладывать их содержимое по полкам шкафчиков и холодильника. – Вот прихватила тебе еще рекламных газет, – она шлепнула вторую стопку рядом с первой.

– Угу, – ответил Джон, перелистывая страницу.

– Нашел что-нибудь подходящее?

– Пока не очень. В лучшем случае натыкаюсь на "оставьте ваш номер, мы вам перезвоним".

– И никто, конечно, не перезванивает.

Джон не счел нужным подтверждать очевидное.

– Думаю, ты бы быстрее нашел работу через интернет.

– К черту интернет. В этой глуши он стоит бешеных денег. А качество связи наверняка отвратное.

– Зато там можно найти предложения работы по всей стране, а не только в окрестностях.

– И как ты себе представляешь поездку на собеседование куда-нибудь в Алабаму? Нет, конечно, это было бы оправданным, если знать заранее, что результат будет положительным.

– Кстати, ты проверял сегодня почту?

– Нет еще. А ты? – Джон не ограничивался звонками; он также рассылал резюме.

– Ничего, – вздохнула Эмма.

Он снова перелистнул страницу.

– Может, тебе просто... несколько снизить планку? – мягко предложила она.

– Я не собираюсь работать за гроши, – отрезал Джон.

– Ну временно. Пока не найдешь что-то получше.

– Нет ничего более постоянного, чем нечто временное, – пробурчал он.

– Точно, – произнесла Эмма уже с раздражением. – Этот дом, например. Живя в такой хибаре, можно бы и немного укротить свою гордость.

– Дело вовсе не в моей уязвленной гордости! – он повернулся к ней, впервые с начала разговора. – Это просто нерационально. Если в моем резюме будет значиться, что я согласился на работу с понижением, это будет плохим сигналом всем моим будущим работодателям.

"Вы, мужчины, мастера находить рациональные оправдания своим комплексам!" – хотела сказать Эмма, но сдержалась. Вместо этого она произнесла:

– Я могла бы снова устроиться кассиршей. Мне-то не надо заботиться о чистоте резюме.

Как раз сегодня видела объявление о найме в Dollar Tree.

– Ты прекрасно знаешь, что это тоже гроши. И потом, ты ненавидишь эту работу.

– Ну, – она выдавила из себя улыбку, – с другой стороны, благодаря этой работе я познакомилась с тобой.

– И с кем ты надеешься познакомиться на этот раз?

Это должно было прозвучать, как шутка, но шутливый тон у Джона не получился.

– Гроши лучше, чем ничего, – сказала Эмма.

– После всего, что мы распродали, у нас еще есть деньги на жизнь. И достаточно времени, чтобы я нашел что-то достойное. Так что выкинь из головы все эти глупости.

"Интересно, его отец говорил его матери то же самое?" – кольнула Эмму неприятная, какая-то чужая мысль. По крайней мере, Джон не пил. Ну, может, банку пива в жару, но не более чем. Даже на их свадьбе воздержался от шампанского. Как видно, пример, продемонстрированный в детстве, отпечатался в его памяти на всю жизнь.

– Что поделявает Джимми? – осведомилась она, меняя тему.

– Играет у себя, что еще.

– С этой твоей игрушкой?

– Наверное.

– В последнее время он проводит с ней как-то даже слишком много времени.

– Ну а чем ему еще заниматься в этой дыре? – пожал плечами Джон.

– Да, но... у него ведь и другие игрушки есть. А еще он рисовать всегда любил. Мульттики смотреть. А сейчас, как ни загляну – он все с ней. Хотя – ну что она такого особенного делает? Ну ходит по комнате туда-сюда на разный манер. Издает несколько бессмысленных звуков. И все.

– У детей богатое воображение. Их лучшим другом может стать какой-нибудь плюшевый медведь, который вообще никуда не ходит и ничего не издает. Или вообще нечто придуманное. А тут все-таки механизм, ведущий себя почти как живое существо. Можно сказать, машинка и котенок в одном флаконе...

– Вот только совсем не похоже оно ни на машинку, ни на котенка. Вообще ни на что не похоже.

– Тем больше простор для воображения, – вновь пожал плечами Джон.

– Ты-то сам тоже проводил с этой штукой столько времени? И воспринимал ее... как?

– Знаешь, – ответил Джон после короткой паузы, – смешно, но теперь я уже не особо помню. Да, помню, что играл много, и было весело. Когда родители стали ссориться, для меня это сделалось практически единственной отдушиной. Смотришь-слушаешь, как эта штуковина топочет и урчит, и словно уже и не замечаешь, как они там за стенкой орут друг на друга. Но что я еще при этом думал и чувствовал... Ты вот хорошо помнишь свои взаимоотношения с куклами в девять-десять лет?

– Ну, вообще-то помню, – возразила Эмма. – Моей любимицей была Элизабет. Были Маргарет и Дженнифер, они как бы конкурировали друг с другом за мое расположение. Я отдавала предпочтение то одной, то другой, но не очень надолго – чтобы поддразнить вторую, но не обидеть всерьез. А еще была Мэри, которую я все время шпыняла. Так вот представь себе – мне до сих пор перед ней стыдно, что я это делала. Я бы даже попросила у нее прощения, если бы она все еще... существовала. Глупо, да?

– Ну... наверное, не глупее, чем сочувствовать придуманным героям книг и фильмов, – откликнулся Джон. – А что касается моей игрушки, то я, наверное, многое забыл из-за пожара. Я говорил, что, когда меня нашли, я не хотел выпускать ее из рук... зато потом, когда меня привели в чувство – как отрезало. Пропал всякий интерес. Психиатр, наверное, сказал бы, что таким образом мое подсознание вытеснило травмирующие воспоминания о пожаре. Так она и провалялась двадцать лет на чердаке у тетки... веришь, я действительно совсем про нее забыл, пока не наткнулся чисто случайно за два дня до дня рождения Джимми.

Эмма закончила с продуктами и, вымыв под краном большое красное яблоко, направилась в комнату сына.

Джимми сидел на полу, а игрушка ходила вокруг него. На сей раз она двигалась заплетающейся пьяной походкой, шатаясь из стороны в сторону. Сперва Эмма подумала, что она сломалась, потом – "как она только не падает?" Словно услышав ее мысль, игрушка зацепилась ногой за ногу и грохнулась. Джимми рассмеялся. Игрушка, однако, опровергая всякое предположение о собственной неисправности, по очереди подобрала присоски, уперлась ими в пол и вновь поднялась. Постояла, пошатываясь, и опять двинулась вперед. На этот раз Джимми толкнул ее сам, заставив вновь упасть.

– Смотри, ломаешь, – строго предупредила Эмма. Хотя в глубине души она, возможно, и не огорчилась бы подобному исходу.

– Нет, – затряс головой Джимми, только сейчас обратив внимание на мать. – Ее нельзя сломать.

– Хочешь яблоко?

– Давай! – мальчик, не вставая, протянул руку. Взяв яблоко, он поднес его ко рту и уже собрался впиться зубами, как вдруг передумал и протянул красный плод игрушке. Та, только что вновь поднявшаяся на ноги, наклонилась вперед и оставалась в таком положении несколько секунд, словно обнюхивая предложенное, затем качнулась обратно. Джимми довольно хихикнул и вгрызся в яблоко сам. Брызнули капельки сока.

Эмме стало не по себе. То, что она увидела, не походило на действия механизма – скорее на осмысленное поведение живого существа. То есть, конечно, где-нибудь в лабораториях НАСА наверняка можно было изготовить подобного робота, причем не только сейчас, но и четверть века назад. Но для детской игрушки начала семидесятых это, пожалуй, слишком круто – не говоря уже о сороковых...

– Пойди погуляй, – предложила она сыну. – Солнышко светит. Только не подходи близко к шоссе.

– Не хочу, – ответил Джимми, жуя яблоко.

– Нельзя все время сидеть дома. Надо двигаться, дышать воздухом, бывать на солнышке. Оно витамин D вырабатывает.

– Там скучно, – буркнул Джимми, поворачивая голову вслед за игрушкой, сипевшей и топавшей вокруг него теперь уже в обратном направлении.

– Можешь взять свою игрушку с собой, – предложила Эмма.

– Нет, – Джимми снова куснул от яблока, – она не любит солнца.

– Не любит? Кто тебе это сказал? – Эмма наклонилась и подняла игрушку с пола. Та тут же перестала двигать ногами, но женщина продолжала чувствовать под пальцами вибрацию и слабое тепло. Очевидно, мотор внутри продолжал работать. – "Джимми!" – пропищала она тонким голосом, загоразивая от сына игрушкой собственный рот. – "Джимми, пойдем погуляем!"

– Отдай! – мальчик вскочил, отбросив недоеденное яблоко, и буквально вырвал игрушку из рук матери. Яблоко откатилось в сторону.

– Джим, не смей бросать еду на пол, – строго сказала Эмма. – Я не для того ездила в город, стояла в очереди и тратила наши с папой деньги.

– Уходи! – буркнул мальчик, прижимая игрушку к груди. – Ты ей не нравишься!

"Это взаимно", – подумала Эмма, а вслух сказала:

– Джеймс Грегори Хоррелл, мое терпение кончилось. Дай сюда твою игрушку, ты наказан.

– За что?! – мальчик попятился от ее требовательно протянутой руки. В широко распахнутых от возмущения голубых глазах заблестели слезы. – За то, что сказал правду? Ты же сама велела всегда говорить вам с папой правду!

Эмма почувствовала себя неловко. Ну да, конечно, у ребенка богатое воображение. Он сам не отличает правду от вымысла. И если он от имени игрушки высказывает своей матери претензии, то она должна подумать, что она сделала не так, а не наказывать его, лишь углубляя наметившуюся трещину.

– Я понимаю, что это твоя любимая игрушка, – сказала она уже гораздо мягче. – Но это не повод вести себя грубо. И бросаться едой.

– Извини, мамочка, я больше буду, – пролепетал Джимми, глядя на нее круглыми честными глазами.

– Ладно, – смиростивилась она, радуясь возможности отступить, не теряя лица. – Подними яблоко и как следует его вымой, прежде чем доесть. И все-таки делай перерывы, не сиди сиднем весь день. А то станешь толстый, слабый и некрасивый, и дети в школе будут над тобой смеяться.

– Хорошо, мамочка, – легко согласился Джимми.

Чпок-чпок-чпок-чпок – затопали за спиной Эммы ножки-присоски, когда она закрывала дверь.

– Вот, кажется, и водопроводчик, – заметил Джон, выглядывая в окно. На подъездную дорожку заворачивал белый грузовичок с синей надписью "Mr. Plumber" на борту.

На лице Эммы отобразилась мгновенная недовольная гримаска – семья как раз садилась за стол, и лучше бы, конечно, водопроводчик приехал после обеда – или, напротив, на несколько часов пораньше. Но со всей этой публикой никогда невозможно договориться о точном времени. Что, впрочем, понятно – они ведь не знают заранее, сколько придется провозиться с предыдущими клиентами...

Джон встал из-за стола и пошел встретить мастера. Выйдя на крыльцо, он увидел, как тот шагает ему навстречу – невысокий человечек в сером комбинезоне и красной бейсболке, с когда-то черными, но теперь уже седеющими усами. В руке он нес деревянный ящик с инструментами.

Следом за хозяином из кузова выпрыгнул курчавый белый пес – вероятно, помесь пуделя с какой-то еще некрупной породой – и тоже потрусил к дому, дружелюбно помахивая хвостом.

– Привет, я Дэйв, – представился водопроводчик. – А вы, как я понимаю, мистер Хоррелл?

– Можете звать меня "Джон". А это, – Джон с улыбкой кивнул на подбежавшую собаку, – ваш помощник?

– Это Тобиас. Мне не с кем его оставить, а он очень тоскует, если его запирают дома на целый день. Он просто подождет тут снаружи. Вы не волнуйтесь, это добрейший пес, мухи не обидит. Так что, если у вас тут есть куры или кролики, им совершенно ничего...

– Нет, ничего такого не держим. Проходите. Вообще, мы тут как раз собирались обедать, но вы ведь не будете перекрывать воду на кухне – мы сможем потом помыть посуду?

– Раз у вас проблемы в ванной, кухня мне вряд ли понадобится, – кивнул Дэйв, поднимаясь по ступенькам. – Тоби, жди тут! – строго велел он собаке, устремившейся за ним. – В дом тебе нельзя!

Пес сначала, казалось, пропустил эти слова мимо лохматых ушей – и вдруг, уже на верхней ступеньке, замер, точно наткнувшись на препятствие. Затем шерсть на его загривке поднялась дыбом, и он медленно попятился. А затем вдруг принялся яростно лаять на открытый дверной проем, словно предупреждая хозяина ни в коем случае не входить туда.

– Что это с ним? – удивился Дэйв, оборачиваясь. – Тоби! Тоби, прекрати! Вы извините, Джон, он никогда прежде так себя не вел... Тоби, я кому сказал!

Джон даже обернулся, глядя внутрь дома через открытую дверь. Ничего необычного он не увидел. Пес продолжал лаять, срываясь на поскуливание, приседая и прыгая на ступеньках крыльца – не осмеливаясь приблизиться, но и не решаясь отступить и бросить хозяина.

– Наверное, учуял что-то в доме, – извиняющимся тоном сказал Дэйв. – В старых домах, знаете, бывает много всяких запахов, которых мы, люди, даже не замечаем... Может, какая-нибудь крыса у вас под полом.

– Надеюсь, что нет, – попытался улыбнуться Джон ("вот только крыс нам тут и не хватало!") – Мне кажется, он до чертиков напуган. Вряд ли запах крысы может так испугать собаку.

– Ну я же говорю, он добрейший пес, совершенно не способный на драку, даже с крысой... Тоби, да прекрати же ты наконец! Во всяком случае, – Дэйв широко улыбнулся, продемонстрировав отсутствующий зуб справа вверх, – надеюсь, вы не держите дома какого-нибудь монстра из фильмов ужасов, который питается заезжими водопроводчиками.

– Ну, – в тон ему ответил Джон, – мои жена и сын иногда бывают несносными, но не настолько, чтобы подходить под это определение. Ладно, Дэйв, заходите, рано или поздно ему надоест гавкать. Не завязывать же ему пасть, в конце концов.

– Нет, сэр, я не хочу беспокоить вас и вашу семью. Я посажу его в машину, – Дэйв опустил ящик с инструментами на крыльцо. – Тоби! А ну пошли! Если не умеешь себя вести, будешь сидеть в жарком и душном грузовике!

Пес гавкнул еще пару раз, задом пятясь с крыльца, а затем побежал к машине впереди хозяина, радуясь, что тот переменял свое решение входить в страшный дом. Но после того, как за псом захлопнулась дверь кабины, Дэйв торопливо вернулся. Тоби снова принялся лаять, но за поднятым стеклом его было почти не слышно.

– Он не задохнется там? – озабоченно спросил Джон.

– Я оставил щелку с другой стороны. Простите нас, мне право неловко. Говорю же, он никогда раньше...

– Ничего страшного. Заходите.

Мужчины вошли в дом.

Показав водопроводчику ванную и перечислив имеющиеся проблемы (о которых,

впрочем, Дэйв уже знал из предварительного заказа), Джон вернулся на кухню. Дэйв разложил инструменты и принялся за работу.

Некоторое время спустя он услышал позади себя что-то вроде топота маленьких ножек. Звук приблизился из коридора и замер у него за спиной. "Кажется, у хозяев маленький ребенок", – вспомнилось ему. Дэйв – сам старый холостяк – не имел ничего против детей, если только те не лезут под руку и не мешают работать. А сейчас проржавевшая труба под раковиной, никак не желавшая покидать насиженное место, требовала всего его внимания и усилий, и он не стал никак реагировать на звуки за спиной, надеясь, что любопытный малыш уйдет сам и не станет его отвлекать. Да и поза для беседы у Дэйва была не лучшей – на коленях, с головой под раковиной и выставленным наружу задом.

Ребенок ничего не говорил, но и не уходил. Во всяком случае, новых шагов Дэйв не слышал. Почему-то от этого молчания за спиной – не тишины, а именно молчания, подразумевающего чье-то присутствие – ему стало не по себе. Он чувствовал на себе недобрый изучающий взгляд... взгляд, которым едва ли может смотреть маленький ребенок. Хотя ученые и утверждают, что на самом деле почувствовать чужой взгляд невозможно, и такие ощущения – лишь плод воображения и самовнушения. Но мало ли что там утверждают ученые... они даже до сих пор не могут разобраться, вредны или нет мобильные телефоны. Вот и Тобиас что-то такое почуял в этом доме... что-то, что не чуял прежде нигде и никогда, хотя уж наверное ему за его достаточно долгую по собачьим меркам жизнь доводилось унюхать дюжину-другую крыс...

– Привет, малыш, – не выдержал Дэйв.

Молчание.

Дэйв подумал, что ребенок может быть еще совсем маленьким и не уметь разговаривать – судя по частым и мелким шажкам, которые он слышал, это действительно мог быть двух-, ну максимум трехлетний малыш. А может, это был и вовсе не человек. А... животное? Но звуки не походили ни на постукивание когтей (уж Дэйву ли их не знать!), ни на тихие шаги мягких лап.

Труба, наконец, поддалась, и Дэйв испытал большое искушение выскочить из-под раковины, сжимая эту ржавую штукину в руке, как оружие. Но это было бы, конечно, просто верхом идиотизма. Он заставил себя – спокойно, аккуратно и не торопясь, как всегда – установить на место новый отрезок трубы, и лишь после этого, выбравшись из-под раковины, обернулся назад.

Ни в ванной, ни в коридоре никого больше не было.

Значит, показалось, подумал Дэйв. А может, ребенок действительно прибежал, а потом ушел, а он просто не расслышал, как.

Водопроводчик положил на пол ржавую трубу и поднялся, распрямляя ноющие колени и спину. Все-таки староват он становится для работы в скрюченных позах... Пару минут передохнет и займется смесителем ванны.

Дэйв открыл вентиль, убедился, что течи под раковиной больше нет, затем вновь перекрыл воду и вытащил из ящика новый смеситель, завернутый в коричневую бумагу. Сняв обертку, он вдруг заметил какие-то зеленые огоньки, отразившиеся в блестящей металлической поверхности. В недоумении он поднял голову...

Прямо над ним с потолка свисала какая-то странная разноцветная загогулина, похожая на несуразно толстый огурец-мутант, чьи пупырышки разрослись, как раковые опухоли. Особенно ему не понравился самый нижний (или верхний, если считать эту хреновину перевернутой) "пупырышек"-бугор, багровый, как карбункул, готовый брызнуть гноем. И прямо под этим бугром горели два круглых зеленых глаза, уставившиеся на водопроводчик, как хищник на добычу. Хищник, изготовившийся к прыжку. Если бы он вовремя не поднял голову...

Дэйв постарался отогнать от себя глупые ассоциации. Он видел, что это неживое. Конечно, это всего лишь какой-то бытовой прибор. Скажем... что за прибор может быть подвешен к потолку в санузле?... ну, допустим, освежитель воздуха. Спроектированный каким-

то безумным дизайнером, решившим необычностью формы завоевать рынок. Или датчик дыма и угарного газа одновременно (потому и зеленых огней два), хотя ванная – странное место для таких датчиков. Ну да хозяевам дома виднее.

Вот только... Дэйв не был уверен, что видел эту вещь, когда вошел в ванную. Конечно, он смотрел тогда не на потолок, а на привычный фронт работ – раковину, ванну и унитаз. Но, наверное, разноцветную, да еще и светящуюся штуку хоть краем глаза должен был заметить...

Дэйв медленно, словно зачарованный, протянул руку, чтобы дотронуться до загугулины. Но потолки в этом старом доме были довольно высокие – чего нельзя было сказать о самом Дэйве – и ему не хватило нескольких дюймов. Как же этим пользуются хозяева? Мужчина – Джон – наверное, может дотянуться до кнопок (теперь Дэйв ясно понимал, что это никакие не "глаза", а просто утопленные в углубления кнопки), если встанет на цыпочки, но и то это не слишком удобно. А его жена... ну разве что если подпрыгнет. Впрочем, если это включается один раз и дальше работает до конца срока службы, то это можно сделать и со стремянки.

Сам Дэйв прыгать, чтобы достать до штуковины, конечно, не стал – как и тыкать в нее длинным ключом или обрезком трубы. Не хватало еще повредить из любопытства чужой прибор, который никак к его работе не относится. Впрочем, Дэйв рассуждал так спокойно, будучи в твердой уверенности, что две белых трубки, на которых держится хреновина, прочно прикреплены к потолку. Если бы он знал, что эта довольно массивная на вид штука висит точно у него над головой всего лишь на двух присосках...

Дэйв качнул головой – чего только не продают и не покупают люди в наши время! – и вернулся к своей работе. На разноцветную загугулину он решил больше не обращать внимания.

Обед давно закончился, и Джимми ушел к себе (судя по доносившимся звукам, он наконец-то смотрел мультики, а не возился со своей игрушкой), но его родители все еще сидели на кухне. В последнее время они часто засиживались здесь, возможно, потому, что это помещение казалось светлее остальных. Окна здесь были не больше, чем в остальных комнатах, но зато было много белого – шкафчики, холодильник, скатерть на столе. Прочие же комнаты словно пропитались мраком, сочащимся из потемневших от времени деревянных стен, лишенных обоев, и таких же досок пола; даже в солнечные дни самый воздух там казался каким-то уныло-тусклым.

– Что-то наш водопроводчик долго копается, – произнес с неудовольствием Джон.

– Откуда ты знаешь, сколько нужно? – пожала плечами Эмма. – Нет ничего проще чужой работы.

– На что это ты намекаешь? – вдруг окрысился Джон.

– Ни на что, – удивилась Эмма.

– На то, что все вокруг работают, и только я бездельничаю? – наседал он.

– Да при чем тут это? Я прекрасно знаю, что ты ищешь работу. Я говорю только о том, что не надо судить других, в чьей работе ты не разбираешься.

– Тоже мне, ракетная наука – поменять пару труб и прокладок.

– Ну если это так просто, почему ты не сделаешь это сам? – не выдержала Эмма.

– Да ты же сама была против того, чтобы я занимался ремонтом сам!

– Да потому что ты бы не справился!

– Ну и кто теперь судит другого?!

– Не кричи, – поморщилась Эмма. – Джимми услышит. Да и водопроводчик, кстати, тоже. Вообще, какая муха тебя укусила? – прежде они ссорились крайне редко; конечно, после того, как Джон потерял работу, у них было мало поводов для веселья, и она не раз видела, как Джон злится – но эта злость не направлялась на нее. Напротив, у нее он искал утешения. – Пойди и проверь, что он там делает, если тебя это так беспокоит.

– И пойду, – Джон поднялся и вышел из кухни.

Свернув в коридор, ведущий к ванной, он увидел открытую дверь и торчащие оттуда

ноги в пыльных ботинках. Дэйв, очевидно, лежал на спине на полу ванной. Его ноги были неподвижны, и изнутри не доносилось ни звука – никакого звяканья ключей или чем там должна сопровождаться работа водопроводчика. Лишь из комнаты Джимми что-то ревело и стреляло, и пищали мультяшные голоса.

Джон вдруг почувствовал беспокойство и ускорил шаг. Ему невесть отчего представилось мертвое тело

(женщины)

распростертое на кафельном полу, и волосы мокнут омерзительными сосульками в темной, почти черной луже, расплывающейся вокруг головы...

– Дэйв, с вами все в порядке?

Ноги согнулись в коленях, и в дверном проеме показалась голова.

– Со мною – да, – сказал Дэйв. – А вот унитаз вам, боюсь, пора менять.

– Черт! – не сдержался Джон. Лишние расходы в последнее время его просто бесили.

– Прочее я вам тут подлатал, – продолжал Дэйв, поднимаясь с пола. – Стояк под раковиной, прокладка, смеситель в ванной, головка душа... если вы подождете пару минут, я распишу вам счет, – он вытащил из своего ящика сложенную вдвое бумагу, а затем – ручку из кармана комбинезона.

– Да, конечно, – буркнул Джон. – А унитаз... насколько это серьезно?

– Подтекать будет, там большая трещина. Я кое-как законопатил, но это ненадежно. И слив не будет работать хорошо, труба заросла изнутри. Здесь у нас жесткая вода, отложения накапливаются – во всех трубах, не только в этой. Я бы вам посоветовал на будущее установить умягчающий фильтр...

В доме зазвонил телефон.

– Мы не собираемся долго здесь жить, – сказал Джон. – Только продержаться... некоторое время, пока мы не вернемся в город.

– А, ну это дело ваше, – Дэйв, прислонив бумагу к стене, неторопливо вписывал цифры в столбик. – Кстати, а можно полюбопытствовать – что это у вас за приборчик такой хитрый на потолке?

– Джон! – в коридоре появилась Эмма. – Тебе звонят по поводу работы!

– Иду! Эмма, рассчитайся тут с Дэйвом... – Джон побежал прочь по коридору.

Эмма подошла, кивнула водопроводчику, взяла счет, озабоченно нахмурилась, увидев сумму.

– Дэйв, вы примете чек?

– Предпочел бы наличные, мэм.

– Мм... я не уверена, что найду сейчас столько наличными. Пришлось бы ехать в банк, а вам, соответственно, меня дожидаться, – она посмотрела на него просительно.

– Ну хорошо, – согласился водопроводчик; ему не хотелось здесь задерживаться, да и Тоби, наверное, весь извелся, запертый в грузовике. – Сегодня я уже не собираюсь в город, но, думаю, не будет ничего страшного, если я обналичу ваш чек завтра или послезавтра.

– Спасибо, Дэйв!

Она нырнула в комнату и быстро вернулась с чеком и ручкой. Водопроводчик подсказал ей, что вписать в графе "На имя", поблагодарил и направился к выходу. Уже шагнув одной ногой на крыльцо, он вдруг обернулся, вспомнив о вопросе, на который так и не получил ответа, и спросил хозяйку о "хитром приборчике в ванной".

– Какой приборчик? – удивилась Эмма.

– Ну такой... – палец Дэйва описал в воздухе нечто бугристое, – разноцветный, с двумя большими зелеными... лампочками.

– А, это, наверное, игрушка моего сына. Я скажу ему, чтобы не бросал ее, где ни попадя.

– Игрушка? – удивился Дэйв. – Надо же, чего только не выпускают. Ладно, мэм, хорошего

дня.

– И вам.

Истомившийся Тобиас заметался за стеклом, увидев хозяина. Водопроводчик зашагал к машине, пряча чек в карман комбинезона.

Из комнаты Джимми по-прежнему неслись мультяшные голоса. Эмма приоткрыла дверь. На экране дядюшка Скрудж купался в деньгах. "И почему я не дядюшка Скрудж", – мрачно подумала Эмма.

Мальчик сидел перед телевизором на полу, скрестив ноги. Почему-то он предпочитал смотреть телевизор так, а не из кресла.

Игрушка смирно лежала рядом. Выключенная, с потухшими мертвыми глазами.

– Денвер? Так далеко?

– Ближе, чем Алабама, – усмехнулся Джон.

– Но это же... миль шестьсот, наверное. И ты собираешься быть там завтра утром?

– Больше семисот. Ничего, если выехать сегодня вечером, приеду даже с запасом.

– Неужели они не могут найти никого там у себя, – с сомнением пробормотала Эмма.

– Им нужен человек с моими данными, – самоуверенно улыбнулся Джон. – Еще молодой, но уже с опытом руководства. Амбициозный и энергичный. Вообще-то, они открывают новый торговый центр у нас в Фарго. Но собеседования на такую должность проходят в головном офисе в Денвере.

– Но ты собираешься ехать всю ночь. В том числе по горным дорогам... Могли бы хотя бы дать тебе больше времени на дорогу!

– Они спросили, как скоро я могу приехать. Я ответил – завтра к девяти утра. Не сомневаюсь, это пошло мне в плюс.

– Ты же сам говорил, что такие дальние поездки имеют смысл только при гарантии успеха! А у них там наверняка кандидатов...

– Послушай, что тебе надо вообще? – рассердился Джон. – То ты предъявляешь мне претензии, что я не ищу работу по всей Америке. То...

– Я не... – попыталась возразить она, но он не слушал:

– ... что я собираюсь съездить на собеседование через пару штатов. Ты уж определись как-нибудь!

– Я просто беспокоюсь, что ты собираешься гнать всю ночь без сна, – кротко сказала Эмма. – И в каком виде ты предстанешь после этого перед своими работодателями?

– В идеальном, – отрезал Джон. – Я же сказал, я приеду с запасом, и у меня будет время привести себя в порядок.

– И я тут останусь без машины, – вздохнула Эмма. – В этой дыре.

– Всего на один день, – Джон смягчился. – Завтра к вечеру я уже буду дома.

– Надо бы все-таки купить вторую машину. Наверняка можно найти поддержанную всего за тысячу.

– Купим. И не какой-то ржавый драндулет. После того, как я получу эту работу.

И вот он уехал. Даже не поужинав, ибо "после еды клонит в сон". Взял с собой только термос с кофе и несколько бутербродов. Джимми совсем не был опечален отъездом отца (хотя прежде, бывало, плакал, если тот уезжал хотя бы на день и не мог пожелать ему спокойной ночи – что вызывало у Эммы стыдную ревность); составлять компанию матери он тоже не пожелал и, едва доев ужин, убежал к своей игрушке. Эмма некоторое время щелкала пультом телевизора (но так и не нашла ничего, достойного внимания), пока не пришла пора укладывать сына спать. (Теперь он без возражений забирался в постель, прижимая к себе игрушку – хоть какая-то польза от этой штуковины.) Затем Эмма и сама улеглась на кровать с книжкой, но глаза бездумно скользили по страницам, не цепляясь за смысл. Она говорила себе, что надо радоваться, что

Джон получит хорошую работу, и все наконец-то станет, как прежде, или даже лучше – но вместо этого чувствовала лишь сосущее беспокойство. В итоге она погасила свет раньше обычного, почти уверенная, что не сможет заснуть и будет ворочаться, отгоняя дурные мысли, до полуночи, если не до утра; однако, вопреки своим опасениям, уснула почти сразу.

Проснувшись она посреди ночи от твердого ощущения, что в спальне кто-то есть.

Было совершенно темно. Эмма поняла, что лежит лицом к стене, туда, где обычно спал ее муж. Еще несколько секунд ушло у нее на осознание, что сейчас Джона там нет – и не потому, что это он встал в туалет и стоит теперь на пороге, а потому, что он сейчас едет за сотни миль отсюда. Это не мог быть так же и Джимми – иногда он заявлялся к родителям среди ночи с жалобой на страшный сон или плохое самочувствие, но он не стал бы молча стоять, она бы уже услышала жалобное "ма-ам..." От осознания всего этого, и особенно отсутствия мужа, она почувствовала настоящий ужас – хотя, конечно, если в дом и в самом деле кто-то забрался – если он уже в спальне – что мог бы сделать Джон, не вооруженный ничем, кроме трусов и одеяла? У него был пистолет – и Джон показывал ей, как им пользоваться – но, конечно, оружие лежало не в прикроватной тумбочке (ребенок в доме!), а в маленьком запертом сейфе вместе со всякими документами. Никаких шансов. Эмма почувствовала, как ее пальцы заledenели, а сердце заколотилось чуть ли не с утроенной скоростью. Однако в комнате было совершенно тихо. Ни малейший шорох или скрип не выдавал присутствия злоумышленника – а их замечательный пол, конечно, закрипел бы под ногами даже самого осторожного вора. "Это все чушь, – сказала Эмма себе. – Тебе просто что-то приснилось. Надо обернуться и убедиться, что там никого нет."

Однако она не могла отважиться на это. Не могла заставить себя шевельнуться – и тем выдать врагу свое бодрствование. Хотя, казалось, ее сердце стучит так, что должно быть слышно на другом конце дома.

Она пролежала так, покрываясь холодным потом и вслушиваясь в тишину, минуту или две; по-прежнему ни один звук не выдавал чужого присутствия. Наконец, обругав себя трусливой дурой, Эмма резким движением перевернулась на другой бок, готовая... она сама не знала – драться, кричать (кто услышит?!), прыгать в окно (а как же Джимми?!)..

Дверь, еле различимая во тьме, была приоткрыта. Но в комнате никого не было. Лишь чуть выше пола ярко светились, уставясь на нее, два круглых зеленых глаза.

– Тьфу, чтоб тебя! – выругалась Эмма вслух, спуская ноги на пол. Она же говорила Джиму, чтобы выключал эту чертову штуковину, когда не играет с ней! Впрочем, Эмма тут же вспомнила, как укладывала сына спать – тогда кнопки-глаза не горели. Хотя, конечно, Джимми мог нажать их позже... даже неосознанно, во сне...

Эмма пошла через комнату, чтобы подобрать игрушку и отнести ее обратно в детскую. Внезапно под ее босой ногой хрустнуло что-то твердое. Какой-то мусор? Откуда мусор в их тщательно убранной спальне? Может, выкрошился кусок изъеденного термитами потолка?

Игрушка стояла неподвижно, она вовсе не переводила взгляд следом за идущей женщиной – само собой, это же простой механизм, да и "глаза" на самом деле просто кнопки... И все же Эмма не решилась притрагиваться к ней в темноте, а нащарила и зажгла свет. Заодно обернулась посмотреть, на что такое наступила – и скривилась от отвращения, убедившись, что раздавила здорового черного таракана. Скорее всего, он был уже дохлый, раз не убежал при ее приближении... Вот этих тварей только не хватало. Им с Джоном и так пришлось уже потратиться на истребление муравьев и термитов, прежде чем перебраться сюда – но, как видно, этих мер оказалось недостаточно...

Эмма подняла с полу игрушку и нажала на обе кнопки разом, чтобы ее выключить. Ничего не получилось. Кнопки не выскакивали из своих углублений и продолжали светиться. Она попробовала нажимать их по очереди. Никакого эффекта. "Да чтоб тебя!" – снова выругалась Эмма, на сей раз мысленно. Ну хорошо же, не хочешь отключаться добром – я просто выну из тебя батарейки!

Она повертела игрушку в руках, отыскивая крышку отсека для батареек – но тоже безуспешно. Да что ж это такое?! Эмма вернулась на середину комнаты и встала прямо под лампой, поворачивая игрушку так и этак, тщательно ее рассматривая, скользя по гладкой поверхности ногтями в надежде обнаружить щель – все тщетно. Нигде не было ни щелей, ни винтов, ни задвижек – ни даже швов или заклепок, никаких следов сборки. Чертова штукавина выглядела, как единый монолит. Эмма осмотрела и ощупала каждый из разноцветных бугров – их было десять, но ни один из них не нажимался и не поворачивался. Может быть, игрушка каким-то образом заряжалась от сети? Но, когда Джимми разворачивал отцовский подарок, там не было никакого блока питания или проводов. Да и на корпусе не обнаружилось ничего похожего на гнездо под какой бы то ни было разъем.

Не было там также никаких надписей – ни названия, ни логотипа, ни страны-производителя. Впрочем, все это, конечно, могло содержаться на этикетке, впоследствии оторванной...

Ну этикетка – ладно. А как игрушка вообще оказалась здесь? Она, конечно, во включенном состоянии может потопать куда угодно... но доселе Эмма ни разу не видела, чтобы она выходила из детской. Ну да, очевидно, Джимми заворачивает ее обратно. А если он, допустим, во сне уронил ее с кровати, она включилась от удара и зашагала... Но дверь детской была закрыта, Эмма сама закрывала ее. Не на ключ, конечно же – но, чтобы войти или выйти, нужно было повернуть ручку. Аналогично и с дверью родительской спальни.

Ну, может быть, Джимми выходил ночью в туалет и оставил свою дверь открытой. Но ведь сама Эмма точно никуда не ходила с тех пор, как легла. Не могло же ей присниться, что ее дверь была закрыта перед тем, как она погасила свет!

Или все-таки могло? Всему же должно быть разумное объяснение. И, когда Джон вернется, он расскажет, каким образом обеспечивается питание этой штуки...

Но в чем Эмма была уверена, так это в том, что не положит снова эту хреновину в постель своего сына.

Но куда ее деть? Любую другую игрушку Эмма просто сунула бы в какой-нибудь ящик или картонную коробку (тем более что часть коробок так и стояли нераспакованными после переезда – Джон говорил, что в этом нет смысла, ибо скоро все эти вещи придется везти обратно). Но эту – особенно пока она остается включенной, или сохраняет способность включиться, если уж на то пошло – хотелось запереть по меньшей мере в сейф. Вместе с пистолетом и документами... Впрочем, как только Эмма об этом подумала, эта идея ей сразу же разонравилась. Нет, не то чтобы, конечно, она всерьез опасалась, что в этом случае, открыв сейф в следующий раз, она или Джон увидит вместо важных бумаг клочки – или, тем более, получит пулю. Но... но. Зовите это интуицией или предрассудком, но она этого делать не будет.

Она подумала, куда еще можно запереть игрушку. Большое помещение, вроде подвала, определенно не годилось – ищи ее потом там. Эмме вспомнился чемодан с кодовым замком, с которым они ездили отдыхать и который Джон, кажется, засунул в кладовку. Да, это подойдет. А затем она вымоет ногу и уберет с пола останки таракана.

Выйдя в коридор, она заглянула в комнату сына. Дверь, как и ожидалось, была приоткрыта. Джимми мирно спал.

Игрушка в ее руке вдруг задвигалась – принялась перебирать ногами, и Эмма почувствовала такое отвращение, словно держала гигантское насекомое. Да что вообще и Джон, и Джим находили привлекательного в этой штуке?! Эмма не швырнула ее на пол только потому, что не хотела разбудить Джимми, и поспешно вышла из детской, не забыв закрыть дверь.

– Где моя игрушка?!

– Где твое "доброе утро"? – Эмма в халате стояла у кухонного стола, намазывая бутерброды джемом и арахисовым маслом. Утро и впрямь выглядело добрым – на небе ни

облачка, солнце наполняет сочными красками пейзаж за окном, не кажущийся таким унылым, как обычно. (Идиллию портила разве что летавшая с гудением по кухне муха, которую Эмма уже несколько раз пыталась убить, но безуспешно.)

– Где моя игрушка?! – повторил Джимми обвиняющим тоном. – Это ты ее забрала?

– Она... – у Эммы мелькнула мысль сказать "ушла", что было, в общем, недалеко от истины. Но вместо этого она сказала: – ... сломалась.

– Ты врешь! Она не может сломаться!

– Нельзя говорить "ты врешь" собственной матери, – строго сказала Эмма. – Извинись, или останешься без завтрака.

– А врать собственному сыну, значит, можно? – совсем по-взрослому возразил Джимми, даже и не думая извиняться.

– Мой собственный сын обещал не включать свою игрушку по ночам, – заметила Эмма. – Так кто из нас врёт?

– Я не включал, – затряс головой Джимми.

– Что же она – сама включилась? – Эмма иронически приподняла бровь.

– Да.

– Ну вот видишь, это и значит, что она сломалась, – заключила Эмма, довольная проведенной логической комбинацией. Все-таки убеждать ребенка разумными доводами куда правильней, чем использовать универсальный "аргумент" "Потому что я так сказала!", как делала в свое время ее собственная мать.

Но Джимми ничуть не выглядел убежденным ее безукоризненной логикой.

– Она не сломалась. Она всегда такая.

– Ну хорошо, – Эмма была само терпение, – а как ее выключить, ты знаешь?

– Ее нельзя выключить.

– Ну как это нельзя? Она была выключена, когда ты ложился спать.

– Она сама выключается, когда захочет.

– Ну видишь! Сама включается, сама выключается. Исправные вещи так себя не ведут.

Представь себе, что твой телевизор включался бы посреди ночи и выключался в середине мультика.

– Что ты с ней сделала?! – Джимми по-прежнему был глух к ее рассудительным доводам.

– Я ее... – у Эммы было искушение сказать "выбросила", но она испугалась грядущей истерики и ответила правду: – ...убрала.

– Отдай! – категорически потребовал мальчик.

– Нет, Джим, – она вновь вернулась к строгому тону. – Ты не будешь играть с неисправной игрушкой, – но, глядя в его округлившиеся от обиды и гнева глаза, она все же добавила примирительно: – Вот вернется папа, он постарается ее починить.

– Если ты не отдашь мне игрушку, папа не вернется! – выкрикнул Джимми и выбежал из кухни, лишив ее тем самым последнего довода королей – "останешься без завтрака".

Эмма вздохнула и посмотрела на бутерброды, которых она наделала больше, чем могла съесть в одиночку. Утро, в которое ей уже почти было удалось вернуть себе беззаботное, под стать солнцу за окном, настроение, было испорчено. Дело было не только в ссоре с сыном – детские обиды кратковременны (во всяком случае, Эмме так казалось). Дело было в том, что дурацкие слова Джима – вне всякого сомнения, сказанные просто от злости и не имевшие под собой никакого реального основания – вновь, тем не менее, пробудили ее беспокойство за Джона. Что, если после нескольких часов ночного пути он все-таки заснул где-то на горной дороге? Или у старого пикапа что-то случилось с тормозами? Нет, конечно же нет, чушь, глупости... как раз сейчас у него должно быть собеседование, значит, через полчаса, ну максимум через час, он позвонит...

Она налила себе чай, пошла к холодильнику за лимоном. Открыла дверцу, выдвинула

ящик для фруктов и скривилась от досады: все четыре лежавших там лимона были белыми от плесени. Эмма вытащила ящик полностью и убедилась, что дела обстоят еще хуже: огурцы превратились в мягкую гниющую кашу, также покрытую длинными белесыми мазками плесени, а помидоры были все в черных пятнах. На дне ящика плескалась зловонная гнилая жижа.

Да что ж это такое, черт побери?! Еще вчера вечером, когда она готовила ужин, все было нормально!

Эмма прижала ухо к боку древнего холодильника. Не хватало только... Нет, тот работал, ровно урча и слегка вибрируя, как обычно. Наверное, ночью вырубалось электричество.

Что еще? Молоко – ну конечно, тоже скисло. Открытые банки бобов и кукурузы... в обеих плесень. Сыр... черт побери, и он тоже! Как такое могло случиться – электричества не было, ну самое большее, часов пять – с тех пор, как она вставала среди ночи – и не мгновенно ведь нагревается воздух в закрытом холодильнике! Яблоки... ну с ними-то за это время точно ничего не могло произойти, они и без всякого холодильника могут храниться много дней. Эмма вытащила парочку – на вид и на ощупь яблоки были нормальные. Ей, однако, вдруг живо представилась сцена из фильмов ужасов: как она откусывает от крепкого, аппетитно выглядящего темно-красного яблока – а там внутри все черное от гнили и полно шевелящихся червей. Представилась настолько ясно, что ее замутило. Эмма вымыла одно из яблок под краном и осторожно, словно разминировав бомбу, разрежала его пополам большим ножом.

Нет, никаких червей. Белая сочная яблочная плоть с рассеченными пополам лезвием семечками. Хотя что-то в порядке. Хотя, разумеется, иначе и не могло быть.

Эмма натянула желтые перчатки, вывалила испортившуюся еду в мешок для мусора, затем вымыла ящик и вернула его в холодильник. Главное, ведь и в магазин за новыми продуктами не съездишь – не на чем! Нет, конечно, с голоду они с Джимом сегодня не умрут, но... Уже без всякого энтузиазма она вернулась за стол, где ее дожидались бутерброды и уже, очевидно, остывший чай. Отпила, решая, допить все же эту чашку или вылить...

Что-то проскользнуло ей в рот. Какой-то комочек. Эмма от неожиданности выплюнула его обратно в чашку вместе с непроглоченным чаем.

Это была большая муха. Не иначе, та самая, за которой она тщетно охотилась – и решившая, наконец, пойти ей навстречу и завершить свой жизненный путь в ее чашке.

И вот тут Эмму вырвало, буквально вывернуло наизнанку – в чашку, на стол, на тарелку с бутербродами и на пол.

К тому времени, как Эмма закончила приводить в порядок кухню, Джон так и не позвонил, так что она решила продолжить уборку и в других помещениях. Лучший способ отвлечь себя от неприятных мыслей и заодно потратить время с пользой. Она запрещала себе смотреть на часы, пока не закончит. Она не стала убираться в комнате Джимми – во время каникул это была его собственная обязанность, и то, как он вел себя с утра, безусловно исключало поблажки – но все же заглянула к нему. Мальчик, вопреки ее ожиданиям так и не явившийся просить о завтраке, сидел на столе и увлеченно рисовал; он наверняка слышал, как мать открыла дверь у него за спиной, но не обернулся. У Эммы мелькнула злая мысль отобрать у него альбом, чтобы он все-таки почувствовал себя наказанным, но она сказала себе, что не стоит срывать свое дурное настроение на ребенке. Было бы крайне глупо сначала досадовать на то, что он проводит все время с игрушкой, а потом мешать ему, когда он все-таки нашел себе другое занятие.

Когда Эмма, наконец, закончила с уборкой, на часах было 2:12 пополудни. Телефон молчал.

И вот тогда Эмма почувствовала настоящий страх.

Очевидно, какое собеседование, даже если оно началось позже запланированного (но не на пять же часов!), не может длиться так долго. И найти телефон в Денвере не проблема.

(Мобильного у Джона не было даже в лучшие времена – по большей части он находился в пределах досягаемости либо рабочего, либо домашнего телефона и полагал новомодную игрушку за \$900 (не считая абонентской платы) бессмысленной тратой денег.) Допустим, собеседование прошло неудачно, и он не хочет ее расстраивать. Но ведь не может же он не понимать, что она расстроится гораздо больше, не имея от него вообще никаких вестей! Не зная, доехал ли он вообще!

"Если ты не отдашь игрушку, папа не вернется." Дурацкая фраза, столь "удачно" наложившаяся на ее собственную тревогу, не шла из головы. У нее возникло искушение пойти к сыну и учинить ему допрос, почему он так сказал. Да ну, вздор, конечно. Он просто выкрикнул в запальчивости первое, что, по его мнению, могло ее уязвить. И если он поймет, что может напугать ее столь примитивным образом, то будет вить из нее веревки. Словно это она – младшая школьница, слушающая страшные истории у лагерного костра или в темноте спальни во время ночевки у подруги... Вспомнилась история с девчонкой из ее класса, которая – как раз когда им было по девять лет – распустила о себе слух, что она – колдунья, и у того, на кого она обидится, умрет мать. Почти два месяца другие девочки заискивали перед ней, делились принесенными из дома завтраками и даже делали за нее домашние задания – хотя ее слова не были подкреплены абсолютно ничем. Но никто не рисковал проверять. Пока в их классе не появилась новенькая, которая задала "колдунье" хорошую трепку. Как выяснилось позже, она сделала это вовсе не по причине критического мышления. А потому, что ненавидела свою мать-алкоголичку и надеялась избавиться от нее таким способом...

Разумеется, угрозы оказались полной чушью. А фальшивой "ведьме" устроили в отместку такую травлю, что довели до прыжка со школьной крыши. Самоубийца из нее тоже не получилась – отделалась сломанной ногой, и лишь только тогда вся эта скверная история стала достоянием взрослых.

Так или иначе, в утренних словах Джима не больше истины, чем в тех угрозах. Но почему же Джон не звонит?!

Пора, однако, готовить обед. Вот еще одно занятие, которое позволит отвлечься от дурных мыслей. Свежих овощей у них сегодня нет, и спагетти с сыром тоже отменяются. Но по крайней мере пожарить картошку с рыбными палочками ей никто не помешает.

Едва она высыпала все на сковородку и накрыла крышкой, как услышала звук подъезжающего автомобиля. Эмма устремила к окну, но это был всего лишь бело-голубой почтовый грузовичок. Ну а кто это, собственно, мог еще быть? Если предположить, что Джон все же едет домой, не позвонив ей, то он никак не мог бы добраться так рано.

Эмма вышла из дома и направилась к ящику. Там обнаружилась местная газета, на которую они подписались вскоре после переезда. Вернувшись на кухню (сковородка шипела на плите), Эмма принялась листать страницы, бездумно скользя взглядом по заметкам о грядущей ярмарке, о дебатах в администрации округа, о покупке нового школьного автобуса, о том, что здание старого кинотеатра в городе, наконец, выкуплено у прежних владельцев и будет снесено, об одной из местных церквей, закрывшейся из-за отставки престарелого пастора и нехватки прихожан, о гастролях кантри-группы локального значения и тому подобных вещах. Она знала, что интересует ее на самом деле – колонка происшествий, хотя и говорила себе, что это полная глупость, ведь, если бы даже с Джоном что-то случилось, это могло произойти на территории четырех штатов, так что отсутствие упоминаний в местной газете ничего не...

"Авария на шоссе 13, один погибший"

У Эммы мгновенно пересохло в горле.

"31 июля около 6 ч. пополудни произошла авария на шоссе 13 в пяти милях к востоку от Эдгели. На ровном участке дороги грузовик сошел с трассы и врезался в столб. Водитель, Дэвид Джексон, 54, погиб до прибытия помощи..."

Слава богу! Покойся с миром, Дэвид Джексон, кто бы ты ни был, и спасибо тебе за то,

что ты не Джон Хоррелл.

Стоп. Дэвид Джексон? Это имя было Эмме знакомо. Само собой, оно далеко не самое редкое, но... Ну конечно, не далее как вчера она выписывала на это имя чек! Хотя, может, все-таки однофамилец? Она продолжила читать:

"По предварительным данным, в крови погибшего не было обнаружено алкоголя и наркотиков. Вероятной причиной, по которой водитель не справился с управлением, стало нападение его собственной собаки, ехавшей в той же кабине. На теле мистера Джексона были обнаружены многочисленные укусы. Собака выжила в аварии, но была застрелена прибывшим офицером полиции, поскольку вела себя агрессивно и не подпускала к телу парамедиков."

Ну да. Собака. Эмма вспомнила, что слышала вчера яростный лай.

Она почувствовала мгновенную радость при мысли, что чек в кармане комбинезона Джексона так и остался необналиченным, и тут же укорила себя за это. Разумеется, все личные вещи покойного передадут родственникам... он жил один, раз таскал за собой собаку, но ведь кто-то же где-то у него наверняка есть. Так или иначе, наследник, имеющий право обналичить чек, отыщется.

И, конечно же, даже и будь это не так – нельзя радоваться чужой смерти из-за пары сотен долларов! Ужас, она не ожидала от себя такого. Ведь это же... почти как если бы она сама его убила! Всего лишь за то, что он сделал для нее свою работу. Этак, может быть, и какой-нибудь претендент на должность, которую собирается занять Джон, мечтает, чтобы его конкурент разбился по дороге...

"Пожалуйста, прости меня за такие мысли и сделай так, чтобы Джон вернулся!" – подумала она, обращаясь неизвестно к кому. Ее родители были ревностными католиками, но сама она не посещала церковь с тех пор, как выпорхнула из родительского гнездышка. Или вырвалась из родительской тюрьмы, так будет точнее.

Запах горелого перебил ее мысли. Проклятье, она совсем забыла про сковородку!

К счастью, она спохватилась вовремя, и обед не успел окончательно превратиться в угольки. Эмма отправилась звать Джимми.

Она застала его за прежним занятием. На приглашение идти обедать он не откликнулся, продолжая сосредоточенно водить карандашом по бумаге.

– Джим, ты меня слышал? – строго спросила Эмма, заходя в комнату. Мальчик, не оборачиваясь, буркнул что-то неразборчивое. "Все еще дуетесь из-за своей игрушки", – поняла Эмма.

– Что ты рисуешь? – спросила она примирительно, подходя к столу.

– Ничего, – буркнул Джимми, загораживая от нее локтем рисунок.

– Твой альбом от тебя никуда не денется. Иди обедать.

– Не хочу.

– Так, – усмехнулась Эмма. – Ты что же это, голодовку объявил?

– Может, и объявил, – проворчал мальчик, по-прежнему наваливаясь на стол и не глядя на нее.

– Ужинать, значит, тоже не будешь? – осведомилась она ироническим тоном.

– Может, и не буду.

– Нет уж, ты давай без "может", а то что это за голодовка. Если ты такой несгибаемый борец, значит, я на тебя не готовлю. А потом ты передумаешь, захочешь есть – а будет нечего.

– Не захочу.

– Ну смотри, – сердито произнесла Эмма. – Потом поздно будет, – она развернулась и вышла из комнаты.

Телефон все не звонил.

"Может, все-таки отдать ему эту чертову игрушку?" – тоскливо подумала она, в одиночестве ковыряясь вилкой в тарелке. Ребенку вредно не есть целый день, он и так

худенький. И не может же она кормить его насильно. Как, конечно же, никогда и не ударит своего сына. Да и за что? Ну да, он дерзит, но его тоже можно понять – у него ни с того, ни с сего отбирают любимую игрушку, которую прежде сами же и подарили. Точнее, подарил папа, а отбирает мама... хотя, конечно, Джон делал подарок от имени их обоих. И что такого страшного, в конце концов, может сделать эта игрушка – даже если у нее, допустим, разболтался контакт, ответственный за включение и выключение? Током ведь не ударит, пожар не устроит – какой бы хитрой ни была там батарейка, она не может быть настолько мощной. Никаких острых или способных причинить иной вред частей у этой игрушки точно нет. В конце концов, от той же кошки, разгуливающей ночами по дому, опасности было бы гораздо больше. И когти, и аллергия, и... блохи какие-нибудь или прочая инфекция... и ее тоже нельзя включить и выключить по своему желанию.

Убеждая себя всеми этими разумными доводами, Эмма, однако, не желала признаться даже самой себе, что у нее имеется еще одна

(главная)

причина. "Если ты не отдашь игрушку, папа не вернется..." Чушь, конечно же. Полная, полная чушь. Уже хотя бы даже потому, что если... если что-то случилось, оно уже случилось, и ни возвращение игрушки, ни что бы то ни было еще повлиять на это уже не сможет...

Эмма встала и пошла в кладовку.

Она была почти готова увидеть чемодан, варварски выломанный изнутри и, разумеется, пустой. Но нет, чемодан стоял на месте, целый и невредимый, там, где она его оставила. "А может быть, у чертовой штуки, наконец, кончился заряд", – подумала Эмма.

И тут же услышала стук. Равномерный, как шаги не знающего ни усталости, ни сомнений, ни жалости механизма. Чем он, собственно, и был. Тук-тук, тук-тук. Пус-ти ме-ня. Тук-тук, тук-тук. Не то твой Джон...

Эмма затрясла головой, отгоняя наваждение. Понятно, что не выключенная игрушка продолжает пытаться ходить и внутри чемодана – а в результате, лежа на боку, просто стучит в стенку. Лишний раз доказывая, что это всего лишь кучка пружин и шестеренок, подсоединенных к моторчику. Но все равно, больше всего Эмме хотелось снова захлопнуть дверь кладовки. Возможно, даже предварительно завалив чемодан чем-то тяжелым для верности. Чем-то, сквозь что этот стук будет не слышен.

Однако вместо этого она вытащила чемодан из полутемных недр на свет в коридор. Дрожащими пальцами повернула колесики кодового замка и откинула крышку.

Стук мгновенно прекратился. Игрушка лежала на боку неподвижно, с ногами, безвольными, как макароны. Но зеленые кнопки-глаза по-прежнему светились.

Эмма некоторое время смотрела на нее, затем взяла, словно дохлую крысу... хуже – дохлую крысу, способную ожить в любой момент. Однако прикосновение к изгибам гладкого корпуса странным образом подействовало на Эмму успокаивающе. Все-таки эта штуковина была удивительно приятной на ощупь. Из чего же сделан этот корпус? Такое впечатление, что это и не пластмасса, и не металл. Может... покрытая цветной глазурью керамика?

Эмма поймала себя на том, что уже несколько минут стоит и оглаживает пальцами разноцветные бугры. Что бы сказал по этому поводу Фрейд? Впрочем, на самом деле игрушка не ассоциировалась ни с чем сексуальным – ни мужским, ни женским. Она... не ассоциировалась вообще ни с чем. Даже отдаленную визуальную аналогию с картофелиной – или еще каким-нибудь корнеплодом – разрушали совершенно иные тактильные ощущения.

Эмма направилась в комнату сына.

– Джимми! – она вошла, держа игрушку за спиной. – Джимми, ты ничего не хочешь мне сказать?

На этот раз он все же повернулся и посмотрел на нее. Сперва угрюмо, потом с надеждой. Возможно, он понял, что она держит за спиной. Может быть, заметил зеленый отсвет...

– Ну? – поторопила Эмма.

– Извини, мамочка, я вел себя грубо. Я больше так не буду, – выдавил из себя Джимми.

– Звучит не очень искренне, – заметила Эмма.

– Честно, я обещаю! – воскликнул мальчик, вставая и подходя к ней. Теперь он смотрел на нее снизу вверх почти что умоляюще.

– Ну ладно, – сжалась Эмма, вынимая руку из-за спины. – Но помни, что ты обещал. Нельзя любить игрушку больше, чем маму с папой. Это просто вещь, она не живая.

Джим схватил игрушку обеими руками и прижал к груди. На какой-то миг Эмме стало неприятно смотреть на собственного сына. Маленький мальчик вдруг напомнил ей Горлума из "Властелина колец". "Моя прелес-с-сть..."

– И ты больше не будешь с ней спать, – продолжала Эмма. – По крайней мере, пока папа ее не починит. Раз она включается посреди ночи, ее надо убирать в коробку. А теперь положи ее, мой руки и иди обедать. Все уже, правда, остыло, но ты сам виноват, не надо было капризничать.

Джим с явной неохотой положил игрушку на кровать (та по-прежнему не делала попыток шевелить ногами – по какому принципу у нее все-таки это включается?) и вышел из детской. Эмма хотела последовать за ним, но ее взгляд упал на оставленный на столе альбом. Что он все-таки так увлеченно рисовал полдня?

Она открыла первую страницу. Там был изображен большой звездолет, бороздивший истыканное звездами пространство. Его атаковали два корабля поменьше, выпуская в него ракеты. Звездолет отстреливался; сдвоенные пунктирные желтые линии, видимо, означали лазерные лучи. Они упирались в зубчатую красную кляксу, от которой во все стороны разлетались бесформенные обломки – очевидно, такова была судьба третьего атаковавшего. Еще один корабль третьей конструкции заходил сверху, собираясь поддержать неясно кого. Однако этому рисунку было уже несколько недель – Эмма вспомнила, что Джим уже показывал ей его и даже объяснял, кто здесь кардассиане, а кто Федерация, хотя она, конечно, не запомнила.

Следующая картинка изображала астронавта в скафандре, палившего из бластера по нависшему над ним зеленому динозавру. Затем – еще какое-то космическое чудовище со щупальцами, с которым дрались роботы. "Все-таки в этих фильмах, которые он смотрит, слишком много насилия – даже в мультиках!" – подумала Эмма, переворачивая страницу.

Здесь стиль и сюжет резко поменялись, и Эмма каким-то образом поняла, что это нарисовано сегодня.

Никаким космосом и будущим здесь не пахло. Мужчина с длинной черной бородой, в долгополом черном костюме и шляпе, изображенный в бегущей позе, двумя руками воздевал под углом вверх вилы. На вилы была насажена женщина в длинном платье с передником, видимо, за мгновение до этого тщетно пытавшаяся спастись от него бегством. Окровавленные зубья торчали из ее живота, и из ее рта вылетали длинные капли крови. Чепец, свалившийся с ее волос, замер в воздухе. Навстречу убийце бежала маленькая девочка с косичками, что-то отчаянно крича круглым разинутым ртом. В левом нижнем углу убегали прочь две курицы.

Нарисовано все это было, конечно, неумелой детской рукой, как и предыдущие космические битвы – но было заметно, что на сей раз автор уделил куда большее внимание деталям, постаравшись прорисовать каждую пуговицу или шнурок, каждую каплю крови – и даже слюны, вылетающей изо рта девочки. Фигуры и черты лица не позволяли отличить мужчину от женщины и взрослого от ребенка – это удавалось сделать лишь благодаря волосам, одежде и росту – однако позы всех изображенных, включая даже бегущих птиц, на удивление реалистично передавали динамику ужасной сцены.

– Боже мой... – пробормотала Эмма и перевела взгляд на следующую страницу.

Там было продолжение истории. Теперь девочка бросилась прочь от бородатого, но ее это не спасло. В руках у него вместо вил уже была коса, и ею он рассекал девочку пополам. Ее

нижняя половина еще продолжала бежать, а верхняя, воздев руки и все еще крича, падала боком в траву. Кровь и какие-то ошметки летели во все стороны куда обильнее, чем на предыдущем рисунке.

Третья картинка демонстрировала закономерный финал. Бородатый висел в петле, дрыгая ногами; его глаза были выпучены, язык вывалился изо рта. За агонией спокойно наблюдал мальчик в коротких штанишках, стоявший в правом нижнем углу.

Четвертый рисунок. Смена декораций. Внутренность какого-то большого сарая. Мужчина, на сей раз без бороды, но с большими усами, стоит, опираясь на длинный окровавленный топор, и смотрит на часы на цепочке, извлеченные из жилетного кармана. На полу перед ним – две руки, отрубленные по локоть, и две ноги – выше, чем по колено. Прочь от него, упираясь культиями в пол и оставляя за собой длинный кровавый след, уползает женщина с большим животом. Очевидно, она беременна. Мужчина дал ей время, поняла Эмма. Если она успеет выползти из сарая, у ее ребенка появится шанс...

Новая страница. Никакой крови, никаких убийств. Картинка почти идиллическая – мужчина и мальчик едят под деревом в саду. У них полные тарелки чего-то коричневого. Рядом – жаровня для барбекю, над которой еще вьется дымок...

Вот только мужчина, судя по усам – тот самый. И у Эммы перехватило горло, когда она догадалась, *что именно* они едят.

Не смогла, да. Все-таки не смогла. Не хватило сил или времени...

Следующая картинка. Усач сидит на полу, привалившись к стене, и, даже будь изображение более искусным, только по усам его и можно было бы опознать. Выше них ничего нет, кроме изломанной багровой линии и единственного круглого глаза, свисающего на ниточке нерва. Красная кровь и серые мозги обильно стекают по стене. Рядом стоит мальчик с ружьем, которое чуть ли не больше него ростом, концы стволов окровавлены. Непонятно, то ли мальчик забрал ружье после самоубийства усатого, то ли застрелил его сам...

Эмма не могла поверить своим глазам. Девятилетний ребенок не может рисовать такое. Не может додуматься до такого. Убийства и кровь еще да, но про беременную женщину без рук и ног, из последних сил пытающуюся спасти свое нерожденное дитя... нет, точно нет. Что он смотрит?! Телевизор в его комнате настроен только на детские и семейные каналы... Если бы дело происходило несколько месяцев назад, можно было бы грешить на какого-нибудь приятеля, подсунувшего ему хоррор-комикс для взрослых – но здесь ему просто не с кем общаться и не у кого добыть подобное. Надо, конечно, учинить ему допрос, откуда он взял все эти сюжеты. А если он будет настаивать, что придумал сам? Или, скажем, увидел во сне? Что тогда?

Боп!

Эмма, уже собиравшаяся перевернуть следующую страницу, дернулась от этого резкого звука за спиной и чуть не выронила альбом. Затем быстро обернулась. Игрушка по-прежнему лежала на кровати Джимми, но ее зеленые глаза выскочили из углублений и погасли.

– Надеюсь, ты наконец-то разрядилась окончательно, – пробормотала Эмма. И тут же ее заставил вздрогнуть новый звук – трель телефона.

Эмма быстро закрыла альбом, положила его на стол и побежала прочь из комнаты.

"Миссис Хоррелл? С вами говорят из полиции штата... Боюсь, у меня для вас плохие новости, мэм..."

Она живо представила себе весь этот разговор, пока бежала к аппарату и подносила трубку к уху. А может, это просто ошиблись номером...

– Эмма?

– Джон! Джон, слава богу... Джон, черт тебя побери, какого дьявола ты не звонил?!

– Не звонил, пока все не стало ясно окончательно, – пробурчал Джон, и по его тону было понятно, что ничего хорошего ясно не стало.

...Это случилось в Небраске, на узком участке трассы с запрещенным обгоном, ближе к

утру, хотя было еще темно, а дорога – совершенно пустыня. Лишь навстречу тащилась какая-то фура. И вот из-за этой фуры прямо в лоб Джону вылетел некий тип, которому, видите ли, надоело тащиться за грузовиком (и, очевидно, совсем не ожидавший встречной машины на пустой ночной дороге). Джон машинально выкрутил руль вправо и улетел на обочину. Там не было пропасти, был лишь пологий и невысокий склон, но этого хватило, чтобы пикап перевернулся несколько раз и упокоился внизу вверх колесами. Джон, благо был пристегнут, отделался лишь парой синяков, но для пикапа, естественно, поездка на этом закончилась. Ни водитель фуры, ни виновник аварии даже и не подумали остановиться и предложить помощь. Впрочем, возможно, они и не заметили, что произошло в темноте уже у них за спиной.

– Лучше бы я его протаранил! – кипятился Джон. – Тогда весь ущерб оплачивал бы он, как явный и единственный виновник! А так получается, что я сам разбил свою машину, и теперь это исключительно мои проблемы!

– Не говори глупостей! – сердито воскликнула Эмма. – Еще не хватало, чтобы из-за каких-то паршивых денег ты пошел на лобовое столкновение! Да вы бы оба были уже мертвы!

– Я – нет, – самодовольно заявил Джон. – Наш "Форд" все-таки крепкий почти как танк. А что его консервная банка смялась бы в лепешку вместе с ним самим, так туда ему и дорога! Его страховая компания бы все мне выплатила. Или наследники.

– Вот, между прочим, в крепких машинах водители гибнут чаще, чем в "консервных банках", – назидательно изрекла Эмма. – Потому что когда машина сминается, получается амортизация. Я в журнале читала.

– Если ты такая умная, почему работала кассиршей в Walmart'e? – огрызнулся Джон.

– Да как ты можешь! – задыхнулась от возмущения она. – Ты же знаешь, я не могла позволить себе колледж, и...

– Ладно, извини, – сдал назад он. – У меня был худший день в моей жизни... и, собственно, он еще не закончился.

Из пикапа он выбрался без проблем, но с шоссе перевернутую машину не было видно, и рассчитывать на помощь случайно проезжающих мимо было трудно. Джон пошел вдоль шоссе в сторону ближайшего города (это было в обратном направлении), пытаясь по дороге остановить редкие машины, но никто не остановился подобрать незнакомца, голосующего в темноте на пустынной дороге. Вероятно, то, что он почти не пострадал в аварии, сыграло с ним злую шутку: будь он весь в крови и разорванной одежде, кто-нибудь наверняка остановился бы или, по крайней мере, доехав до ближайшего телефона, сообщил бы в полицию.

У Джона ушло почти два часа, чтобы добраться до города, и примерно столько же, чтобы организовать подъем злополучного пикапа. После того, как бригада спасателей, наконец, поставила автомобиль на колеса и вытянула его тросом на шоссе, "танк" выглядел почти не поврежденным, не считая выбитых стекол и царапин – но, разумеется, не заведся. Пришлось везти его в город на платформе эвакуатора. Джон описал обстоятельства аварии полицейским, но, конечно, шансов на то, что любителя обгонять на запрещенных участках найдут, не было никаких.

К тому времени, как он, наконец, смог позвонить своим потенциальным работодателям, было уже почти десять утра.

Ему сухо посочувствовали, а по поводу возможности перенести собеседование на более позднее время предложили перезвонить после полудня. За это время он выяснил, во что обойдется ремонт. Вместе с уже понесенными расходами на эвакуацию выходило хотя и меньше цены, по которой он приобрел этот пикап, но не так уж немного. Правда, сделать обещали быстро – "день, может быть, два". Впрочем, он готов был взять машину напрокат и гнать в Денвер. Но, когда он перезвонил туда в очередной раз, ему сообщили, что, "к сожалению", вакансия уже занята.

Вероятно, им не нужен был менеджер, попадающий в аварии прямо в ответственный для

себя день. Даже если эта авария происходит не по его вине. Тем более что в последнем они могли полагаться лишь на его слова.

После этого Джон снял номер в мотеле и позвонил Эмме.

– Все равно! – возмущалась Эмма. – Почему ты не позвонил мне сразу, как добрался до телефона? Я тут с ума схожу полдня!

– У меня были более неотложные проблемы.

– Ты не мог выкроить даже минуту? После того, как сообщил этим снобам в Денвер, ты не мог потратить минуту на еще один звонок?

– Чтобы сказать, что я разбил машину и не попал на собеседование? Тебя бы это сильно утешило?

– Да! По крайней мере я бы знала, что ты жив и здоров!

– Да что со мной... – раздраженно начал он и понял, что в данной ситуации это не очень подходящая фраза. – Я надеялся, что позже смогу сообщить и хорошие новости. Хоть какие-нибудь.

Мужчине трудно признаваться в собственном поражении, подумала Эмма. Тем более, я предупреждала его, что не стоит гнать ночью. Он не хотел слышать "я же говорила!..."

– Знаешь, не ты один попал в аварию, – сказала она и поведала о водопроводчике.

– Вот вам и добрейший пес, – произнес Джон, выслушав эту историю. – Впрочем, он, конечно, не виноват... То-то он так гавкал. Очевидно, был уже болен, а мы не поняли.

– Думаешь, это бешенство?

– Что же еще? Подцепил от какого-нибудь грызуна. Напомни Джимми лишний раз, что нельзя трогать никаких зверушек на улице.

– Да он все равно целыми днями дома сидит... Слушай, как выключается эта твоя игрушка? Я пыталась жать на кнопки, но безрезультатно.

– Игрушка? – переспросил Джон, явно думая о чем-то более важном. – А, эта... не помню, чтобы я ее когда-нибудь выключал. Она делала это сама.

– Но как менять ей батарейки, ты помнишь?

– Батарейки?

– Джон, перестань повторять, как чертов попугай! – вновь рассердилась Эмма. – Ты делал это недавно, перед тем, как подарить игрушку Джимми!

– Ничего такого я не делал, – удивился Джон.

– То есть как? Ты хочешь сказать, что просто нашел ее на чердаке, где она провалялась больше двадцати лет, стер с нее пыль, нажал на кнопки – и она заработала?

– Ну... да.

– Джон, – она снова почувствовала холод растущего страха в животе, – но ведь так не может быть. Даже кассирша из Walmart'a знает, что любые батарейки разрядятся за двадцать лет. Не говоря о том, что до этого ты сам играл с ней. И тоже никогда не менял батареек?

– Нет. Она всегда просто включалась. Слушай, ну какая к дьяволу разница? Ты понимаешь, сколько денег мы потеряли сегодня, не говоря о том, что работу я так и не получил?! Если мы можем сэкономить хотя бы на батарейках, то это последнее, из-за чего я бы стал расстраиваться!

– Джон, послушай меня. Ты даришь нашему сыну какую-то непонятную штуку, которая взялась неизвестно откуда...

– Я же сказал, мне ее подарил...

– На ней нет никаких отметок о производителе, – не останавливалась Эмма. – Никто не знает, кто и когда ее изготовил. Ее невозможно разобрать. Она сама включается, сама выключается. Ходит, прыгает, может даже подниматься по стенам. И для этого ей не нужны ни батарейки, ни подзарядка от сети. А наш ребенок возится с ней целыми днями. Тебя все это совершенно не беспокоит?

– Меня беспокоит, чем мы будем платить по счетам, если все будет идти, как идет! А эта штука... ну не от батареек она работает, а от каких-нибудь, ну я не знаю, фотоэлементов – какая разница?

– Фотоэлементам нужен свет! А она разгуливает по дому по ночам! И Джимми сказал, что она не любит солнца!

– Джимми! – фыркнул Джон. – А что еще сказал тебе Джимми? Что-нибудь про Зубную фею и Санта Клауса? Ладно, я и так уже вишу на телефоне черт знает сколько. Если тебя все это так напрягает, обсудим это, когда я вернусь.

– Когда это будет?

– Я же сказал, в лучшем случае завтра к ночи! Возможно, еще на день позже.

– А я тут совершенно одна и даже без машины. Все овощи испортились, а я не могу даже съездить в магазин.

– Эмма, ну что я могу поделывать? Пару дней можно пережить без свежих овощей.

– Ладно, – обреченно вздохнула она. – Будешь ехать – не гони, – хотя ей, конечно, хотелось, чтобы он оказался дома как можно скорее. – И выпишись как следует.

Положив трубку, она несколько минут молча стояла возле телефона. Джон и в самом деле позвонил сразу после того, как она вернула игрушку сыну... да ну, бред, конечно же. Ведь авария произошла гораздо раньше.

Да. Она произошла ночью ближе к утру. После того, как Эмма заперла игрушку в чемодан.

Джимми вышел из кухни, чуть ли не вприпрыжку торопясь к себе в комнату.

– Джимми! – окликнула его Эмма. – А кто будет чистить зубы?

Мальчик покорно поплелся в ванную. Некоторое время там шумела вода. Эмме вспомнилось, что человека, который налаживал им эту воду еще вчера, уже нет в живых.

– Папа звонил, – сообщила она мальчику, когда тот вышел из ванной.

Джимми, спешивший вернуться в детскую, не удостоил ее ответом.

– Он приедет... через день или два, – продолжила она, повысив голос.

– Ясно, – буркнул мальчик, поняв, что от него ждут какой-то реакции.

– Джимми, погоди-ка!

Он остановился на пороге детской, глядя на нее с видом "ну что еще?"

– Что такое ты рисуешь? – спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал по возможности мягко.

– Что хочу, то и рисую, – набычился Джимми, явно готовый отстаивать свое право на свободу творчества.

– Ты рисуешь ужасные вещи. Откуда ты их взял? Видел по телевизору? Или, может, кто-то рассказывал тебе страшные истории?

– Кто мне может что-то рассказывать? – он посмотрел на нее, округляя глаза от возмущения: мол, сами же увезли меня прочь от всех друзей!

– Тогда откуда это?

– Ниоткуда.

– Джим, ты только что извинялся и обещал больше не грубить!

– Я не грублю.

– Тогда скажи мне... кто все эти люди, которых ты нарисовал сегодня?

– Просто... люди, – пожал плечами Джимми.

– И ты прежде ничего про них не слышал?

– Нет.

– Ладно... а могу я попросить тебя больше не рисовать такие страшные вещи?

– Почему?

– Потому что твою маму это пугает и расстраивает.

– А я рисую не для тебя. Я не просил тебя смотреть, – это "не просил" явно прозвучало как "не разрешал".

– Джимми... может, ты злишься на кого-то? На меня, на папу? И поэтому рисуешь такие жуткие картинки?

Пауза.

– Нет, – сказал он наконец.

– Скажи правду. Никто не будет тебя наказывать.

– Это правда.

– Может быть... – это была совсем чудовищная мысль, которая никогда бы не пришла в голову Эмме прежде, но сейчас она заставила себя договорить: – может быть, папа делал с тобой что-то... плохое? И велел тебе никому об этом не рассказывать, даже маме?

– Нет, – он посмотрел на нее удивленно, явно не понимая, что она имеет в виду.

– Ладно, – вздохнула Эмма, не зная, что еще сказать ("хреновый из меня детский психолог!"). – Можешь идти играть.

Мгновенно повеселевший Джимми скрылся в детской. Некоторое время Эмма ждала, что он выйдет оттуда с жалобой, что игрушка больше не включается.

Но она, разумеется, включилась.

Несмотря на все плохие новости от Джона, поначалу Эмма испытывала облегчение. Главное, что он был жив и здоров. Но вскоре ею опять овладела сосущая тревога, и к вечеру Эмма снова не находила себе места. С одной стороны, все навязчивее становилась мысль об опасностях, подстерегающих Джона на обратном пути, и разумное соображение, что за свою жизнь он проехал тысячи миль без всяких происшествий, а после аварии будет особенно осторожен, утешало мало. С другой стороны, не давали покоя мысли об этих жутких рисунках ее девятилетнего сына. Чем больше Эмма о них думала, тем крепче была ее уверенность, что они не были лишь плодом мрачной фантазии и злости лишенного любимой игрушки ребенка. Будь их дом подключен к интернету, она бы непременно полезла искать в сети описания подобных убийств, но увы. Она даже всерьез обдумывала, кому бы позвонить, чтобы он осуществил такой поиск за нее, но единственной, кто пришел ей на ум, была Пола, бывшая соседка по кондоминиуму в Фарго. Они дружили семьями, пока жили рядом (правда, с тех пор, как Хорреллы вынуждены были съехать, не обменялись ни весточкой), и интернет у Полы точно был, равно как и масса свободного времени, характерная для бездетной домохозяйки. Однако Пола была жуткой трусихой, никогда не смотревшей даже обычную криминальную хронику, не говоря уже об ужасниках, и предложение поискать такие страшные вещи наверняка повергло бы ее в шок. А у ее мужа, поздно пришедшего с работы, конечно, имелись дела и поважнее.

Потом еще эта чертова игрушка... Эмма думала, куда бы закрыть ее на ночь – оставив при этом в комнате Джимми, согласно достигнутому компромиссу – и в голову ей приходили различные конструкции типа крепкого сундука с навесным замком, как в фильмах про пиратские сокровища. Какая-нибудь прочная коробка, которую нельзя открыть изнутри... Или, может быть... клетка. Если здесь когда-нибудь держали птиц или кроликов, на чердаке вполне может найтись что-то подобное.

Эмма взяла фонарь (Джон, помнится, говорил ей, что на чердаке нет электричества, и выражал свое возмущение этим фактом – как и прочими "достоинствами" старого дома), спустила за веревку деревянную лестницу и забралась на чердак.

Под влиянием всех предыдущих мыслей она сделала это не без внутреннего трепета, но ничего жуткого или романтического там не было. Была духота из-за нагретой солнцем крыши, запах пыли и темные силуэты во мраке – прямоугольные или округлые, но не вызывавшие никаких пугающих ассоциаций. Луч фонаря превращал их то в старый рассохшийся шкаф (и как его только втащили по этой лестнице?), то в плетеное кресло-качалку, то в ржавый трехколесный

велосипед (кто ездил на нем в последний раз? явно не Джон, попавший сюда уже десятилетним), то в древнюю швейную машинку, накрытую стеганным покрывалом. Обычный хлам, скапливавшийся десятилетиями. Эмма двинулась вперед – и тут же брезгливо отшатнулась, влезши лицом в паутину. Морщась от отвращения, она все же продолжила путь, размахивая перед собой фонарем на длинной ручке, словно джедай – световым мечом, дабы очистить дорогу. Круглый столик с отломанной ногой и водруженным на него громоздким, донельзя ржавым утюгом – еще не электрическим, работавшим за счет засыпавшихся внутрь углей... большой безвкусный абажур, косо висящий на рогатой вешалке... на полу ночной горшок, накрытый крышкой... большая картонная коробка с патефонными пластинками в пожелтевших конвертах... еще коробка, какие-то журналы... Эмма из любопытства смахнула пыль с верхнего. "Популярная механика", 1962 год. Вероятно, их выписывал еще покойный муж тети Люси. Эмма решила взять с собой несколько номеров полистать из любопытства – интересно же, о чем писали научно-популярные журналы больше тридцати лет назад. Наверное, о том, что к концу XX века у нас уже будут города на Марсе...

Ничего похожего на запирающийся ящик или клетку она, однако, не видела, а потому продолжила поиски. Большая железная банка с давным-давно засохшей краской... пара высоких болотных сапог... прислоненная к стене удочка... деревянная лошадка... еще одна картонная коробка – на сей раз с игрушками. Может, среди них отыщется какая-нибудь шкатулка или футляр – или даже, чем черт не шутит, коробка от *той самой* штуковины? Фонарь осветил лысую куклу, ржавый самосвал, облезлого плюшевого медведя и...

На сей раз Эмма вскрикнула и чуть не выронила фонарь, поняв, к чему именно чуть было не притронулась. То, что в первый миг показалось ей истершимся, в клочьях свалывшейся ваты тигром или каким-то подобным игрушечным зверем – действительно было зверем, только не игрушечным. Скорее всего, кошкой, а может быть, и енотом – на такой стадии разложения сказать было уже трудно. В луче фонаря блеснули мелкие оскаленные зубы обтянутого облезшей кожей черепа. В пустых глазницах еще шевелились мелкие белые червячки – личинки мух. Вонь, однако, не чувствовалась – во всяком случае, она не выделялась из общего тяжелого духа затхлости. Вероятно, практически все, что могло сгнить, уже сгнило.

Эмма попятилась и почувствовала, как теперь уже волосы на ее затылке липнут к паутине. "Дерьмо!" – она крутанулась на месте и ударила локтем о шкаф. Резкий разряд боли пронзил ее руку от локтя до пальцев, на миг лишая их силы, и она выронила фонарь.

Он упал на пол и откатился в сторону, но не погас и не оставил ее в темноте. Однако, нагнувшись, чтобы подобрать его, Эмма заметила кое-что еще.

Пол под ее тапками покрывала вовсе не пыль – или, точнее, не только пыль. Он был весь усеян останками насекомых. В основном – мелкими крылышками мух (а также, наверное, муравьев и термитов), но были здесь и более крупные сетчатые крылья стрекоз, и белесые или серые – ночных бабочек. "Ну да, – сказала себе Эмма, брезгливо подбирая фонарь и обтирая его о полу халата, – здесь же полно пауков. Крылья всех их жертв падали на пол десятилетиями. И потом, Джон ведь вызывал дезинсектора, чтобы потравить термитов и муравьев!"

В любом случае, ей не хотелось больше ни секунды оставаться в этом месте. И эту... дохлую кошку, или что там это за тварь... может, даже лисица... надо, конечно, выбросить, но она не станет прикасаться к *этому* даже через перчатку. Надо сказать Джону, пусть он разбирается. В конце концов, оно тут гниет уже недели, если не месяцы... как оно сюда попало? Забралось через какую-то щель, пока дом был еще заколочен, а потом не смогло найти выход? Нанюхалось отравы против термитов? И эта... игрушка... неужели лежала в одном ящике с дохлятиной, и Джон даже не заметил, когда доставал? Впрочем, она и сама чуть было не приняла труп за еще одну игрушку...

Эмма торопливо зашлепала тапками к выходу, но все же вспомнила о своем намерении насчет журналов и прихватила, не глядя, несколько штук из ящика.

Спускаясь по лестнице, она обругала себя дурой. Зачем ей вообще понадобилось сюда лезть?! Чтобы игрушка не отправилась бродить, где не надо, совсем не обязательно запирать ее в сейф или клетку. Вполне достаточно закрыть ее в

(мешок для трупов)

любую сумку на молнии. А поскольку это должно быть обязанностью Джимми, его школьная сумка как раз подойдет.

Но прежде она отдраит эту чертову разноцветную штуковину всеми моющими средствами, какие только есть в доме. А если в результате там внутри что-то закоротит – что ж, тем лучше.

Из комнаты Джимми вновь донеслись телевизионные голоса. Вот хорошо, смотрит мультики, как все нормальные дети. Самое время, чтобы взять у него игрушку без лишних споров.

Действительно, Джимми даже не отреагировал, когда мать вошла в его комнату. Эмма огляделась в поисках игрушки и поначалу, к своему удивлению, нигде ее не увидела, но затем заметила зеленый отсвет из-под кровати. Она опустилась на колени, затем низко нагнулась – и встретила взглядом с двумя круглыми глазами. Словно в полумраке под кроватью прятался большой

(дохлый и разложившийся)

кот, готовый полоснуть когтями протянутую руку.

Но, разумеется, игрушка не оказала ей никакого сопротивления и не попыталась забиться еще глубже. Эмма вытащила ее и вышла из комнаты чуть ли не на цыпочках, не желая лишний раз привлекать внимание Джимми, который казался целиком поглощенным "Утиными историями".

Эмма отнесла игрушку в ванную и, уже выдавив зеленый гель на жесткую щетку (в воздухе разлился химический лимонный запах), сделала то, что ей никогда не приходило в голову делать прежде – поднесла игрушку к носу и осторожно понюхала. На первый взгляд – точнее говоря, на первый нюх – игрушка ничем не пахла, но затем... действительно ли Эмма различила на фоне лимонного аромата слабый запах разложения, или это было лишь игрой ее воображения? Она принялась яростно тереть игрушку щеткой со всех сторон. Пенящиеся капли падали в раковину. Зеленые глаза не гасли, но ноги с присосками висели неподвижно.

Эмма испытала сильное искушение заткнуть раковину пробкой, наполнить водой и держать игрушку на дне, пока та не захлебнется... то есть, конечно же, пока вода там что-нибудь не замкнет, и кнопки-глаза не погаснут. Возможно, когда-нибудь она так и сделает... но не сейчас. Сейчас ей не нужна новая ссора с Джимом...

... и пусть Джон сначала вернется домой.

Вечером Эмма улеглась на кровать со старыми журналами, надеясь, что это поможет ей отвлечься от тревожных мыслей. Там действительно было немало оптимистических рассуждений о космосе, но не только. Одна из попавшихся ей на глаза статей была посвящена светлому будущему атомной энергии. "К 2000 году, а вероятно, и раньше, – пророчествовал автор, – мир забудет, что такое бензоколонки. Мы будем ездить на автомобилях, питаемых маленькой гранулой плутония, требующей замены не чаще чем раз в несколько лет..."

Эмма читала, усмехаясь. И ведь, небось, доктор какой-нибудь писал, как минимум – выпускник приличного университета... Только представить себе реакцию – хоть властей, хоть соседей, хоть самого потенциального владельца – если кому-то сейчас предложить автомобиль, у которого вместо бензина – кусочек атомной бомбы, источник радиации!

И вдруг ее окатило холодом. Машина с источником энергии, не требующим замены и перезарядки на протяжении многих лет...

Нет, конечно же. Никто и никогда не выпускал таких детских игрушек. Ни в сороковые, ни в пятидесятые-шестидесятые.

Точнее говоря – никто не выпускал их в продажу. Но что, если в те годы, когда подобные идеи считались перспективными, разрабатывались какие-то экспериментальные образцы? И не для детей, наверное. Для чего-то куда более серьезного. Но по чьему-то недосмотру после закрытия программы одна из опытных моделей оказалась за пределами лаборатории...

Первым побуждением Эммы было вскочить с постели, вырвать эту штуку из рук сына (о боже, Джимми уже который день играет с ней голыми руками и сколько ночей уже спал с ней!), замотать во всю имеющуюся в доме фольгу (лучше бы, конечно, свинцовую, но, наверное, сойдет и алюминиевая?) и закопать как можно дальше от дома и как можно глубже. Но затем она вновь постаралась задавить панику рациональными рассуждениями. Будь эта штука и в самом деле атомной, на ней наверняка имелся бы значок радиации и всякие прочие предупреждения, надежно выгравированные, а не просто напечатанные на способной отклеиться этикетке. И надпись типа "Собственность правительства США, нашедшему позвонить по телефону..." Да и внешний вид не был бы таким нелепым.

А если это разрабатывалось вовсе не для Америки? Если предполагалось забрасывать такие штуковины в советский тыл? Тогда все сходится. Может, и впрямь делался расчет на то, что их будут находить дети и тащить яркие разноцветные ходячие машинки домой. А там... трудно даже представить, какие функции мог выполнять замаскированный под такую вот "картофелину" боевой автомат. Пассивное поражение радиацией среди них – лишь побочный эффект...

Эмма снова вскочила с постели, но опять остановилась. Она не считала себя наивной, а стало быть, не верила, что существуют хоть какие-то гнусности, на которые правительство в принципе не было бы способным. Тем более – в те годы. Но, во-первых, какой смысл в забрасывании сложных и наверняка чертовски дорогих – как все военное и атомное – механизмов в дома простых русских обывателей? Чтобы добиться сколь-нибудь массового поражающего эффекта, такие штуки пришлось бы изготавливать миллионами. Старая добрая атомная бомба куда проще и надежнее. Даже если они способны самостоятельно перейти границу, при таком количестве советские спецслужбы наверняка быстро бы обратили на них внимание. Во-вторых, даже если бы делался расчет на детей, все равно логично было бы маскировать боевое устройство под что-то более понятное – машинки там, куклы, человекообразные роботы... В-третьих, атомные двигатели, кажется, не бывают такими маленькими. И уж точно их не умели делать такими маленькими тогда. (А если эта штука все-таки и вправду изготовлена не в шестидесятые-семидесятые, а еще до Перл Харбора, то и подавно. Тогда вообще еще ничего атомного не было даже в проекте.) Ну и главное – Джон ведь в детстве сам несколько месяцев играл с этой штукой, и ничего с ним не случилось. И сам он здоров, и ребенок у него родился здоровым.

С ним не случилось, да. А вот с его родителями и домом...

Но не игрушка же устроила кризис 1974 года. Не игрушка заставила его отца пить, и не игрушка подожгла дом. Это просто смешно. Есть результаты расследования. Сомневаться можно лишь в том, бросил отец Джона горящую сигарету по пьяни или специально. Но винить в этой бытовой, в общем-то, трагедии гипотетическую военную машинку с атомным двигателем, сбежавшую из секретной лаборатории – это чистейшая паранойя. Такое даже ни один таблоид не напечатает.

Нет там, конечно, никакого плутония. А что есть? Черт его знает, что есть, на то и существуют инженеры, окончившие колледж, а не кассирши из Walmart'a, сбежавшие из дома в 17 лет и черпающие свое образование из популярных журналов. И все же Эмма была бы счастлива избавиться от этой хреновины раз и навсегда.

Но пусть сначала вернется Джон. Чтобы не было так, что "папа подарил, а мама отняла". И кроме того.... нет, это, конечно, вздор, но пусть он сначала вернется.

Эмма посмотрела на часы и отправилась укладывать Джимми спать. Ее сын, желая, как

видно, продемонстрировать послушание после утреннего конфликта, уже сам забрался в кровать. Игрушка лежала в застегнутой школьной сумке (Эмма проверила), и, как и велела Эмма, не рядом с кроватью, а на противоположной стороне комнаты. Женщина поцеловала сына, погасила свет и вышла.

Спала она плохо. Ей то и дело снилась игрушка, снова пробравшаяся в ее спальню и уставившаяся на нее холодным и мертвым зеленым взглядом. Эмма раз за разом просыпалась и убеждалась, что это всего лишь сон. Дверь спальни оставалась закрытой. Никто не тревожил ее.

Следующий день показался Эмме одним из худших в ее жизни (в которой вообще-то, особенно в ее юные годы, хватало малоприятных дней). И это несмотря на то, что в этот день ничего не происходило. Вот именно – ровным счетом ничего. Она сидела дома, как пришитая, не имея возможности даже съездить в магазин (традиционный способ развеяться, даже не будь у нее действительной необходимости восполнить резко оскудевшие кухонные запасы). Приготовить что-нибудь особенное было не из чего, снова устраивать большую уборку в вылизанных накануне комнатах глупо, чтение не шло ей на ум, а по телевизору шли одни тупые дневные шоу, перемежавшиеся одинаковыми пятиминутными рекламными паузами через каждые четверть часа. Солнце, мутно светившее сквозь дымку, не радовало, на улице было душно и пыльно. Да еще мухи. Три или четыре штуки, периодически принимавшиеся гудеть, в какой бы из комнат она ни находилась. На сей раз Эмма не позволила им совершить самоубийство в ее чашке и охотилась за ними с полотенцем, пока не прибила всех. Ну, хоть какое-то развлечение... Надо будет натянуть новую марлю на окнах. А может, они попали в комнаты не с улицы, а с чердака, когда она лазила туда еще вчера? Эмма вспомнила пол, весь усеянный мушиными крыльями, и ее передернуло. Почему-то в воспоминании эта картина показалась еще отвратительней, чем в реальности.

Джон не звонил, и Эмму это особенно злило. Очевидно, машина была еще не готова, и он не считал нужным тратить свое драгоценное время (чем он таким занимается в этой дыре в Небраске, интересно?) и не менее драгоценные четвертаки на звонок из автомата. Ну конечно, раз новостей нет, в этом же нет никакого практического смысла. А просто позвонить и успокоить жену, которая сходит тут с ума от тоски и скуки, разумеется, никак. В этом все мужчины...

Джимми, правда, старательно изображал пай-мальчика, отвечая на все вопросы в стиле "да, мамочка". Кажется, никогда еще она не слышала это "мамочка" столько раз за день. Конечно, Джим периодически называл ее и мамочкой, и мамулечкой, особенно когда приходил поласкаться (когда он, кстати, делал это в последний раз?) или с наивной детской хитростью надеялся что-то выпросить. Но даже эта хитрость была по-своему трогательной (и потому нередко достигала цели). Теперешнее же нарочитое послушание, от которого за милю разило фальшью, раздражало Эмму куда больше, чем вчерашняя грубость. Она знала, какими лицемерами могут быть девятилетние дети – в конце концов, она еще не забыла (и вряд ли когда-нибудь забудет) свое собственное детство. Но она полагала, что такими их делают взрослые, заставляющие ребенка бояться их жестокости, несправедливости и произвола. Она же всегда хотела быть своему сыну не тираншей, как ее собственная мать, а другом...

Но сейчас, похоже, единственным другом, в котором нуждался Джимми, была нелепая разноцветная хреновина, топочущая маленькими ножками-присосками.

Когда начало темнеть, Эмма окончательно уверилась, что Джон сегодня не позвонит и не приедет. Значит, завтра ее ждет еще один такой же мерзкий день... Как минимум, полдня. Может быть, пикап починят утром, и Джон будет дома еще до вечера. Может быть.

Уложив сына (и еле сдержавшись, чтобы не накричать на него в ответ на очередное нестерпимо слащавое "спокойной ночи, мамочка"), Эмма завалилась на кровать сама и вновь принялась бездумно щелкать пультом от телевизора. Некоторое время пыталась смотреть комедию, но тупые шутки со взрывами закадрового смеха только усиливали ее раздражение. В

конце концов она остановилась на какой-то мелодраме – старой, еще черно-белой. У семейной пары, еще недавно вполне счастливой в браке, все как-то само собой пошло наперекосяк, герои ссорились, жена подозревала мужа, муж злился на жену. Эмма наблюдала за развитием конфликта с чувством, похожим на злорадное удовлетворение.

– ... я сыт по горло твоими придирками! За кого ты думала ты выходишь замуж – за Иисуса-хренова-Христа? Вместо того, чтобы поддержать мужа в трудную минуту...

– "В трудную минуту"?! Твоя трудная минута тянется уже чуть ли не год! А поддерживать тебя надо только потому, что ты сам уже не стоишь на ногах от своего бухла!

– Как будто все дело во мне! Сейчас у многих тяжелая полоса...

– Но не все из них вместо того, чтобы искать выход, каждый вечер надираются в баре! Просаживая последние семейные деньги! Знаешь, мне уже насрать, что там будет с твоим здоровьем и как быстро ты решил загнать себя в могилу. Но ты залез в деньги, которые я откладывала для Джонни!

– Мы не можем сейчас позволить себе сбережения. Мы должны на что-то жить, пока дела не поправятся. А парню всего девять лет. Не думай, что я люблю его меньше твоего, но эти деньги ему еще долго понадобятся. Я просто взял у него взаймы, окей?

– Нет, не окей! Ни хрена не окей! Твои дела никогда не поправятся, потому что ты – неудачник! Пьяное ничтожество, обманщик и вор!

– Заткнись, женщина! Ты пока еще в моем доме, и я никому не позволю так со мной...

– А вот это, между прочим, поправимо! Я ухожу от тебя, Джереми! Прямо сейчас! Забираю сына и ухожу!

– Ночью в такой ливень? Счастливой дороги! Спать будешь в луже?

– Спать буду в городе в мотеле. И знаешь, что я тебе скажу? Когда ты протрезвеешь достаточно, чтобы добраться до своих заначек, ты найдешь там ровно столько, чтобы хватило на бутылку дешевого виски. Одну. Это все, чего ты еще заслуживаешь, – женщина решительным шагом направилась к выходу из комнаты.

– Эй! – до мужчины, наконец, дошло, что она говорит всерьез. – А ну стой! Ты не можешь так просто взять и уйти!

– И кто же меня остановит?

– Сама можешь катиться ко всем чертям, но я не позволю тебе забрать Джонни!

– Он не позволит, вы поглядите на него! – она взялась за ручку двери, не считая даже нужным обернуться в его сторону. – Ты даже задницу себе подтереть не в состоянии. Счастливо оставаться, неудачник.

– Стой, я кому сказал! – взревел Джереми, вскакивая с продавленного дивана. В три прыжка он преодолел разделявшее их расстояние. Женщина уже открыла дверь и сделала шаг наружу, в неосвещенный коридор, но он схватил ее сзади за волосы и резко дернул назад. Она вскрикнула.

– Отцепись от меня, ублюдок! – она попыталась вырваться, а затем лягнула его каблуком туфли по голени. "Сука!" – рявкнул Джереми (должно быть, это было больно) и со всей силы ударил ее голову о косяк приоткрытой двери.

Раздался мерзкий хруст. И это хрустело не дерево – во всяком случае, не только оно.

Тело женщины разом обмякло. Мужчина несколько секунд растерянно удерживал его за волосы, потом поспешно уложил на пол, одновременно оттаскивая вглубь комнаты.

Череп был разбит по всей высоте; глубокая вмятина, обозначающая трещину, вертикально пересекала лоб, глазницу, скулу и верхнюю челюсть. Правый глаз выскочил из орбиты большой круглой мутно-красной каплей и повис на щеке, удерживаемый канатиком нервов. Верхняя челюсть была раздроблена, из-под быстро распухающей кровоточащей губы виднелись осколки раскрошившихся зубов. Нижняя челюсть не была сломана (хотя тоже лишилась пары зубов), но ударом ее выбило из суставов, и она криво торчала налево придавая и без того изувеченному

лицу особенно жуткий вид.

И тем не менее – женщина была еще жива. Она тщетно пыталась что-то сказать, очевидно, просила вызвать "скорую".

– Я сейчас, – пробормотал Джереми. – Я помогу...

Он быстро поднялся и вышел. Из раны на лбу, глазницы, ноздри и разбитого рта женщины сочилась кровь, постепенно пропитывая ее светлые волосы, разметавшиеся вокруг головы. Носки ее туфель подрагивали, ногти на руках негромко царапали пол.

Вернулся Джереми, но в руках у него был вовсе не телефонный аппарат и не аптечка первой помощи. В правой руке он держал тяжелый молоток, в левой – черный пластиковый мешок для мусора. Мужчина присел рядом с женой; теперь он выглядел уже не растерянным, а деловитым, как человек, столкнувшийся с хорошо известной и вполне преодолимой проблемой. Уцелевший глаз женщины расширился от ужаса, когда она поняла, что он собирается делать.

Джереми натянул мешок ей на голову и затянул горловину вокруг шеи. А затем принялся со всей силы лупить молотком по тому, что оказалось внутри. Снаружи бушевала гроза, и ударов почти не было слышно за раскатами грома. Когда содержимое мешка окончательно утратило всякое сходство с головой, превратившись в нечто бесформенное, он еще раз озабоченно проверил, хорошо ли затянута горловина – явно не желая, чтобы из мешка что-либо вытекло – а затем снова поднялся и вышел. Возможно, на сей раз он пошел за лопатой, за пилой или за мешком побольше, в который можно упаковать все тело...

Эмма внезапно осознала, что картинка давно уже не черно-белая, и вообще все это происходит вовсе не на экране телевизора. А в той самой комнате, где находится она сама. Каким-то образом убийца до сих пор не заметил ее – наверное, потому, что был слишком занят. Но теперь, если она не успеет унести ноги до того, как он вернется...

Она попыталась вскочить с кровати, но тело не слушалось ее – словно это она лежала мертвая с пластиковым мешком на голове. Внизу хлопнула дверь – ну точно, Джереми возвращается, прихватив из сарая какой-нибудь разделочный инструмент. В ужасе и отчаянии Эмма рванулась с новой силой, и на сей раз еехватило на то, чтобы скатиться с кровати. Ударившись об пол, она вскочила в темноте – снаружи уже скрипели половицы под тяжелыми шагами убийцы – и бросилась в дверь, навстречу этим страшным звукам, надеясь, что успеет проскочить, ибо другого выхода из помещения все равно не было.

Она не успела. Дверь распахнулась, и Эмма врезалась в заслонившую проход мужскую фигуру.

По всем канонам она должна была пронзительно заорать. Но ее ужас был так силен, что перехватил ей горло, откуда вырвался только сдавленный сип.

– Эмма? – ошарашенный Джон пошарил рукой в темноте по стене, нащупывая выключатель, нашел, щелкнул. – Что тут у вас творится?

– Джон! О господи...

Только теперь она, наконец, осознала, что стоит на пороге спальни – босиком, но в халате, в котором улеглась смотреть телевизор. Фильм давно закончился, как и другие передачи на канале, и умный телевизор отключился сам.

– Сколько времени? – выпалила она, окончательно понимая: сон, всего лишь сон...

– Два... уже почти три ночи. Да что с тобой такое?

Эмма, только что сперва готовая драться за свою жизнь, затем – броситься ему на шею, теперь отстранилась и спросила сердито: – Почему ты опять не позвонил? Неужели так трудно?! Я тут схожу с ума, а он... Да еще снова гнал ночью! Некоторых людей ничего не учит!

– Это я не звонил? – переспросил Джон, не веря своим ушам. – Это ты сходишь с ума? Я названиваю тебе целый день. Никто не берет трубку. Не знал уже, что думать, мчался, как...

– Мы с Джимом весь день дома, – потрясла головой Эмма. – Да и куда бы мы делись без машины... надо все-таки купить вторую, обязательно надо!

- А другие звонки были? – Джон проигнорировал последнюю фразу.
- От кого? – пожала плечами Эмма. – От твоих работодателей? От них дождешься...

Джон развернулся и вышел в коридор, где стоял телефонный аппарат. Эмма последовала за ним.

– Ну точно, – констатировал Джон, приложив трубку к уху. – Сигнала нет, – он посмотрел на нее с подозрением: – Ты ведь заплатила за телефон, когда ездила в город?

– Ну разумеется, заплатила! – ответила она, вновь чувствуя раздражение. – Этот телефон, небось, еще Эйзенхауэра помнит. Но тебе, конечно, первым делом надо обвинить жену!

– Эйзенхауэра, может, и нет, но Никсона – пожалуй, – пробормотал Джон, зажигая лампочку в коридоре. – А! Вот оно что! Видишь?

Он нагнулся и подобрал с пола телефонный провод, выдернутый из розетки. Снова вставил его в гнездо, снял трубку, удовлетворенно кивнул: – Работает.

– И кто, по-твоему, выдернул провод? – мрачно осведомилась Эмма.

– Ну если это была не ты, то, очевидно, Джимми, – пожал плечами Джон.

– Он вообще странно ведет себя последнее время, ты не находишь?

– Я не говорю, что он нарочно. Может, просто зацепил, когда играл.

– Он не играет в коридоре. Только у себя в комнате.

– Ну мало ли. Вставал прошлой ночью в туалет, шел в темноте по коридору, зацепился...

– Пришлось бы подлезать под тумбочку. Это невозможно сделать случайно.

– Ну если он налетел в темноте на тумбочку и сдвинул ее с места? Что у тебя не так с Джимом? Он плохо себя вел без меня?

– Он... – Эмма вдруг задумалась. А в чем, объективно говоря, она может обвинить Джимми? Ну, вел себя грубо, когда у него забрали любимую игрушку. Естественная, в общем, реакция. Потом извинился. С тех пор ведет себя хорошо. Так хорошо, что ей самой тошно, но как объяснить это Джону? Он скажет "ты сама не знаешь, чего тебе надо!" – Он рисует ужасные картинки, – нашла она наконец.

– Что значит ужасные? Надеюсь, не порнографию? – усмехнулся Джон.

– Это не смешно! Жуткое насилие. Убийства.

– В таком мире мы живем, – пожал плечами Джон. – И, знаешь, я не считаю правильным скрывать это от детей. Нельзя растить из ребенка эльфа, даже не подозревающего о существовании орков.

– Да уж какие там эльфы! Ты должен сам это увидеть! Он и раньше рисовал всякие космические битвы, но это... это другое. Гораздо реальнее и хуже.

– Хорошо, хорошо, я посмотрю утром. Это все? Больше у вас не было никаких проблем?

– На чердаке мертвое животное.

– Какое еще животное?

– Не знаю. Оно там слишком давно, уже сложно определить. В ящике со старыми игрушками. Ты должен был заметить, когда доставал оттуда... свой подарок!

– Ну да, конечно. Я заметил и оставил там, специально чтобы порадовать тебя. Ты вообще уверена, что тебе не показалось? Там довольно темно и пыльно.

– Конечно я уверена!

– Крыса?

– Нет, что-то крупнее. Кошка или енот.

– Ну допустим. И что? Ты его выбросила?

– Нет, я не хочу к этому притрагиваться!

– А я, значит, хочу... Ну ладно, если, как ты говоришь, оно там давно, еще несколько часов оно потерпит. Я не собираюсь лезть на чердак прямо сейчас, я чертовски устал и хочу спать.

– Да, я понимаю. Сделать тебе что-нибудь поесть по-быстрому?

– Нет. Пойду только умоюсь и сразу лягу.

Эмма вернулась в спальню, разобрала постель, сняла халат и залезла под одеяло, не гася свет. Через некоторое время вошел Джон, зевая на ходу. Щелкнул выключателем, улегся рядом и сразу отвернулся к стене, показывая, что не расположен к дальнейшему общению.

– Джон, – тем не менее, окликнула его Эмма.

– Ммм?

– Я знаю, кто мог выдернуть кабель, если это был не Джимми.

– Ммм... – на сей раз, очевидно, устало-раздраженное мычание означало "хватит уже этих глупостей!"

– Эта его игрушка.

– Эмма... – Джон, наконец, снизошел до членораздельной реплики.

– Эта штука включается сама, когда захочет, – продолжала Эмма с нажимом. – Ходит по всему дому. Позапрошлой ночью пришла в нашу спальню. Напугала меня до усрачки.

– Ты и сегодня выскочила на меня, напуганная до усрачки. Может, тебе спать со светом, как маленькой девочке?

– Сегодня... это был просто дурной сон.

– Вот именно.

– Джон, я еще не сошла с ума! Позавчера эта вещь действительно зашла в спальню, и я заперла ее в чемодан, из-за чего Джим дулся на меня полдня! Потом я ее оттуда достала! Это уж никак не было сном!

– Ну парень включил ее ночью. Может, он уже и сам не помнит, как. И она потопала по полу, пока случайно не притопала в нашу спальню. Что с того?

– А на другой день случайно погуляла по коридору и выдернула телефонный кабель.

– Кабель выдернул Джим.

– Ты не можешь этого знать.

– Хорошо-хорошо, это сделала игрушка. Или Зубная фея. Или призрак тети Люси. А теперь ты дашь мне, наконец, поспать?

– Джон...

– Ну что еще?

– Один вопрос. Твоего отца звали Джереми?

– Да, – ответил он с удивлением. – А это-то тут при чем?

– Ни при чем, – вздохнула Эмма. – Проверяю свою память. Спи.

Она не помнила, чтобы Джон когда-либо называл ей имя отца. Это ведь естественно – когда люди говорят о своих родственниках, то называют по именам тетя, дядей, братьев и сестер, но о родителях говорят просто "отец" и "мать". Особенно если те уже умерли, и их не надо представлять при знакомстве. А Джон вообще почти ничего не рассказывал ей о своем отце. До того откровения в день девятилетия Джимми Эмма даже о погибшем на войне деде своего мужа знала больше.

Но все-таки, наверное, когда-то Джон упоминал при ней имя отца. Или, может, оно попадалось ей в виде надписи. А сон – это всего лишь сон, навеянный рассказом Джона и ссорящейся парой по телевизору.

Иначе ведь не может быть, верно?

Наутро за завтраком Джимми, конечно же, отрицал всякую причастность к выдернутому кабелю. Глядя своими круглыми честными глазами, он говорил, что вообще не играл в коридоре, и свою игрушку туда тоже не выпускал. И в темноте он тоже там не ходил и о тумбочку не стукался (а для того, чтобы своротить довольно тяжелую тумбочку с места, девятилетнему ребенку пришлось бы удариться об нее с изрядной силой – после такого, пожалуй, остался бы синяк и уж точно – воспоминание).

– Ну ладно, ковбой, – примирительно заметил Джон. – Не ты, значит, не ты. Ты же не станешь врать своему папе, верно? Только помни, что телефон – это очень важно. С ним нельзя играть. Во-первых, он нужен, чтобы вызвать помощь, если у нас случится... какая-нибудь неприятность. А во-вторых, по телефону мне могут позвонить насчет работы, и тогда мы сможем, наконец, уехать отсюда. Ты же хочешь, чтобы мы снова вернулись в большой город? Так что, если заметишь, как... кто-то другой пытается отключить телефон, или уже это сделал, сразу же зови меня, договорились?

Мальчик важно кивнул.

"Он не сказал "зови меня или маму", – неприязненно подумала Эмма. – Он что же, думает, что это я отключила телефон? Мне-то это на кой могло понадобиться?!"

– А сейчас, – продолжал Джон, – если ты уже допил свой чай, давай посмотрим твои рисунки.

Мальчик тут же спрыгнул со стула, как и полагается нормальному ребенку, гордому тем, что его творчеством заинтересовались взрослые. Это было совсем не так, как позавчера, когда он загораживал локтем свои рисунки от Эммы и отказывался о них говорить. Все трое направились в его комнату.

Мальчик протянул альбом отцу. Тот открыл первую страницу с космической баталией.

– Дальше, – нетерпеливо сказала Эмма.

Дальше были, понятное дело, динозавры и роботы. Джон перелистнул страницу еще раз...

Эмма невольно напряглась – в ее воображении неумелый детский рисунок чудовищного убийства обрел уже фотографическую реалистичность, и ей совсем не хотелось увидеть это снова. Но она и не увидела. Вместо бородача, насаживающего на вилы женщину, Эмма увидела синие волны, из которых торчала корма корабля с винтом. Из кормы вырывалось пламя и валил черный дым. По небу вокруг летело множество самолетов с красными кругами на крыльях.

– Что это? – спросил Джон, слегка нахмурившись, хотя ответ напрашивался.

– Это как японцы убили моего прадедушку, – охотно пояснил Джимми. – А вот как мы им отомстили.

Следующая картинка изображала бесформенные груды развалин по обе стороны уходящей к горизонту улицы. По улице бежали люди – мужчины, женщины и дети. Все они горели. У них были круглые кричащие рты, а глаза, напротив, представляли собой косые черточки, призванные, очевидно, подчеркнуть азиатское происхождение. Позади них в небо поднимался черный атомный гриб. Эмма машинально отметила, что мальчик очень умело для своего возраста изобразил перспективу.

Джимми заглядывал в лицо отца, явно ожидая одобрения.

– М-да, – сказал, наконец, Джон. – Ты хорошо рисуешь, но... не стоит рисовать такие вещи.

– Почему? – требовательно спросил мальчик. – Ведь это же правда!

– Правда, конечно... но не всякую правду стоит рисовать. Люди, например, ходят в туалет, но это не изображают на картинках.

Джимми хихикнул.

– А тут... – продолжал Джон, – ты понимаешь, те люди, которых ты нарисовал горящими – ведь это не те, что сидели в самолетах. Нельзя ненавидеть всех японцев за то, что делало их правительство. Вот ты нарисовал мальчика, охваченного пламенем – он чем виноват? Он не убивал твоего прадедушку, и никого другого тоже не убивал. Он просто точно такой же мальчик, как ты.

– А я не сказал, что он виноват.

– Нет? Мне показалось, что ты рисовал это с удовольствием. Как торжество справедливости. Что вот, наши отомстили за наших. На самом деле, и это плохо, – Джон указал на левую картинку с Перл Харбором, – и это тоже. Потому что война – это вообще плохо. В ней

гибнут невинные люди с обеих сторон.

– Почему я не могу рисовать то, что плохо?

– Ну... можешь, конечно, если ты понимаешь, что это плохо, – вынес вердикт Джон. – Просто не стоит на этом заикливаться. Тем более что все это давно кончилось. Сейчас японцы не бомбят наши корабли, а продают нам игровые приставки, – он улыбнулся.

– Это не кончилось, – серьезно покачал головой Джимми. – Это никогда не кончится. Люди всегда будут убивать друг друга.

Джону стало не по себе от убежденности, прозвучавшей в голосе его девятилетнего сына. Впрочем, он тут же вспомнил о первых рисунках в альбоме, не вызвавших у него никаких эмоций. А ведь там изображалось именно это – войны далекого будущего. Правда, там люди воевали не друг с другом, а с инопланетянами. Но какая разница? Чем инопланетяне хуже тех же японцев? Тоже другая раса из-за океана, только не водного, а космического...

– Надеюсь, что ты ошибаешься, – сказал Джон вслух и взъерошил волосы сына.

– Это не все, – сказала Эмма. Она не понимала, как проглядела эти рисунки – наверное, страницы слиплись, когда она их перелистывала – но, хотя ей тоже не понравилась сцена ядерной бомбардировки, ее беспокоило вовсе не это. – Листай дальше.

Джон перевернул лист. На обратной стороне рисунка про ядерную бомбардировку оказался еще один, тоже не знакомый Эмме, но, очевидно, продолжавший ту же тему – на сей раз показывавший жертву бомбардировки в больнице. Судя по разметавшимся по подушке длинным волосам, это была женщина, хотя ее голова больше напоминала обтянутый кожей череп, и этот череп кричал от боли. Из костлявой руки, тоже больше похожей на руку скелета, торчала капельница. Рядом стоял узкоглазый доктор в халате, разводивший руками с видом "мы больше ничего не можем сделать". Джон поморщился, но ничего не сказал, считая, что эту тему они уже обсудили.

Следующая страница, однако, была пуста, и следующая за ней тоже.

– Не может быть, – нахмурилась Эмма. Она взяла альбом из рук мужа, тщательно проверила уголки страниц – нет, ничего не слиплось, перевернула по одной еще несколько, затем быстро пролистала весь альбом до конца – но больше в нем не было ни одного рисунка. Ни разрушаемой на бегу девочки, ни беременной женщины, ползущей на култях, ни барбекю каннибалов. Ничего из виденных ею два дня назад ужасов.

– Джим, – она строго посмотрела на сына, – а где остальные рисунки?

– Какие, мамочка?

– Те, которые напугали меня два дня назад! – резко ответила Эмма.

"Если он еще раз назовет меня мамочкой, я взорвусь!"

– Но других нет, – ответил мальчик, глядя на нее все тем же честным взглядом. – Разве ты говорила не про эти?

Эмма почувствовала сильнейшее желание сделать то, чего не делала никогда – отвесить сыну пощечину. Маленький лживый негодник вполне этого заслужил! Но... усилием воли она подавила волну гнева. Он не присутствовал рядом, когда она смотрела альбом в прошлый раз, и, строго говоря, действительно не мог знать наверняка, о каких рисунках она говорила. Горящие люди на улицах Хиросимы (или это был Нагасаки?) вполне попадали под определение "ужасных вещей, которые расстраивают и пугают маму". Если, конечно, предположить, что этот рисунок *и тогда* был в альбоме. Но что "других нет" – это уж точно явное и безусловное вранье!

– Джон, он лжет. Тут были другие картинки. Еще более страшные.

– Что может быть страшнее атомной бомбардировки, в которой погибли десятки тысяч человек? – криво усмехнулся Джон.

– Да, но... Там была не война. Там были особые, изощренные убийства. Какой-то фермер прошлого века, поднимающий жену на вилы, а потом рассекающий косой пополам маленькую дочку, – вообще говоря, из картинки никак не следовали родственные связи между персонажами,

но Эмма почему-то не сомневалась, что это были члены одной семьи. – Беременная женщина с отрубленными конечностями...

– Эмма, – перебил ее Джон, – не думаю, что стоит при ребенке...

– Ты вообще меня слушаешь?! – закричала она, уже не сдерживаясь. – Это нарисовал *он сам!*

– Джим? – мужчина строго посмотрел на мальчика. – О чем это говорит мама?

– Я не знаю, – пожал плечами Джимми. – Мне кажется, мамочка что-то путает. У нее было плохое настроение в тот день.

– Ах ты маленький... – вырвалось у Эммы, но она вновь сумела обуздать себя. – Джон, он просто вынул те рисунки из альбома, – все листы были скреплены пластиковой пружинкой, так что вынуть их, не оставив следов, не составило бы особого труда. – А эти нарисовал уже потом. Тогда их не было.

– погоди, – Джон взял альбом, вновь перелистнул страницы в начало. – Ты хочешь сказать, что здесь вместо Перл Харбора было что-то другое?

– Ну да! Тот ужасный фермер с бородой и вилами!

– Но этого не может быть, – Джон отлистнул страницу назад. – Я помню эту картинку с обратной стороны листа. Джим показывал мне ее неделю назад. Вот этих роботов, сражающихся с осьминогом.

– Это не осьминог! – возмущенно возразил Джимми. – Папа, я же объяснял тебе...

– Хорошо, хорошо. Извини, я не запомнил, с какой он планеты. Так или иначе, – Джон снова обращался к жене, – если бы он вынул или вырвал этот лист, то и этого рисунка бы больше не было.

– Но... – растерялась Эмма, понимая, что он прав. Она и сама помнила эти щупальца. Как, впрочем, помнила и все остальное. – Он нарисовал копию, – нашла она.

– У нас растет юный Рембрандт? – усмехнулся Джон. – Дети не делают копий своих рисунков. Им это скучно. Им интересно каждый раз рисовать что-то новое.

– Это когда они рисуют ради удовольствия от процесса!

– А ради чего, по-твоему, рисует Джим?

– Ради того, чтобы прикрыть свою ложь!

Джон переводил взгляд с взбешенной жены на растерянного и недоумевающего сына.

– Знаешь, ковбой, – сказал он, приседая на корточки перед ребенком, – если ты решил разыграть меня с мамой, самое время признаться. Никто не будет наказывать тебя за... шутку. И за другие рисунки, что бы там ни было изображено.

– Нет никаких других рисунков, папочка, – у Джима был такой вид, словно он вот-вот заплачет под тяжестью несправедливых обвинений.

Эмма выхватила альбом и принялась пересчитывать страницы. Затем сравнила с числом на обложке.

– Вот! – воскликнула она. – Пяти листов не хватает!

– Я сделал из них самолетики, – сказал Джим.

– И где же они? – ядовито осведомилась Эмма. Если он скажет, что пускал их из окна (не слишком интересная забава для первого этажа стоящего на плоской равнине дома!), то прямо там, под окном, они и должны валяться.

– Это было еще в городе.

Джим отвечал без запинки, не так, как ребенок, пойманный на лжи и пытающийся выкрутиться на ходу. И альбом действительно был куплен еще до переезда.

– Вообще-то это альбом для рисования, а не для авиастроения, – строго заметил Джон. – Эта бумага слишком хорошая, чтобы переводить ее таким образом. Самолетики можно делать и из старых газет.

– Нет, газетная бумага слишком мягкая, они плохо летают, – помотал головой Джим. – Но

я понял, папочка. Я больше не буду.

– Джон, о чем ты говоришь?! – снова возвысила голос Эмма. – Какие, к черту, самолетики?! По-твоему, это я вру?

– Это аргумент, – согласился ее муж и вновь строго посмотрел на сына. – Джим, один из вас говорит неправду. И ты ведь не хочешь сказать, что это мама?

– Может быть, мамочке приснилось, – ответил Джим. – Так бывает, что потом не можешь вспомнить, сон это был или правда. У меня самого так было.

Джон вздохнул:

– Ладно, Джим. Мы еще вернемся к этому позже. И если окажется, что ты врешь, я буду говорить с тобой уже по-другому.

– Я не вру! – у Джимми и в самом деле потекли слезы из глаз. – Не вру!!!

– Пойдем разберемся, что там на чердаке, – сказал Джон Эмме, беря ее под локоть и выпроваживая из детской.

– Ты что, в самом деле думаешь, что я не могу отличить сон от яви?! – набросилась на него Эмма, едва за ними закрылась дверь.

– Можешь, наверное, хотя ночью ты чуть не сбила меня с ног наяву из-за того, что тебе привиделось во сне.

– Да, но это было через несколько секунд после пробуждения! А рисунки я видела среди бела дня!

– Наверно, видела. Только я не понимаю, зачем Джиму врать, напрашиваясь на наказание, когда у него была возможность свести все в шутку без последствий.

– Он просто маленький ребенок. Не жди от него слишком рационального поведения. Он дует на меня из-за того, что я пыталась отобрать твою игрушку, вот и все.

– Не надо было этого делать.

– Что?

– Зачем отбирать игрушку, с которой он так чудесно проводит время? Ты вспомни, как он поначалу изводил нас нытьем, что ему скучно и нечем заняться. А после его дня рождения мы не слышали ни одной жалобы. Хоть кто-то в этом доме получает удовольствие... И знаешь, я бы тоже, пожалуй, обиделся, если бы в свое время моя мать попыталась отобрать у меня отцовский подарок.

– Джон? – потрясенно произнесла Эмма. – Ты на чьей стороне вообще?

– А что, у нас тут какая-то война? – ответил Джон с неменьшим (хотя, возможно, и деланным) удивлением. – Ну ладно, – он остановился под чердачным люком и потянул за веревку, спуская лестницу. – Можешь принести мне фонарь, перчатки и мешок для мусора?

– Сейчас.

Эмма сходила за просимым. Джон полез наверх. "Ну и где тут эта твоя мумия?" – донесся его недовольный голос через некоторое время.

– В ящике с игрушками! – крикнула Эмма снизу. – Справа, ближе к дальнему углу!

"Тут ничего такого нет."

– Как это нет?! – Эмма полезла на чердак сама.

Там все было, конечно, так же, как и два дня назад, и Джон стоял, светя фонарем на тот самый ящик. Эмма подошла, заранее морщась от отвращения. Кукла, самосвал, медведь, кажется, еще какая-то столь же облезлая обезьяна... но никакого истлевшего трупа.

– Наверное, эта дрянь завалилась глубже в ящик, – сказала Эмма. – Достань все игрушки.

– Окей, окей, – недовольно проворчал Джон, по одной вытаскивая их (мягкие он просто бросал на пол, твердые – самосвал, пластмассовый паровоз, коробку с солдатиками – аккуратно ставил). В ящике обнаружили также красноносый клоун с оторванной рукой, толстая мышь, скорее всего, не покупная, а сшитая какой-то из обитательниц дома (шов на животе разошелся, и оттуда вылезли ватные кишки), и резиновый губастый негр с выпученными глазами,

изготовленный явно задолго до эпохи политкорректности. И это было все.

– Оно было тут, – растерянно произнесла Эмма. – Не могло же оно вылезти и уйти. Только не на такой стадии разложения.

– Наверное, ты приняла за мертвое животное медведя или обезьяну, – миролюбиво предположил Джон. – Они тоже выглядят не ахти.

– Да нет же! Наоборот, я сначала приняла труп за игрушку! А потом увидела зубы и червей в глазницах...

– Ну и куда же оно подевалось, в таком случае?

– Я не знаю. Джон, не смотри на меня так! Я не сумасшедшая!

– Я этого и не говорю. Просто тебе померещилось в темноте.

– Я знаю, что я видела, – упрямо повторила она.

– Тогда дай мне разумное объяснение, – ответил Джон, уже явно раздражаясь. – Или, может, ты скажешь, что это тоже сделал Джим, чтобы досадить тебе? Допустим, он мог со злости выдернуть телефонный кабель, особенно если понимал, что ты ждешь звонка. Допустим даже, мог вырвать одни рисунки и нарисовать вместо них другие, хотя мне уже трудно понять, почему он мог решить, что это тебе досадит. Особенно если ты сказала ему, что те рисунки тебе не нравятся. Но забраться на чердак и забрать отсюдадохлую кошку или там енота? Ты ведь понимаешь, какая это чушь? Я уже не говорю о том, что это не имеет никакого смысла. Но, во-первых, он просто не дотянется до веревки, чтобы опустить лестницу...

– Он мог подставить стул, – возразила Эмма, хватаясь, как за соломинку, хоть за какое-то объяснение.

– А во-вторых и в-главных, ты же знаешь, как он боится любойдохлятины! Чуть в обморок не падает от любого мертвого голубя. Представить себе, чтобы он взял подобное в руки...

Да, это был аргумент. Даже если Джимми и нарисовал те ужасные рисунки, это совсем не значило, что он готов смотреть на трупы в реальной жизни – и уж тем более прикасаться к ним.

– И к тому же, – Джон поднял с пола обезьяну за ногу, – если здесь был труп, да еще такой, в котором все еще копошились черви, здесь все должно было провонять, – Джон осторожно приблизил к обезьяне к носу. – Пахнет старым слежавшимся тряпьем и не более чем.

Эмма шагнула вперед и потянулась носом к обезьяне, все еще свисавшей из руки Джона; брать ее голой рукой она не хотела. Она почувствовала запах, о котором говорил ее муж... но не только. Тяжелый дух гниющей плоти в значительной мере выдохся – но все еще ощущался.

– Неужели ты не чувствуешь? – спросила она Джона.

– Нет.

– У тебя всегда было плохое обоняние, – констатировала Эмма, и это была правда. Джон это сам знал и не раз иронизировал, как ему повезло, потому что плохих запахов больше, чем хороших. Но сейчас он не склонен был к самоиронии и лишь огрызнулся:

– А у тебя – слишком хорошее воображение.

"Для кассирши из Walmart'a", – мысленно закончила фразу Эмма. Он не сказал так, но наверняка подумал. Впрочем... теперь она и сама не была уверена, что видела червей в глазницах. Она смотрела на это всего пару секунд в луче фонаря, дрогнувшего в ее руке, может, это были лишь катышки пыли... Но само иссохшее тельце она видела вне всякого сомнения!

Джон тем временем раздраженно побросал игрушки обратно в ящик и двинулся к выходу, светя под ноги фонарем. Эмме ничего не оставалось, как пойти следом за ним.

– Всего два дня не был дома, – сердито бурчал Джон, – и меня уже кормят фантастическими историями про ребенка, подменяющего собственные рисунки, идохлогокота, который гуляет сам по себе! Как будто у меня мало настоящих проблем!

Эмма видела, в каком он настроении, и все же, спустившись следом за ним по лестнице, не удержалась от реплики:

– Кое-что у нас тут *действительно* гуляет само по себе.

– Ты опять про игрушку Джима? Не начинай.

– А ты не думал, что она на самом деле может быть опасной? К примеру, радиоактивной? Что, если у нее атомный двигатель? – Эмма уже убедила себя, что это не так, иначе, конечно, больше не позволила бы сыну играть с этой штукой, независимо от его обид – но сейчас ей хотелось сбить самоуверенность Джона хоть чем-то.

– Полная чушь, – ответил, однако, ее муж. – Ты представляешь себе размер и вес атомного реактора? Про стоимость и доступность я уж и не говорю...

– Но откуда-то она берет энергию! Вечных двигателей не бывает!

– Не бывает, – согласился Джон. – А знаешь, что показывал учитель в моей школе, когда рассказывал об этом? Пьющую птичку. Это тоже такая игрушка. Опускает голову в воду и, типа, пьет. Потом поднимает. Потом опять опускает, и так до бесконечности. Ни проводов, ни батареек. Знаешь, как работает? Там внутри, ну, типа фитиля, скрученного в хвосте. Он намокает, хвост становится тяжелее головы, голова поднимается. Потом фитиль высыхает, голова опускается опять. Вечный двигатель? Нет! Для работы этой штуки нужна, во-первых, вода, а во-вторых, тепло, испаряющее воду из хвоста. Обычное комнатное тепло, не какой-то специальный обогреватель.

– Вот только *эта* твоя игрушка никакую воду не пьет. И она, может, и легче, чем атомный реактор, но явно тяжелее, чем эта птичка. И способна на большее.

– Так я не говорю, что она работает точно так же. Просто привожу пример, что бывают игрушки, работающие и без батареек, и нет в этом ничего такого особенного. Так что хватит уже дурацких фантазий! Лучше скажи, ты почти вчера проверяла?

– Да. Ничего.

– Пойду еще проверю.

– Рано еще.

– Тут иногда раньше привозят.

Эмма не помнила, чтобы за время их жизни здесь почти привозили в первой половине дня, но если Джон искал предлог, чтобы от нее отвяжаться – пусть. После всех нелепостей сегодняшнего утра, когда никакие ее слова не находили подтверждения, он явно не настроен воспринимать ее всерьез и будет только злиться на новые "фантазии". А то и вправду решит, что у нее поехала крыша.

Хлопнула дверь – Джон вышел на улицу. Эмма подошла к детской, но не стала заходить, а лишь приложила ухо к двери.

Внутри слышалось урчание и деловито чпокали ножки-присоски.

Эмма зашла в спальню, сняла халат, натянула джинсы и блузку. Вновь выйдя в коридор, столкнулась с вернувшимся Джоном – само собой, вернувшимся с пустыми руками и от этого еще более недовольным.

– Куда-то собралась?

– В город. У нас пустой холодильник. Я тебе, между прочим, говорила, что все испортилось, ты мог бы и купить что-нибудь по дороге...

– У меня были заботы поважнее!

"Да, конечно. Как всегда у мужчин", – подумала она и пошла в прихожую. "Между прочим, если бы ты лучше следила за своим сыном, когда он играет возле телефона..." – неслось ей вслед, пока она застегивала сандалии. Не отвечая, Эмма взяла в руку ключи от машины и вышла на улицу.

Многострадальный пикап, и прежде не выглядевший новеньким, теперь приобрел вмятины на крыше и длинные царапины на крыльях – само собой, Джон не стал тратить на кузовной ремонт, что обошлось бы дороже покупки другой машины. Дверцу пришлось захлопывать с усилием – замок не защелкнулся с первого раза. Но двигатель зафырчал сразу же,

как только Эмма повернула ключ.

В городе, однако, она направилась первым делом не в магазин, а в библиотеку. Прежде она не была там и спросила, есть ли у них доступ в интернет. Женщина, сидевшая на выдаче книг, ответила утвердительно, но надо было записаться в библиотеку. После того, как Эмма заполнила формуляр, аккуратный молодой человек, больше похожий на клерка из крупной компании, чем на компьютерщика из кино, проводил ее к стоявшему на столике в углу компьютеру с пузатым монитором и спросил, нужна ли помощь. Эмма ответила, что хочет поискать кое-какую информацию. Молодой человек кивнул, пошевелил мышку (темно-серый экран ожил) и кликнул на иконку в самом центре рабочего стола. Загрузился сайт altavista.com. "Вот здесь вводите, что вы хотите найти", – показал мышкой молодой человек. "Да, большое спасибо, дальше я сама", – широко улыбнулась Эмма и, дождавшись, пока он уйдет, отстучала на клавиатуре "мужчина убил топором беременную жену".

Компьютер помедлил – Джон был прав, скорость интернета в этих краях даже и в библиотеке оставляла желать лучшего – а затем, к удивлению Эммы, выдал довольно длинный список. Не во всех его элементах, правда, присутствовали все компоненты фразы (не фигурировала либо беременность, либо топор), и среди оставшихся, как Эмма вскоре убедилась, часть ссылок относилась к одним и тем же преступлениям – но все же таких убийств оказалось далеко не одно и не два. Само собой, они произошли в разное время и в разных местах; но, пройдя по всем ссылкам (даже по тем, что вели за пределы США), она так и не нашла того, которое искала. Нигде не было жутких подробностей ни про отрубленные у еще живой жертвы конечности, ни про сына, накормленного мясом своей матери (и, возможно, нерожденного брата или сестры). Некоторые заметки сопровождались маленькой фотографией убийцы, но ни у одного из них не было роскошных усов без бороды.

Впрочем, Эмма понимала, что убийство, нарисованное Джимом, произошло очень давно. Качество детского рисунка, конечно, не позволяло судить с уверенностью, но все же у Эммы сложилось впечатление, что такие костюмы, такие часы на цепочке, вытянутой из жилетного кармана – это что-то из эпохи Великой депрессии или даже еще раньше, начало двадцатых. А сведения о тогдашних убийствах, даже громких, совсем не обязательно, конечно, успели попасть в современный интернет.

И кроме того... кто ей сказал, что то убийство вообще было раскрыто и попало в газеты? Вполне возможно, что останки женщины

(разрубленные, обглоданные кости)

так и не нашли. Нашли лишь плачущего мальчика, сообщившего, что его папа застрелился после того, как мама их бросила. В те годы – особенно если это и впрямь была уже Великая депрессия – подобное вряд ли тянуло на сенсацию. В какой-нибудь сельской глухомани даже факт беременности – снижавший, понятно, правдоподобие версии о жене, просто сбежавшей от мужа – мог быть никому не известен за пределами семьи. Возможен даже и такой вариант – продолжала фантазировать Эмма – что мальчик после смерти отца и вовсе не стал обращаться в полицию или к соседям, а залез в какой-нибудь товарняк и отправился бродяжничать по стране, а когда его, наконец, задержали, ничего не рассказал о своем реальном прошлом и был в конечном итоге усыновлен под другим именем где-то на другом конце Америки...

Только откуда об этом мог узнать Джим?!

Эмма не имела понятия. Она лишь была уверена в том, что рисунок не был простой фантазией. И то, что мальчик его уничтожил, казалось ей лишь подтверждением. Однако она не нашла никаких доказательств. А Джон и так уже наполовину считает, что у нее не все дома.

Эмма попробовала "мужчина убил жену вилами и разрубил дочь косой".

На сей раз поисковик выдал ей кучу сообщений про убийство жены и дочери, несколько – про убийство вилами и убийство косой, но ни одного, где сочетались бы все три фактора.

Впрочем, это кошмарное преступление, очевидно, было совершено еще раньше. Если это только не была семья каких-нибудь амишей, одежда наводила на мысль о XIX или начале XX века. Конечно, память о столь жутком убийстве могла бы сохраниться и сто лет спустя и найти отражение в современных публикациях – если бы оно произошло в крупном городе. Джек Потрошитель, например, совершал свои убийства в Лондоне, и поэтому о нем писали все крупные газеты, и не только английские. А нечто, произошедшее в сельской глуши... сколько вообще трагедий и ужасов, куда более страшных, чем широко разрекламированные, скрывает эта глушь?

Она набрала "Джереми Хоррелл погиб пожар".

Компьютер выдал ей сообщения о Джереми Хорреле, погибшем в результате несчастного случая на охоте в Орегоне, Джессике Хоррелл, погибшей в результате столкновения с пожарным автомобилем в Калифорнии, и Грегори Хоррелле, представителе пожарного департамента в Юте, сделавшем сообщение для прессы о пожаре в супермаркете, в результате которого "к счастью, никто не погиб". Все это были недавние случаи.

Ну вот, пожалуйста! Никаких сведений в интернете о гибели отца Джона – а ведь она-то была совершенно реальной. Просто это случилось более двадцати лет назад. Может быть, когда-нибудь библиотеки, хранящие подшивки старых газет, и выложат их в интернет, но пока, во всяком случае, до этого не дошло. Так что отсутствие информации в сети ровным счетом ничего не значит.

Запрос "странная разноцветная игрушка ходит на двух ногах без подзарядки" выдал Эмме целую кучу ссылок на магазины и фирмы, торгующие игрушками и принимающие заказы по почте, а в одном из них даже можно было заказать товар прямо через интернет – но, разумеется, никто из них не продавал ничего даже отдаленно похожего на вещь, разгуливавшую теперь по комнате ее сына.. Максимум – шагающие роботы на батарейках (чертовски дорогие) и планетоходы, заводимые ключом.

Затем Эмма набрала свой собственный адрес, желая проверить, не хранит ли сеть каких-нибудь историй, связанных с ее нынешним домом. Но и этот запрос оказался безуспешным. Но на сей раз Эмма не собиралась отступаться так просто. Когда умерла тетка Джона? Шесть... нет, кажется, уже семь лет назад, Джиму было тогда два года. Как все-таки летит время...

Джон никогда не говорил ей об обстоятельствах этой смерти. А она никогда прежде не интересовалась таковыми. Мало ли от чего может умереть пожилой человек, совершенно ей незнакомый и закономерно не вызывавший никаких чувств (Джон, правда, тоже не выглядел опечаленным). Но теперь... теперь ей захотелось удостовериться, что эта смерть *действительно* была естественной. Эта мысль впервые мелькнула у нее, когда ее муж упомянул о "призраке тети Люси". Конечно, его реплика была всего лишь сарказмом, и сама Эмма верила в привидения ничуть не больше, чем он сам. Но уже сам факт, что ему пришла в голову такая фраза, наводил на мысль, что что-то здесь было нечисто.

– Закончили? – поднял на нее глаза аккуратный молодой человек.

– С интернетом – да. Но я хотела бы посмотреть архив "Курьера" за 89 год. Это возможно?

– Разумеется. Вас интересует тысяча *девятьсот* восемьдесят девятый? – уточнил молодой человек.

– Да, конечно. А что...

– "Курьер" издается уже более ста лет, – улыбнулся юноша. – Правда, далеко не все ранние экземпляры сохранились даже в виде фотокопий. Но с номерами семилетней давности, конечно, никаких проблем.

Он вновь проводил ее, теперь уже не к компьютеру, а к аппарату для просмотра фотокопий, стоявшему в подвале, и показал, как им пользоваться. Пролистывать изображения страниц вручную было, конечно, куда менее удобно, чем искать по ключевым словам, но

выбирать не приходилось. Эмма попыталась вспомнить, когда Джон сообщил ей о смерти тетки и унаследованном доме. Кажется, это было начало лета... или еще весна? На улице, во всяком случае, было уже тепло. Она решила на всякий случай начать с мая, внимательно просматривая раздел происшествий.

Она нашла то, что искала – точнее, то, что надеялась НЕ найти – в номере за 23 июня.

"ЖЕНЩИНА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ПОДВАЛЕ СВОЕГО ДОМА

Люси Мортон, 64, найдена мертвой в своем доме на шоссе 13. Почтальон Т.Салливан обратил внимание, что миссис Мортон уже давно не забирает почту из ящика. Зная, что она живет одна, и притом уже много лет не покидала своего дома, он проинформировал полицию. Помощник шерифа Дж. Корнфилд, после тщетных попыток достучаться до хозяйки дома, проник в помещение. Тело миссис Мортон было обнаружено на полу подвала; по предварительным данным, оно находилось там уже не менее двух недель. Люк, ведущий в подвал, оставался открыт. В доме не было следов незаконного проникновения. В офисе шерифа отказались комментировать причину смерти, заявив, что любые выводы пока преждевременны. В настоящее время полиция разыскивает родственников миссис Мортон."

Следующая заметка на эту тему появилась два дня спустя.

"СМЕРТЬ ЛЮСИ МОРТОН ПРИЗНАНА НЕСЧАСТНЫМ СЛУЧАЕМ

Люси Мортон, 64, обнаруженная мертвой в подвале собственного дома на шоссе 13 22 июня, стала жертвой трагической случайности. Таково заключение судебно-медицинской экспертизы. По всей видимости, миссис Мортон оступилась, спускаясь в подвал, и упала с лестницы, сломав в результате позвоночник. Как утверждает эксперт, после этого она оставалась жива еще не менее двух дней, но, к сожалению, никто не мог услышать ее криков о помощи, ибо женщина вела уединенный образ жизни. Оснований для возбуждения дела об убийстве нет, подчеркнул эксперт.

Как стало известно редакции, единственным родственником, пережившим миссис Мортон, является ее племянник, проживающий в Фарго. Он уже проинформирован о случившемся."

Эмма представила себе, каково это – двое суток (*как минимум* двое суток) лежать на полу подвала со сломанной спиной, в полной беспомощности и неподвижности, и ждать смерти, понимая, что на помощь тебе никто не придет. Ее передернуло, и она невольно потерла руками плечи, словно от холода. Да, после *такого* немудрено поверить в появившийся в доме призрак...

Но, конечно, она не верила. Да и поводов для этого не было – за все время их жизни в доме там не происходило ничего сверхъестественного. Не считать же проявлениями полтергейста неисправности старой проводки или сантехники... Выдернутый кабель – это, конечно же, проказа Джимми. Дохлое животное...

М-да. С рациональным объяснением дохлого животного как-то не складывалось. Не очень понятно даже, откуда оно могло взяться – и уж тем более куда оно могло исчезнуть. Или Джон все-таки прав, и она приняла какую-то из старых игрушек за...

Нет. Она видела то, что видела, и никто не убедит ее в обратном.

Эмма продолжала листать фотокопии страниц, ожидая, не попадутся ли новые подробности по этой теме. Но, очевидно, полиция закрыла дело, и газета потеряла к нему всякий интерес. Добравшись до августовских номеров, Эмма хотела уже подняться со стула, но тут ей пришла в голову мысль поискать сведения о пожаре, в котором погиб отец Джона. Она не знала, что именно надеется (или опасается) обнаружить; скорее, ей просто хотелось сверить рассказ мужа с фактами. Она понимала, что совсем не обязательно найдет эту историю в архиве – ведь сгоревший дом Хорреллов вовсе не обязательно находился где-то поблизости от дома Мортонов, он мог быть в другом округе и даже в другом штате (Эмма с удивлением поняла, что до сих пор не знает, откуда именно родом ее муж – он никогда не говорил об этом), и тогда, конечно, пожар не попал в поле зрения местной газеты. Но отчего не попробовать? Итак, это был 1974 год... или

уже 1975? Перспектива просматривать более семисот номеров Эмму совсем не привлекала, но она вспомнила, что маленького Джона нашли на пепелище в трусах и майке, и раз он не замерз (и ни словом не упомянул про холод), едва ли это была зима. Значит, период с поздней весны до ранней осени... На сей раз Эмма решила ориентироваться не на календарные даты, а на прогноз погоды, исправно публиковавшийся в нижнем углу первой страницы той же газеты: ее интересовали дни, когда ночная температура была не ниже +60 по Фаренгейту. Ей приходила, конечно, мысль, что проще было бы спросить точную дату (или, на худой конец, месяц) у самого Джона – как, собственно, и адрес – но интуиция говорила ей, что он отнюдь не будет рад возвращению к этой теме. Лучше уж она попытается узнать сама, и только если из этого ничего не выйдет...

Увы, но все ее разумные рассуждения не дали результата. За два теплых сезона 1974-75 в окрестностях действительно произошло несколько пожаров, но все они обошлись без жертв, кроме одного, в котором погибла восьмидесятилетняя женщина. Фамилия Хоррелл (как, кстати, и Мортон) нигде не упоминалась.

Эмма встала со стула, моргая уставшими от всматривания в фотокопии глазами. Надо было еще купить продукты.

Поднявшись по лестнице из полутемного подвала, она сообщила молодому человеку, что закончила.

– Нашли, что искали? – осведомился тот.

– К сожалению, не все, – покачала головой Эмма.

– Может, я могу вам помочь?

Эмма впервые взглянула на него с любопытством, а не как на живой придаток к технике.

– Спасибо, но сейчас мне нужно идти. Меня и так уже муж заждался, – ответила она, ненавязчиво подчеркнув голосом слово "муж". Кстати, и в самом деле, сколько сейчас времени? (Эмма не носила часов – маленькие женские часики с крохотным циферблатом ей не нравились, а большие мужские не шли.)

– Понимаю, – молодой человек не выглядел разочарованным. – Но... если вы скажете мне, что ищете, я мог бы посмотреть это для вас... к вашему следующему визиту. Мне это совсем не будет трудно, – поспешно добавил он, видя ее готовность возразить. – Вы понимаете, у меня тут не слишком напряженная работа... по правде говоря, целый день практически нечего делать, а копаться в архивах я люблю.

– И в чужих секретах тоже? – произнесла Эмма резче, чем хотела.

– Извините, – тут же сдал назад парень. – Я вовсе не имел в виду...

– Это вы меня извините, я не хотела вас обидеть, – ответила Эмма и вдруг решила (в конце концов, речь не об интимных дневниках, а о сведениях, опубликованных в газете!): – Я ищу информацию о пожаре в семьдесят четвертом или пятом году... тысяча девятьсот. Пожаре, в котором погиб Джереми Хоррелл и выжил его сын Джон. Но, наверное, этот пожар случился не здесь, где-то в другом месте, поскольку я так ничего и не нашла.

Парень бросил на нее пристальный взгляд. Разумеется, он знал ее фамилию – перед ним была ее свеженькая библиотечная карточка – как знал уже и о факте ее замужества, а стало быть, мог сообразить, кем приходятся ей упомянутые двое. И задуматься, почему она ищет информацию о своем муже столь окольными путями. Хотя, с другой стороны, ниоткуда не следовало, что речь идет именно о муже, а не о каком-то родственнике по его линии.

– Я посмотрю, – пообещал он. – Вы знаете, иногда событие не упомянуто прямо в заголовке – вы ведь смотрели только заголовки? – но фигурирует в тексте заметки. Или, по крайней мере, там упоминается какой-то след, по которому на него можно выйти.

– Мне бы не хотелось так вас напрягать, – все же произнесла Эмма. – Вам придется перечитать кучу старых газет... только ради утоления моего любопытства. Это вовсе не вопрос жизни и смерти.

Хотя, по крайней мере для Джереми Хоррелла, он стал именно таковым, подумала она про себя.

– Ничего страшного, – вновь заверил ее парень, – я же говорю, мне самому интересно. Как будто я детектив, проводящий расследование, или разведчик, – он улыбнулся. Он ведь совсем еще мальчишка, подумала Эмма, моложе меня лет на шесть...

– Тогда, – сказала она вслух, – если вам попадутся еще какие-то сведения о жене Джереми, матери Джона... она... покинула семью за несколько месяцев до пожара, и с тех пор о ней ничего не известно. Во всяком случае, мне. Я, к сожалению, не знаю даже ее имени. И еще... – чего уж теперь останавливаться на полпути, – может быть, вам поможет, что сестрой Джереми была Люси Мортон, жившая... там, где сейчас живу я. Она умерла в восемьдесят девятом, я уже нашла заметку о том, как это случилось, но, может быть, вам попадутся еще какие-нибудь упоминания о ней... или об этом доме.

– Посмотрю и это тоже, – кивнул парень. – Я позвоню вам, если что-то найду.

В голове Эммы вновь зажегся предупреждающий красный сигнал. Ну да, конечно – ее телефон написан там же, где и фамилия...

– Боюсь, моему мужу может не понравиться, если мне будут звонить незнакомцы, – сказала она с улыбкой, не зная, в какой мере это шутка. С одной стороны, на дворе не средние века, и Джон никогда не устраивал ей сцен ревности, но с другой... Тем паче что с тех пор, как он потерял работу, его характер меняется отнюдь не к лучшему. Эмма вспомнила, как он отреагировал на ее идею вновь устроиться кассиршей. "С кем ты надеешься познакомиться на этот раз?"

– Окей, – вновь не стал настаивать парень, – тогда можете сами звонить сюда, – он протянул ей карточку из твердого белого картона. Это не была его личная визитка – там значились лишь адрес, телефон и часы работы библиотеки.

– Меня зовут Линк, – дополнил парень недостающую информацию. – Хотите, напишу?

– Я запомню, – пообещала Эмма. – Довольно необычное имя.

– Родители называли меня "Линкольн", но я предпочитаю "Линк", – пояснил он. – Это не только "звено", но и компьютерный термин, вы понимаете. Связывание информационных объектов в единое целое, а еще – ссылка в сети. Как раз то, чем я занимаюсь.

– Хорошо, Линк. Приятно познакомиться. Я Эмма Хоррелл, впрочем, вы это уже знаете. Я, наверное, позвоню... через несколько дней. А сейчас мне в самом деле пора.

Только выйдя из магазина и запустив двигатель, Эмма обратила внимание на часы на приборной панели. Ох ты черт! Совершенно не заметила, как летит время... Джим, небось, уже голодный, да и Джон тоже. Голодный и, пожалуй, злой.

– Где ты была? – не обманул ее ожиданий Джон, едва Эмма переступила порог. Он стоял прямо за дверью, так что она даже отшатнулась от неожиданности. Должно быть, услышал или увидел в окно, как она подъехала.

– Я же сказала, ездила за продуктами! – она приподняла тяжелые пакеты, которые держала в левой руке; в правой у нее все еще были ключи.

– Пять часов?

– Еще я зашла в библиотеку. Имею право? Слушай, ты или возьми пакеты и отнеси на кухню, или, по крайней мере, не перегораживай коридор.

– И что можно столько времени делать в библиотеке? – он не двинулся с места.

– Лазить по интернету. Ты же не хочешь, чтобы мы подключили свой? Слушай, ну извини, – сдала назад она, понимая, что его раздражение небеспочвенно. – Я хотела зайти туда всего на несколько минут. И сама не заметила, как...

– Угу. Какое увлекательное место этот интернет. Сидела там, небось, в каком-нибудь чате с извращенцами?

Она хихикнула, приняв это за шутку, но ее смех тут же оборвался. По глазам Джона вовсе

не было заметно, чтобы он шутил.

– Слушай, ты что, намерен устроить мне сцену ревности? – спросила она тоном полного изумления. – Прямо сейчас?

Несмотря на недавно мелькавшие у нее неприятные мысли, у Эммы были все основания изумляться и возмущаться. Она никогда не давала ему повода для подозрений. Джон был ее первым и единственным мужчиной – лишь ему удалось преодолеть инстинктивный страх девочки, только что вырвавшейся из-под опеки строгих родителей. С другими она всегда держала дистанцию. И общаясь с Линком, она тоже воспринимала его не как мужчину, а лишь как средство получить интересующую ее информацию – к тому же он совсем мальчишка... но вот теперь, задним числом, она вдруг подумала, что вообще-то он очень даже ничего.

Эмма тут же устыдилась этой мысли и – и, хуже того, испугалась, что Джон заметит ее смущение. Пряча стыд за раздражением, она демонстративно опустила пакеты на пол:

– Если хочешь знать, я выясняла то, что *ты* от меня скрыл! Как умерла твоя тетя Люси?

– При чем тут это? Ну, свалилась с лестницы и сломала себе шею, и что? Тебе-то что с того?

"Не шею, а спину, – подумала Эмма. – Если бы шею, она бы не мучилась так долго."

– Я думала, что она умерла просто от старости. А она свалилась в этот подвал, и ее нашли только через две недели

– Эмма, этому дому почти сто лет. Его построили перед Первой мировой. Здесь и раньше умирали его прежние хозяева. Как и в любом старом доме.

– Но не так.

– Да тебе-то какая разница? Что за нелепые предрассудки? Вот потому я и не сказал тебе, что не желал слышать подобный вздор!

– Ты мог хотя бы предупредить меня, что эта лестница опасна.

– Не опаснее, чем любая другая крутая лестница. Там нет сломанных ступенек или чего-то вроде. И я сказал Джиму, чтоб не лазил в подвал.

– Джиму, но не мне.

– Но ты же не ребенок! И не старуха, как тетя Люси!

– Не такой уж она была старой. Всего 64.

– Слушай, почему ты вообще лезешь в историю моей семьи? Разнюхиваешь что-то тайком от меня, выискиваешь в интернете... Это не твое дело!

– А почему ты ведешь себя так, словно тебе есть, что скрывать?!

– Я ее с лестницы не сталкивал, если ты об этом, – осклабился Джон. – У меня алиби. Мы с тобой оба в это время были в Фарго, если ты забыла. Это все? Допрос окончен?

– Я совсем не имела в виду, что... Слушай, давай не будем ссориться. Ну я действительно виновата, что увлеклась и не уследила за временем. И я уже извинилась. Сам понимаешь, когда торчишь в этой глуши, где из всех развлечений – одни журналы шестидесятых годов...

– Торчишь по моей вине, ты это хочешь сказать?

– О господи, да ничего такого я не хочу сказать! Дай мне, наконец, пройти на кухню и заняться обедом!

Но Джон еще не закончил.

– И я, между прочим, не разрешал тебе так надолго брать *мою* машину. Мне она может понадобиться!

– Ага, – снова разозлилась Эмма, – значит, как мне два дня без машины сидеть, так это ничего, а как тебе всего несколько часов...

– Твои овощи-фрукты могут подождать, а мне могут позвонить в любую минуту!

– И ты снова помчишься в ту же минуту через пол Америки? С тем же результатом?

Последнего говорить явно не следовало, ибо глаза Джона полыхнули такой злобой, что Эмма даже отшатнулась.

– И я же говорила тебе, давай купим вторую машину, чтобы не было таких проблем, – поспешно сказала она тоном ниже. – В окрестностях минимум три конторы, торгующих поддержанными, и в газетах есть объявления...

– А я тебе уже сказал – незачем тратить деньги, тем более на очередную ржавую рухлядь.

– С тех денег, что мы выручили, распродав все в Фарго, мы вполне можем себе это позволить! И не обязательно рухлядь, кстати!

– Давай ты не будешь говорить мне, как и на что тратить мои деньги!

– Я думала, – смиренно заметила Эмма, – это наши общие деньги.

– Это я их заработал!

– Пока я сидела с нашим сыном. Или мне тоже следует говорить не "нашим", а "моим"?

– Что это ты имеешь в виду? – он инквизиторски прищурился, склоняя голову набок.

– Ничего. Просто копирую твою логику. Хватит уже кричать, Джимми, небось, все

слышит.

– Да ничего он не слышит, – ответил Джон, впрочем, уже спокойнее. – Ему не до нас.

– Опять играет весь день со своей игрушкой?

– Конечно.

– Не спрашивал, где мама и когда она вернется?

– Сомневаюсь, что он вообще заметил твое отсутствие.

– И есть не просил?

– Нет.

– Ладно. Но обедать все равно надо. И уж ты-то наверное проголодался, потому и такой сердитый, – она заставила себя улыбнуться.

– Я не настолько беспомощен, чтобы не суметь сделать себе пару бутербродов!

– Конечно. Ты не беспомощен. Ты крут. А я виновата, и мне надо лучше следить за временем. Ну, что мне еще сказать или сделать, чтобы прекратить, наконец, это нелепое выяснение отношений?

В дешевой мелодраме он, вероятно, должен был бы, наконец, улыбнуться, сказать "я покажу тебе, что!" и потащить ее в спальню. У нее совершенно не было для этого настроения, но она бы не стала противиться – ей действительно хотелось закончить ссору любой ценой. Но Джон лишь молча развернулся и ушел в глубину дома.

Прошло четыре дня. Четыре отвратительных дня, за которые, однако, не случилось ничего особенно плохого – но это раздражало Эмму едва ли не больше, чем конкретная, зримая и осязаемая проблема. Подобно тому, как тусклый и вязкий, бесконечно унылый и бесконечно тянущийся сон, в котором не происходит ничего впечатляющего, а просто нудно бредешь неведомо куда или ведешь какие-то бессмысленные разговоры, бывает куда мучительней классического яркого и насыщенного кошмара, от которого, однако, быстро просыпаешься – пусть с криком, но просыпаешься.

Джон продолжал штудировать разделы о вакансиях в газетах и рассылать резюме. Ему никто не звонил, писем тоже не было. Он проверял телефон по несколько раз в день (тот исправно работал) и все больше мрачнел.

Джим по-прежнему вел себя примерно и величал Эмму "мамочкой" с той же старательностью, с какой солдат прибавляет "сэр" в разговоре со старшим по званию. Ее это бесило, тем более что она прекрасно знала, что мальчишка лгал ей в глаза, говоря о тех рисунках – но формально придрасться было не к чему, и ничего доказать она не могла. Вздумай она завести новый разговор с Джоном, это только ухудшило бы ситуацию. Также Эмма поняла, что определенно не найдет в Джоне союзника в своей неприязни к чертовой игрушке, с которой их сын по-прежнему не расставался. Для ее мужа это был не только его личный подарок сыну (к которому мальчик к тому же так привязался, и это определенно доставляло Джону

удовольствие), но еще и память о его собственном отце. (А интересно, подумала как-то Эмма, ведь Джон никогда не показывал его фотографий. Своего погибшего в Перл Харборе деда – да, а отца – ни разу. Не сохранилось потому, что все семейные фото сгорели во время пожара? А карточка деда уцелела потому, что, вместе с его письмами, хранилась у тети Люси? Но тогда почему у нее не хранилось фото брата?) Так или иначе, вероятно, игрушка была последним, что осталось у Джона от Джереми. Правда, он не вспоминал об этой самой "памяти" больше двадцати лет, и его это ничуть не напрягало – но теперь, раз уж вспомнил... И любые слова Эммы против игрушки – не говоря уже о попытке избавиться от таковой! – теперь лишь настроят Джона против самой Эммы – тем более что никаких рациональных доводов она предъявить так и не могла.

Вдобавок ко всему им досаждали мухи. Казалось, с каждым днем их становится все больше. Нет, конечно же, не десятки, ничего сверхъестественного не происходило – но во всяком помещении, включая ванную, одна или две обнаруживались непременно. Если их удавалось убить, вскоре появлялись новые. Эмма устроила новую большую уборку в комнатах и выносила мусор в бак во дворе сразу же после того, как заканчивала готовить, а Джон натянул новую сетку на нижние, открывающиеся половины всех окон в доме – но проклятые насекомые все равно откуда-то лезли. Эмма, вспоминая усыпанный мушиными крыльями пол чердака, предположила, что они летят оттуда, и Джон нехотя согласился "повыкидывать с чердака старый хлам и пройтись там пылесосом". Однако на чердаке не было электричества, и в доме не нашлось кабеля достаточно длинного, чтобы запитать пылесос от розетки внизу; Джон осмотрел сарай и подвал – кое-какие инструменты, давно заросшие пылью и ржавчиной, хранились и там, и там, как он помнил еще с тех времен, когда жил здесь ребенком – но искомого так и не обнаружил. Тем не менее, раз уж он настроился взяться за дело, он решил выполнить хотя бы первую часть плана и полез на чердак.

Эмма стояла на кухне перед крышкой люка в подвал, которую Джон почему-то оставил открытой. Лампочку там он, однако, погасил, и дневной свет озарял лишь верхние ступени лестницы; дальше она скрывалась во мраке, словно уводила не в обыкновенный подвал деревенского дома, а в бездну. Та самая лестница, убившая тетю Люси... Эмма смотрела в темноту, и ей представлялась не только старушка, скатывающаяся вниз по ступенькам, чтобы два дня (или больше) умирать в темноте внизу (почему в темноте, ведь есть же лампочка – кажется, в подвале их даже несколько? Но выключатель находится под полом, и, чтобы дотянуться до него, надо сперва спуститься на несколько ступенек – успела ли тетя Люси это сделать?) Но Эмме виделась и другая картина – обрюзгший, небритый и неопрятный мужчина из ее сна, тяжело спускающийся по той же лестнице с черным пластиковым мешком на плече. Внизу его уже дожидается лопата...

Нет, конечно же, это полная чушь. Даже если Джереми действительно убил свою жену – и действительно закопал или замуровал ее в собственном подвале, как это всегда делают в фильмах ужасов – это произошло не здесь. Не в доме Муртонов, а в давно сгоревшем доме Хорреллов... И даже если предположить совсем невероятное – сестра, покрывающая убийцу брата и помогающая ему спрятать труп в ее доме – в этом просто не было необходимости. У Джереми не было никакой нужды гнать сюда из другого округа – или даже из другого штата? – с трупом в багажнике. Ненастной ночью он мог закопать тело где угодно, не опасаясь свидетелей. Если он боялся, что на его земле полиция будет искать, достаточно было отъехать от дома на милю-другую и свернуть с дороги.

И все же Эмма почувствовала иррациональное, почти непреодолимое желание спуститься в подвал и тщательно осмотреть стены и пол. Желание, которое только усиливалось страхом. Она даже сделала шаг вперед...

Чпок-чпок-чпок-чпок.

Эмма замерла и опустила взгляд. Игрушка стояла на полу прямо перед ней, между ее

правой ногой и открытым люком. Словно пыталась не пустить ее в подвал.

Или нет. Вовсе даже не не пустить. Если бы Эмма не услышала эти тихие шажки – на сей раз, кстати, игрушка подобралась практически бесшумно, хотя обычно издавала тот или иной звук при движении – и сделала еще шаг, не глядя под ноги...

Не это ли случилось с тетей Люси?

Эмма в ярости отвела ногу назад. Нет, чертова тварь, ничего не выйдет, сейчас я сама отфутболю тебя в подвал! Получай!

Она успела забыть, насколько эта штука тяжелая. Это было все равно, что пнуть кирпич. Даже мягкий тапок не защитил пальцы ее ноги, которые, казалось, расплющились от удара. Сейчас будет больно, обреченно подумала Эмма, поджимая ногу, и действительно, боль накатила через пару секунд, заставив ее скривиться, зашипеть сквозь зубы и несколько раз подпрыгнуть на левой ноге.

Игрушка была тут. Она не улетела ни в какой подвал. Удар повалил ее на пол перед открытым люком, но присоски удержали на месте. Как только Эмма перестала прыгать, игрушка издала укоризненный звук типа "зззз!" и вновь приняла вертикальное положение. Те же там же, как пишут в ремарках пьес.

Эмма, конечно, все еще могла просто схватить ее руками и бросить вниз. Но она уже сильно сомневалась, что в этом есть смысл. Это старая женщина – равно как и не очень старая – переломает кости при таком падении. А этой дряни ничего не сделается ни на ступеньках, ни на земляном полу.

– Мамочка?

Эмма в бешенстве обернулась. На пороге кухни стоял Джимми и смотрел на нее округлившимися от испуга глазами. Он явно не ожидал увидеть то выражение ее лица, которое увидел. Тем не менее, он все-таки произнес почти заискивающим тоном:

– Ты не видела мою...

– Это? – перебила Эмма, делая шаг в сторону и обвиняюще тыкая пальцем в стоявшую позади нее игрушку. – Ты это ищешь?!

Джимми отважился только кивнуть, все еще не зная, как реагировать на ее гнев.

– Сколько раз я говорила тебе, чтобы ты не выпускал ее из детской?!

– Но, мамочка, я не выпускал! Я только на минутку отошел в туалет, а вернулся, ее уже не было...

– Эта тварь чуть меня...

Зазвонил телефон, заставив Эмму вздрогнуть, словно от выстрела. Джон по-прежнему возился на чердаке (она слышала шаги и скребущие звуки сверху), и Эмма, едва не оттолкнув сына с дороги, побежала в коридор. Если она пропустит звонок "от потенциального работодателя", Джон будет в ярости.

– Алло?

– Миссис Хоррелл? Это Линк.

– Я же просила не звонить сюда! – она невольно понизила голос.

– Если бы трубку взял ваш муж, я бы сделал вид, что ошибся номером, – невозмутимо и даже с ноткой самодовольства ответил Линк. Эта нотка Эмме не понравилась.

– А если бы он сейчас слушал по параллельному аппарату?

Другой розетки и другого телефона в доме не было – Джон упорно не хотел их ставить, вероятно, не столько даже из экономии, сколько из-за своей мантры "все равно мы скоро вернемся отсюда в город". Кажется, он подсознательно верил, что чем больше усилий вкладывает в обустройство дома тети Люси, тем больше у него шансов завязнуть здесь навсегда. Но библиотекарь не мог этого знать. Теоретически, кстати, ее мог подслушать и Джим, а потом наябедничать отцу (прежде Эмма никогда бы не заподозрила сына в подобном, хотя прежде ей и было нечего скрывать), но она видела, что он уже вернулся в детскую, прижимая к себе свою

игрушку.

– Тогда бы вы этого не сказали, – по-прежнему не смутился Линк. – Впрочем, извините, что побеспокоил вас. Я ждал вашего звонка, но прошло уже четыре дня...

– Так ведь это не срочно! Я не думала, что вы так быстро... Так вы что-то нашли?

– Да. Нашел. Кое-что, что может быть важно.

– Что именно? – Эмма вновь почувствовала раздражение: почему бы ему не сказать прямо, без "кое-что"?

– Вы можете подъехать в библиотеку?

– Просто скажите мне... – но тут она заметила ноги Джона, спускающиеся по лестнице с чердака, и поспешно произнесла: – Хорошо, я заеду завтра, спасибо! – и положила трубку.

Джон тяжело спускался, волоча черный пластиковый мешок для мусора, набитый чем-то угловатым. Эмме стало неприятно при мысли о том, насколько эта картина походила на видение, только что представившееся ей перед люком в подвал. Впрочем, содержимое мешка Джона никак не походило на человеческое тело.

– Кто звонил? – спросил он.

– Это из библиотеки, – ответила Эмма ("хочешь врать – ври как можно ближе к правде").

– Я просила их известить, когда освободится одна книга. Заеду за ней завтра, – Эмма постаралась сообщить это как можно более равнодушным тоном, хотя тут же испугалась, что Джон снова начнет про "извращенцев из интернета" и "кому из них ты дала свой телефон?" Но он, волоча по коридору мешок, лишь пробурчал: "Только не торчи там опять целый день".

Ушибленные пальцы все еще ныли. Эмма вытащила ногу из тапка, посмотрела. Пальцы опухали на глазах, особенно большой, и под основанием его ногтя разлился черный кровоподтек. Ноготь, наверное, сойдет, и новый потом будет расти больше полугода... И хорошо еще, если нет перелома. Но к врачу она не пойдет. После того, как ее муж потерял работу, их общая страховка больше не действует...

Вернулся с улицы Джон.

– А вообще, только зря бензин переводишь, – заявил он ей с порога. – Зачем тебе библиотека, ты и так полную спальню журналов натащила.

– Так это же старье!

– Ну и что? Шекспир тоже старье, – он прошел мимо нее, не обращая внимания на ее пострадавшую ногу, которую она все еще держала на весу.

"И много ты читаешь Шекспира?" – хотелось съязвить Эмме, но вместо этого она крикнула ему вслед:

– Джон!

– Ну что еще? – он обернулся к ней. – Я еще не закончил там, наверху. Там слишком много хлама. Некоторый я вообще не понимаю, как туда затащили.

– Выслушай меня и не перебивай, хорошо? Не говори, что это чушь и мне опять померещилось.

– Многообещающее вступление, – усмехнулся Джон. – Наводящее на мысль, что это таки чушь и тебе опять померещилось. Ну ладно, ладно, в чем дело? Опять что-то про Джима и его игрушку?

– Да, про игрушку! Эта... – Эмма снова хотела назвать ее "тварью", словно речь шла о живом существе, но все-таки заставила себя изменить формулировку: – вещь попыталась меня убить. И, возможно, убила твою тетю Люси.

Джон закатил глаза, явно готовясь сообщить, что большей ахинеи он не слышал за всю свою жизнь.

– Дослушай, я сказала! – произнесла Эмма столь властно, что Джон поневоле подчинился. – Ты оставил люк в подвал открытым. Я хотела его закрыть, шагнула к нему... – это было не совсем так, но звучало определенно разумнее, – а эта штука оказалась у меня прямо под

ногой! Она специально выбрала момент, когда Джим ходил в туалет, чтобы прокрасться из детской на кухню... да, именно прокрасться! Она подобралась бесшумно, без этих обычных своих звуков! Я споткнулась... и только чудом удержалась на ногах, а не рухнула вниз, как твоя тетя! Вот, видишь? – она снова подняла ногу и пошевелила опухшими пальцами.

– Под ноги надо смотреть, – буркнул Джон. Похоже, тот факт, что его жена только что могла переломать себе кости, а то и убиться насмерть, не особенно его впечатлил. – Можно разбиться, даже наступив на собственный шнурок. Но это не значит, что он хочет тебя убить!

– Почему игрушка оказалась именно в этом месте именно в это время?!

– Потому же, почему и в любом другом. Сама говоришь – Джим пошел в туалет и оставил дверь открытой. А вот с тетей Люси такое произойти точно не могло. Игрушка тогда лежала в ящике на чердаке! И там же я ее и нашел! Даже если она, по-твоему, может включаться сама – спуститься вниз она никак не могла, и подняться обратно тоже! Как она управилась с лестницей, по-твоему?

Эмма запнулась. Опустить чердачную лестницу, встав на ее конец сверху, вероятно, можно. Это то же самое, что потянуть за веревку снизу. Но вот чтобы ее поднять, ее надо толкнуть снизу, больше никак.

– А между прочим, почему ты сам не закрыл люк в подвал? – перешла она в наступление, так и не найдя, что ответить.

– Ну скажи еще, что я в сговоре с игрушкой задумал тебя убить! – скривился Джон. – Эмма, ты вообще себя слышишь? Я понимаю, у тебя стресс из-за того, что нам пришлось сюда переехать, мне, как ты знаешь, это нравится ничуть не больше. Но если ты будешь предаваться подобным фантазиям, ты реально закончишь в психушке!

Эмма, уже набравшая было воздух для решительного заявления, что не собирается и дальше оставаться в одном доме с этой проклятой штукой, вдруг осеклась. Ей пришло в голову, как это все выглядит со стороны. Ведь это действительно отдает натуральным психозом. Она видела рисунки, которых нет, она видела мертвое животное, которого нет, она обвиняет игрушку – пусть странную, да, но все же не более чем умеющую ходить машинку – в разумной и злой воле, в убийстве и покушении на убийство... А что, если Джон прав? Если у нее – ну, не то что совсем поехала крыша, но, действительно, она начала воображать себе черт знает что и сама в это верить... Тем более что она знала, как это бывает. Она жутко психовала во время беременности – чем ближе подходил срок, тем сильнее – а потом, когда, вопреки всем страхам, у нее родился нормальный здоровый мальчик, впала в другую крайность, в такую апатию, что с трудом могла заставить себя поднести ложку ко рту... Ей пришлось тогда консультироваться с врачом, и он сказал, что нет ничего страшного, подобное бывает у многих впервые рожаящих женщин, и действительно, она довольно быстро вернулась в норму, но что было, то было. И Джон еще достаточно деликатен, что не стал напоминать ей об этом... во всяком случае, напрямую.

Ведь, на самом деле, ничего страшного не случилось. Игрушка не причинила никакого вреда ни ей, ни кому другому; про тетю Люси – это не более чем фантазия. Да, она оказалась у Эммы на пути, и да, Эмма ушибла об нее ногу – но разве кто-то заставлял ее пинаться? Джон прав, надо смотреть под ноги, как во всяком доме, где есть собака или кошка... или маленький ребенок, способный разбрасывать где ни попадя даже самые обыкновенные, не умеющие ходить вещи. Да она, собственно, и смотрела, и видела игрушку, и слышала – она ведь солгала Джону, что та подобралась *совсем* беззвучно.

Джон, не дождавшись ответа, вновь отправился на чердак, а Эмма все размышляла. Мысль о кошке, пришедшей потереться о хозяйскую ногу (а совсем не для того, чтобы скинуть хозяйку с лестницы), вызвала у Эммы еще одну ассоциацию, с другой игрушкой. С куклой Мэри, которую Эмма также, сама не зная почему, невзлюбила с первого взгляда и над которой постоянно издевалась в детстве, из-за чего до сих пор испытывала чувство вины. Психолог,

наверное, сказал бы, что Мэри была нужна ей как проекция, что маленькая Эмма вымещала на ней то зло, которое не могла выместить на своих властных родителях – но эти разумные соображения, как и тот, конечно же, прекрасно осознаваемый факт, что Мэри была всего-навсего мертвым куском пластика, не способным чувствовать ни физическую, ни душевную боль, все равно не избавляли Эмму от неловкости при воспоминании об этом. И вот теперь... история повторяется? Она снова нашла безответное существо... да нет, конечно, не существо, а вещь, предмет, лишь внешне напоминающий что-то живое – на котором можно вымещать свой дискомфорт? Возможно, подсознательно она злится на Джона из-за того, что он потерял работу (хотя это была и не его вина, но подсознание не умеет вникать в такие тонкости), да еще и ревнует к нему сына – а потому ее так и раздражает подарок первого второму?

А игрушка... игрушка, на самом деле, ведет себя так, словно не понимает, за что попала в немилость, и тщетно пытается исправить такое к себе отношение. Этот ночной визит в спальню был попыткой наладить контакт – а вместо этого ее заперли в чемодан и стали с тех пор запираить на ночь в сумку. Тогда игрушка явилась на кухню, желая, может быть, и впрямь потереться о ногу или даже на свой манер предупредить хозяйку об опасности открытого люка – а в результате получила жестокий и несправедливый пинок!

Да что за чушь, рассердилась на себя Эмма. Это же просто *игрушка*! Она не может желать, думать и чувствовать!

Ну да. Как и Мэри. Но ведь ты хотела бы извиниться перед Мэри? Почему бы, в таком случае, не попробовать быть добрее к этой штуке? Пусть это всего лишь какие-то там твои собственные комплексы, плевать. Но если ты будешь чувствовать себя лучше оттого, что не совершаешь несправедливость – да еще и исчерпаешь повод для конфликта с сыном и мужем – кому от этого будет плохо?

Эмма направилась к детской. Поначалу она хотела сделать это, когда Джимми не будет в комнате, но затем решила, что у него на глазах это будет даже лучше. Пусть он знает, что проблема улажена. И... демонстративное примирение, как бы адресованное ребенку, будет выглядеть не так глупо, как если бы она стала извиняться перед неодушевленным предметом в одиночестве.

Мальчик сидел на полу, глядя, разумеется, на свою игрушку. Которая двигалась... но не так, как привыкла видеть Эмма. Не шагала одной из своих походок. Вместо этого игрушка ползла по полу, отталкиваясь полусогнутыми ногами и издавая скребущие звуки. У Эммы мелькнула мысль, что удар все-таки повредил механизм. Джим, правда, не выглядел обеспокоенным, но, может быть, он сам еще не понял, что его любимая игрушка сломалась? Вид у ползущей

(словно со сломанным позвоночником)

штуковины был такой беспомощный, что Эмма, и без того уже сочувствовавшая "несправедливо обиженной" игрушке, теперь ощутила к ней острую жалость – и чувство вины. Теперь ей уже отчаянно хотелось, чтобы поломка оказалась исправимой – хотя, конечно, она понятия не имела, как можно починить машинку, корпус которой представляет собой неразъемный монолит.

– Джимми, можно на минуточку твою игрушку? – она сказала это как можно более приветливым тоном. Мальчик обернулся и посмотрел на мать. Она еще помнила, как он вырывал игрушку из ее рук с гневным криком: "Отдай!" Но сейчас он лишь смиренно произнес:

– Конечно, мамочка.

Эмма нагнулась и подняла разноцветную штуковину с пола. Гибкие ноги тут же бессильно обвисли, но из корпуса доносилось тихое урчание. Эмма погладила разноцветные бугры, вновь отметив, насколько приятна игрушка на ощупь; ее хотелось гладить еще и еще. Но тут же ей пришла в голову и другая – нелепая, конечно же – мысль: а что, если эти бугры – шишки от ударов? Эмма даже пересчитала их, проверяя, не появился ли новый. Но нет, их по-

прежнему было десять. И ее удар явно не оставил никаких вмятин и прочих следов.

– Я была неправа по отношению к тебе, – сказала Эмма, продолжая поглаживать теплый корпус. – Прости, я сожалею. Я надеюсь, что ты в порядке. Давай отныне будем друзьями.

Игрушка, разумеется, никак не отреагировала, лишь продолжала урчать, и кнопки-глаза светились ровным зеленым светом. Эмма еще немного подержала ее в руках, а затем осторожно опустила на пол. К облегчению Эммы, игрушка тут же поднялась на ноги и принялась маршировать по кругу. Похоже, она была полностью исправна.

– Ма-ам, мне снова можно с ней спать? – тут же сориентировался Джимми.

Эмма с облегчением отметила это обычное "мам" вместо фальшиво-приторного "мамочка", успевшего так достать ее за последние дни. Значит, она все сделала правильно. Дело вовсе не в игрушке – дело в ней самой...

– Можно, – решила она. – Только все-таки следи за ней, не оставляй дверь открытой и не позволяй уходить из детской. А то сегодня она чуть не свалилась в подвал, – Эмма всячески подчеркивала голосом, что заботится именно о безопасности игрушки, а не кого-то еще.

Она чувствовала большое облегчение. Ей даже казалось, что вот теперь темная полоса в их жизни, наконец, закончится, и все снова будет хорошо. Может быть, уже завтра Джон пригласят, наконец, на собеседование, и на сей раз оно будет успешным... Само собой, никакой связи с игрушкой тут быть не могло, но Эмме казалось, что разрешение одной проблемы станет счастливым предзнаменованием для решения других.

Вот только что такое накопал Линк? Нечто, что он не хотел сообщать ей по телефону, даже будучи уверенным, что их не подслушивают... Вряд ли это было что-то хорошее, поняла Эмма, снова чувствуя неприятный холодок в животе. Может быть, конечно, парень просто напускает на себя таинственность ради того, чтобы снова увидеться с ней – Эмма была не настолько наивна, чтобы верить, будто он столь же охотно вызвался бы покопаться в архивах ради какой-нибудь старухи. Но если этот мотив и был, интуиция подсказывала Эмме, что он не был единственным. У нее возникла малодушная мысль никуда завтра не ехать и не отвечать на новые звонки. Незачем ворошить прошлое, никогда, если верить книгам и фильмам, ничего хорошего из этого не выходило...

Но она, разумеется, поехала.

– Я не нашел ничего ни за семьдесят четвертый, ни за семьдесят пятый год, – рассказывал Линк. Они сидели в полумраке подвала перед светящимся экраном проектора, и Эмме, по правде говоря, не слишком нравилось, что они здесь одни. Позади высились лишь стеллажи архива, куда не спускались обычные посетители библиотеки. – Но 29 мая семьдесят шестого, как раз к Мемориальному дню, вышел номер, целиком посвященный погибшим солдатам, некогда жившим в наших краях. И там была упомянута ваша Люси Мортон. Вот эта статья, – Линк указал на экран, демонстрировавший фотокопию. – Написана в таком критическом стиле, тогда патриотизм был не особо популярен – вы понимаете, год после окончательного падения Вьетнама, и хотя наши войска в основном ушли оттуда еще на два года раньше, тема и соответствующее отношение к ней были еще свежими. "Нация угробила 58 тысяч человек – ради чего?!" Автор не стоял на крайне левых позициях – "Курьер" вообще никогда не отличался радикализмом ни в какую сторону – но в целом тон его статьи такой: к солдатам не может быть никаких претензий, они честно исполнили свой долг, а вот политики, отправляющие их на убой под пафосными лозунгами, и бездарные генералы, подставляющие их под удар... причем это касается не только Вьетнама, а и всех войн вообще. По Второй мировой он, соответственно, тоже проехался – мол, всякому, кто просто посмотрит на карту, очевидно, что база в Перл Харбор была ключом ко всему Тихому океану, и если ожидать удара от японцев, то именно сюда. И если к отражению этого удара не подготовились, то это свидетельствует либо о полной некомпетентности тогдашнего американского командования (во главе с президентом,

само собой), либо, что еще вероятнее и еще хуже – об устроенной ими сознательной провокации, когда тысячи американских моряков были хладнокровно принесены в жертву с целью изменить общественное мнение в пользу непопулярной до того идеи вступления Америки в войну. Такая версия действительно есть...

– Все это интересно, но что там насчет Люси Мортон? – перебила Эмма.

– Вот, – Линк ткнул пальцем в экран. – "Судьба – и большая политика – оказались особенно жестоки к миссис Мортон. В детстве она потеряла отца: старшина-электрик первого класса Харви Хоррелл погиб в Перл Харборе в первые минуты войны. 27 августа 1965 во Вьетнаме погиб ее муж, сержант первого класса Джерри Мортон – не в бою, а в авиакатастрофе. И, наконец, 29 апреля 1975, накануне падения Сайгона, жертвой дружественного огня стал ее младший брат Джереми Хоррелл. Три смерти в одной семье – и все три, по сути, нелепые и напрасные. Мужественная женщина не сломалась, сейчас она в одиночку воспитывает племянника, сына Джереми (недавно мальчик пошел в пятый класс публичной школы Эдгели), но..."

– Но это же неправда! – воскликнула Эмма. – Джереми Хоррелл погиб вовсе не во Вьетнаме! Это был пожар... – тут же она, впрочем, подумала, что знает об этом только со слов Джона, хотя уж в этом-то зачем ему ее обманывать?

– Да, – кивнул Линк, не успела она додумать эту мысль. – Журналист, как видно, не встречался с ней лично, или же разговор вышел коротким и недружелюбным, и поэтому он все перепутал. Джереми он – или, может быть, какой-то старый глуховатый сосед Мортон, которого он расспрашивал – спутал с воевавшим во Вьетнаме Джерри, а разговор об обстоятельствах его гибели проходил, очевидно, примерно так: "А отчего погиб Джереми? – От огня. – Вражеского? – Нет." Из чего он сделал вывод, что огонь был дружественный. Вы ведь знаете, что это такое?

– Да. Когда свои случайно накрывают своих.

– Именно. В своем обличительном пафосе автор был убежден, что речь о Вьетнаме – в этот предпоследний день войны там, кстати, действительно погибло четверо наших – и ему не пришлось в голову, что имеется в виду обыкновенный пожар. Уже через два номера газета опубликовала опровержение этой части статьи с соответствующими извинениями. Но вы не замечаете больше ничего странного в этом абзаце?

Эмма перечитала строчки на экране.

– Ну, у двух погибших указаны их звания, а у Джереми нет, но это естественно, он ведь не был военным...

– Да, но я не об этом. Я нашел данные о пожаре, обзвонив соседние библиотеки. Он действительно произошел не у нас, а в соседнем округе, недалеко от Тэппена, но, зная точную дату, найти было не так трудно. Хотя на фоне падения Сайгона новость прошла незамеченной, одна газета все же уделила ей несколько строчек. Там сказано, что выживший ребенок "физически не пострадал", но ему "оказывают медицинскую помощь".

– Ну естественно. Такой стресс.

– Да, но. Еще там указан возраст мальчика – 11 лет. Джон Хоррелл – это ведь ваш муж, я правильно понимаю? И эти цифры верны?

– Да, – Эмма не видела смысла это скрывать.

– А тринадцать месяцев спустя, в мае 1976, наш "Курьер" сообщает, что мальчик "недавно пошел" в нашу школу. То есть ближе к концу учебного года. Причем в пятый класс, хотя по возрасту ему уже положено было быть в шестом. Спрашивается – где он провел целый год?

– Возможно, тетя Люси не сразу взяла его к себе. Я вам говорила, мать Джона пропала еще до пожара, ее пытались разыскать...

– Да, но даже если бы он провел целый год в фостерной семье, он все равно должен был

бы учиться. Так что ответ напрашивается только один. Больница, а поскольку физически он не пострадал, то это была психиатрическая клиника. Вот почему я позвонил вам. Кратковременная госпитализация ребенка после пожара, в котором сгорел его отец вместе с домом, была бы делом вполне естественным. Но год в психушке – это уже довольно серьезно, вы не находите? И он ничего вам об этом не говорил, – закончил Линк тоном констатации, а не вопроса.

– Да, – пробормотала Эмма, – с его слов я поняла, что он оказался у тети уже через несколько дней после пожара. Но, в общем, понятно, что признаваться в таком никому неохота... – "особенно когда сам обвиняешь жену в том, что у нее едет крыша", мстительно добавила Эмма про себя. – Но в любом случае, его ведь оттуда выписали. Значит, он здоров.

– Или просто дальнейшее лечение не покрывалось страховкой.

– Его бы не выпустили, если бы это было... опасно.

– Психиатрия – тонкая штука, – пожал плечами Линк. – Там никогда нельзя говорить с уверенностью. И очень редко бывает, что болезнь исчезает, не оставив следов. Особенно когда речь о тяжелой травме, перенесенной в детстве. Я ни на что не намекаю, но...

– Вы именно намекаете, – жестко перебила Эмма. – Да что там – вы говорите прямым текстом.

– Ну... да, – признался Линк. – Но вы ведь обратились ко мне не просто так. Не просто так захотели узнать подробности о детстве вашего мужа из других источников, а не от него самого. Значит, у вас уже были основания что-то подозревать. Вот я и подумал, что вы должны знать.

– А вы точно это знаете? Вам удалось найти какие-то подтверждения насчет клиники?

– В открытом доступе такой информации нет, – пожал плечами Линк. – Врачебная тайна, вы же понимаете. Но, как говорил Шерлок Холмс, отбросьте все невозможное – и то, что осталось, и есть истина, даже если она кажется вам невероятной.

– А насчет матери Джона вам что-то удалось найти?

– Только ее имя – Эмили и пару мелких плохоньких фотографий. После пожара ее действительно пытались разыскать, в том числе и через объявления в нескольких газетах – но, очевидно, безуспешно.

Эмма неожиданно почувствовала, что сходство имени пропавшей
(убитой мужем, и ты это знаешь)

жены Джереми с ее собственным ей неприятно. Хотя, конечно, уж это-то точно не могло быть ничем, кроме случайного, ничего не значащего совпадения.

В отличие от некоторых других параллелей с той давней историей. И, кстати, склонность к психическим расстройствам передается по наследству. Был ли пожар единственной причиной, отправившей Джона на год в клинику, или он стал лишь триггером, выпустившим то, что и прежде дремало в его генах, дожидаясь своего часа? То, что перед этим заставило его отца разmozжить голову своей жены о дверной косяк? Хотя это, конечно, был всего лишь сон...

– Еще кое-что, – продолжал Линк. – Не думаю, правда, что это имеет какое-то значение, но раз уж я наткнулся на эту деталь... Люси, по всей видимости, не была родной сестрой Джереми.

– Что значит "по всей видимости"?

– Я нашел в военном архиве год рождения Харви. Электрика, погибшего на "Аризоне". 1910. А Люси – 1925 года рождения. Он должен был бы зачать ее в 14 лет – что теоретически, конечно, возможно, но вряд ли в этом случае она бы была воспитана, как его дочь. Видимо, Харви женился на женщине старше себя, у которой уже была дочь от первого брака.

– Пожалуй. Или они удочерили сироту, возможно, еще до рождения Джереми. Или после, если, скажем, доктор сказал жене Харви, что она больше не сможет иметь своих детей... Она, кстати, умерла от рака. Возможно, предпосылки к этому были и раньше.

– Тоже возможно, – кивнул Линк. – Так или иначе, если здесь есть... что-то родовое, не стоит судить о Хорреллах по Люси. Ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

Родовое, подумала Эмма. Интересный выбор слова. О болезнях говорят "наследственное". А родовым бывает, к примеру, зАмок. Или проклятье...

– А вы можете узнать... что-нибудь еще более раннее о Хорреллах? – решила Эмма. – О предыдущих поколениях?

– А что именно вас интересует? До рутинных сведений спустя столько лет, боюсь, добраться будет непросто. Но если что-то экстраординарное, попавшее в газеты... хотя тоже, конечно, не зная точного года...

– Экстраординарное, да, – кивнула Эмма. – Убийства. Жестокие убийства членов семьи. Или, возможно, их же бесследные исчезновения. В двадцатые-тридцатые годы. И, вероятно, поколением раньше. Точнее я действительно не знаю. То есть, я даже этого точно не знаю, – спохватилась Эмма, видя, какими глазами смотрит на нее Линк. – Скажем, до меня дошел некий слух... который может быть вымыслом от начала до конца. Но все-таки мне хотелось бы это проверить.

– Понимаю, – медленно произнес Линк. – Какие-то еще детали об этих убийствах?

– Я... – Эмме вдруг представилось, как парень расспрашивает... кого-то, не убивал ли некий Хоррелл беременную жену, отрубив ей конечности, чтобы затем приготовить из нее барбекю для себя с сыном. Кстати, если дело происходило, скажем, в 1920, то этим сыном, вероятнее всего, был Харви... И как этот архивариус или кто он там после работы делится жуткой историей с приятелем, а тот еще с кем-то, и потом этот давно забытый ужас попадает в интернет. А оттуда – на глаза какому-нибудь настырному журналисту, желающему взять интервью у потомка "того самого маньяка-каннибала", потенциальному работодателю Джона, будущим одноклассникам Джимми... – Я еще раз подчеркиваю, скорее всего, это просто байка. Я просто хочу убедиться, что это чушь. Если вы ничего не найдете, ну и прекрасно.

– Если ваша цель – не найти, тогда и искать не надо, – усмехнулся Линк. – Но сдаётся мне, что ваша цель все-таки узнать правду, какой бы она ни была. А любые детали могут помочь ее поиску. Я не собираюсь болтать лишнее, если вы об этом.

– Ну хорошо, – решила Эмма и кратко пересказала то, что видела на рисунках.

– Да уж, – вздохнул Линк. – Надеюсь, это и правда вымысел. Хотя у того, кто такое придумал, должна быть большая фантазия.

Эмма не возразила, хотя ей не понравилось, что он охарактеризовал таким образом ее девятилетнего сына. Впрочем, Джимми, конечно, не мог придумать это сам. Кто-то рассказал ему... и что, если этим кем-то был сам Джон? Попросив, разумеется, ничего не говорить маме. "Это будет наш мужской секрет." Джимми искренне не понял ее подозрений, когда она спросила, не делал ли отец с ним что-то – но рассказывать страшные истории не значит "делать". Бог весть, конечно же, зачем Джону это могло понадобиться... но в этом случае исчезновение рисунков и то, как Джон сразу и однозначно встал на сторону сына, укладывается в некую логику. Хотя это и логика безумия.

"Вдруг ты решишь, что убивать собственных жен – это в нашем роду наследственное", вспомнилось ей. И – "почему ты вообще лезешь в историю моей семьи?"

Эмма почувствовала, как душевный комфорт, вновь обретенный ею после "примирения" с игрушкой, разлетается вдребезги.

– Я позвоню вам, если что-то найду, – сказал Линк вновь без всякой вопросительной интонации. На этот раз Эмма не стала возражать.

– Мне нужно взять какую-нибудь книжку, – вспомнила она. – Чтобы показать, зачем я ездила сюда.

Ну вот, теперь она не только признается Линку, что собирается врать своему мужу, но и делает его своим соучастником. Парня, о существовании которого она не имела понятия еще несколько дней назад.

– Конечно, – кивнул Линк. – Желаете что-то конкретное?

– То есть я не в том смысле, что книжка нужна мне просто для вида, – заторопилась Эмма. – Я и в самом деле хочу что-нибудь почитать. Что-нибудь увлекательное... с тайнами... но совсем далекое от нашей действительности. Исторический роман, может быть?

– Почему бы нет. Вы читали Вальтера Скотта?

– Читала "Айвенхо"... в юности, – ответила Эмма и тут же разозлилась на себя за такую формулировку. Можно подумать, она старуха! Ей, между прочим, еще нет тридцати!

– Могу предложить менее известную его вещь – хотя в свое время она была весьма популярной и даже испортила репутацию опалов. Они стали считаться камнями, приносящими несчастье. "Анна Гайерштайнская, или дева тумана", – Линк назвал фамилию грамотно, в соответствии с германскими правилами произношения. – XV век, в Англии Война Роз, во Франции борьба Людовика XI с Карлом Бургундским, и на фоне всех этих событий разворачивается романтическая история с налетом мистики, правда, получающей рациональное объяснение.

– Звучит обнадеживающе. Особенно рациональное объяснение. Так вы разбираетесь не только в компьютерах?

– Я многогранная личность, – улыбнулся Линк.

– Как опал? – усмехнулась Эмма. – Хотя опалы, кажется, не гранят, это же не алмазы... Забудьте, это была неудачная шутка.

– То, что я рассказал, вас расстроило?

– Нет... Немного. Но в любом случае, я сама просила.

("Ты сама напросилась", – неизменно говорила ей в детстве мать, наказывая ее.)

Но что бы изменилось к лучшему, если бы она этого не сделала?

На этот раз в город уехал Джон. Сказал, что хочет купить длинный кабель и вообще инструменты. Похоже, после визита на чердак и осмотра состояния крыши им вновь овладела идея заняться ремонтом дома своими силами, пока не начались осенние дожди. На этот раз Эмма не решилась возражать. Поиски работы оставались безуспешными, и Джону, мрачневшему все больше, надо было занять себя хоть чем-то – хотя бы чтобы просто отвлечься. К тому же... с некоторых пор она опасалась противоречить ему без крайней необходимости. Нет, не то чтобы она стала его бояться, но... осознав, что заснеженная тропинка у вас под ногами на самом деле проходит не по земле, а по льду глубокого озера, вы поневоле начинаете ступать осторожнее, чем на твердой суше. Даже если лед выглядит вполне прочным.

Хотя действительно ли он выглядит вполне прочным?

В фильме все было бы просто, думала Эмма. Линк полминуты пощелкал бы клавишами и выдал бы ей адрес клиники и имя доктора, лечившего Джона. И она бы поехала туда; ей бы сказали, что доктор недавно вышел на пенсию, но с легкостью дали бы и его адрес. Доктор, благообразный седой старичок, едва услышав, что она – жена Джона Хоррелла (и поверив ей даже без всяких документов), сообщил бы, что прекрасно помнит этот случай более чем двадцатилетней давности, и пригласил бы ее в дом на чашечку чая. "Да, миссис Хоррелл – могу я называть вас "Эмма"? – это был один из самых сложных, но и самых интересных моих пациентов. Вот, взгляните-ка, я храню это до сих пор..." – и он достал бы из какого-нибудь ящика детские рисунки. Которые оказались бы почти точной копией того, что она видела в альбоме Джимми. "Выглядит шокирующе, не правда ли? – продолжал бы умиротворяюще журчать голос доктора, донельзя гордого своей профессиональной компетентностью. – Но на самом деле подобные жестокие фантазии у мальчика, тяжело пережившего разрыв родителей, вполне понятны. Он считал, что мать бросила их с отцом, и возлагал всю вину на нее. Когда же на это наложилась смерть отца на пожаре, в каковой он также подсознательно обвинил мать..." "И что же, доктор – Джон затаил подсознательную ненависть ко всем женщинам?" "Нет, конечно же, нет. Мне удалось полностью избавить его от последствий травматического шока. Это

потребовало времени, но Джон вышел из нашей клиники совершенно здоровым мальчиком. А что, – вдруг обеспокоился бы доктор, осознав, что она приехала к нему не просто так, – у вас появились причины для волнения? Какие-то проявления домашнего насилия?" "Нет, но... я обнаружила у своего сына точно такие же рисунки. Очевидно, их сюжет Джиму подсказал отец. В тайне от меня, разумеется." "Хмм.. – вот тут бы доктор нахмурил седые брови. – А вот это действительно достаточно тревожный симптом." "Так что же мне делать, доктор?"

На этом месте фантазия Эммы иссякла. Она не психиатр, чтобы дать ответ на этот вопрос. И главное – всю историю про "точно такие же картинки" она только что придумала. Она не знает, какие симптомы на самом деле демонстрировал Джон в клинике, и не имеет возможности это узнать.

Чертов Линк, вот же подкинул тему для размышлений... для бесплодных размышлений, вот что самое скверное. Правда, вместе с информацией о пожаре он нашел адрес сгоревшего дома Хорреллов. Это в соседнем округе. И можно, наверное, попытаться найти пожарных, работавших в ту ночь. Хранит ли пожарный департамент сведения о вызовах более чем двадцатилетней давности? Впрочем, учитывая, что тот округ столь же малонаселенный, как и этот – как и практически весь этот чертов штат, да – список пожарных, которые в принципе могли работать в то время и в том месте, наверняка невелик. Допустим, они даже вспомнят тот случай – опять же, в малонаселенной местности пожары с жертвами случаются не каждый день. Допустим, они назовут госпиталь, куда отвезли ребенка – конечно, не психиатрическую клинику, а больницу общего назначения, куда парамедики в таких случаях доставляли пострадавших по умолчанию, чтобы там уже врачи определились, что делать с ними дальше. А там она уже упрется в ту самую врачебную тайну. Ну и что, что жена? Женой она стала значительно позже...

А Линк, конечно, не хакер, в отличие, опять-таки, от фильмов. Он не станет взламывать для нее больничный компьютер. Если сведения о пациентах 1975 года вообще есть в компьютере, а не в одних только пыльных архивных папках... а то и эти папки уже могли быть уничтожены.

Но что, если вместо этого Линк найдет информацию об убийствах? О том, что это никакая не фантазия Джима или Джона? Что Харви Хоррелл – действительно сын убийцы с топором, а тот, в свою очередь – сын убийцы с вилами и косой? Сам Харви, правда, никого не убил, потому что просто не успел – его убили раньше. Зато его сын Джереми...

Я сама сойду с ума от этих размышлений, подумала Эмма. Надо заняться чем-то практическим и полезным. Стиркой, например. Скопилось уже достаточно грязного белья. Она, правда, планировала стирку на завтра, но почему бы и не сейчас.

Возиться с бельем Эмма, вообще говоря, не любила. Во времена фаргианского благополучия она отвозила его в китайскую прачечную полного сервиса в соседнем квартале, несмотря на то, что в подвале их многоквартирного дома имелась собственная прачечная самообслуживания – пять стиральных машин для нужд жильцов. Но теперь, конечно, ей приходилось стирать самой. К счастью, древняя стиральная машина тети Люси все еще работала, несмотря на то, что оглушительно ревела, тряслась и подтекала.

Эмма загрузила в барабан содержимое бельевой корзины, затем сходила в спальню забрать постельное белье оттуда и завернула с той же целью в детскую.

Джимми не отреагировал на мать; он сидел на полу, скрестив ноги, и смотрел на стену. На стене, перпендикулярно ей, висела игрушка, держась на своих присосках и уставившись на мальчика светящимися глазами-кнопками. Игрушка не двигалась. Ребенок не двигался. Они просто молча смотрели друг на друга... во всяком случае, именно так это выглядело со стороны.

Эмме, хотя она уже и убедила себя, что примирилась с игрушкой – и даже, как ей казалось, стала симпатизировать несправедливо третируемой прежде "картофелине" – теперь вдруг вновь стало не по себе от этого зрелища. Хотя, конечно, нет ничего необычного в том, что игрушка не двигается и не издает звуков. Для большинства игрушек – тех, что не снабжены

моторчиком – это вообще естественное состояние... И мальчику, конечно, совсем не обязательно постоянно двигаться во время игры. Он может сидеть на месте и фантазировать. Она просто нервничает из-за того, что узнала о прошлом Джона, вот и все. Хотя и это, скорее всего, чепуха...

Эмма решительно направилась к кровати сына и стала снимать наволочку с подушки, затем взялась за пододеяльник. И тут же раздался резкий грохот.

Эмма едва не подпрыгнула от неожиданности и испуга и быстро повернулась. Игрушка валялась на полу. Видимо, присоски таки не выдержали ее вес. Джим, словно опомнившись, вскочил – но бросился вовсе не к игрушке (очевидно уверенный, что падение не причинило ей вреда), а к кровати. "Мам, я сам!" – решительно заявил он. Эмма улыбнулась. Хороший у нее все-таки мальчик.

Джимми сноровисто снял пододеяльник, вытащил заправленные под матрас края простыни, аккуратно сложил это все (хотя для белья, отправляющегося в стиральную машину, последнее вовсе не требовалось) и вручил матери. Эмма погладила его по голове и спросила, принести ли ему яблоко. Джим, само собой, не отказался.

Моя на кухне яблоко, Эмма не могла отогнать вновь возникшие тревожные мысли об игрушке. Все-таки не нравилось ей, что эта штука ходит по стенам. Это... небезопасно. Даже для нее самой, если она падает оттуда. (И уверенность Джимми в обратном – "игрушка не может сломаться" – не основана, конечно же, ровным счетом ни на чем, кроме детской веры в неизбежность всего любимого. Например, в бессмертие родителей... Хотя Джим уже достаточно большой мальчик, чтобы понимать, что это не так.) Ну или, конечно, она может, сорвавшись, что-нибудь разбить. Или хуже того...

Муха с гудением пролетела возле уха Эммы и уселась ей на щеку, щекоча ее своими лапками. Эмма раздраженно махнула рукой, не желая давить гадкое насекомое у себя на лице. Вот ведь проклятые твари, лезут и лезут откуда-то... Уборка на чердаке, учиненная Джоном – впрочем, весьма и весьма приблизительная – не произвела на них никакого впечатления. И отравы против муравьев и тараканов на них, кажется, не действует...

Мухи, да. Вот для кого нормально расхаживать по стенам и потолкам (хотя лучше бы, конечно, они тоже этого не делали). А не здоровой штукевине весом в пару фунтов, непонятно откуда берущей энергию для такой акробатики.

А что, если эта штука из космоса, подумала вдруг Эмма, застылая с яблоком в руке. Не из лаборатории НАСА. Из гораздо более далекого места.

Она никогда не верила в байки о летающих тарелках. У каждой эпохи свои сказки, когда-то любимой страшилкой были вампиры и оборотни, теперь – пришельцы, похищающие людей, чтобы проделывать с ними жуткие опыты, а затем почему-то отпускающие обратно. Если инопланетяне хотят контакта – они давно бы установили его официально, а если не хотят – имея технику, настолько превосходящую нашу, они бы позаботились о том, чтобы о них никто не узнал. Все жертвы их опытов просто пополняли бы списки пропавших без вести, в которые ежегодно попадают тысячи человек, не вызывая ничьего интереса. Это очевидно даже кассирше из Walmart'a, но почему-то отнюдь не очевидно многим другим, включая некоторых солидно выглядящих людей с учеными степенями. Впрочем, эти солидные господа просто делают деньги на интересе к теме, только и всего...

Но если это все-таки правда? Если по ее детской сейчас расхаживает робот инопланетян?

Но что может быть нужно такому роботу на Земле? Либо он хочет установить контакт. Либо ведет разведку. Либо, в конце концов, занимается чем-то вредным для человечества, например, готовит вторжение. Но во всех этих случаях он попытался бы попасть к политикам, генералам, ученым, пробраться на какие-то важные и секретные объекты. Он не стал бы двадцать лет валяться на чердаке захолустного фермерского дома. А до этого еще тридцать лет – на другом таком же чердаке.

А если он сломался? Если большая часть его программы стерлась, и все, что осталось –

это способность ходить туда-сюда и издавать бессмысленные звуки?

Но даже в этом случае... слишком уж нелепый вид у этой штуки для инопланетного робота. Какой-то разноцветный клоунский наряд... Может, конечно, у них там на планете все в таких цветных пятнах. Но все равно – разве у робота не должно быть рук? Ну или хоть каких-то манипуляторов? Ногами на круглых присосках много не сделаешь. И нельзя сказать, что руки отломались при аварии – на корпусе нет никаких следов, что они когда-то были. Да и глаза... не эти зеленые кнопки, довольно-таки грубо сделанные и многократно захватанные детскими пальцами, а какие-нибудь навороченные объективы... и разные прочие датчики... где это все? И наоборот – зачем космическому роботу разнообразные походки? Зачем ему двигаться по ровному полу вприпрыжку, или пьяно шатаясь, или чеканя шаг, как на параде? Нет, все в этой штуке – и ее внешний вид, и манера передвигаться, и звуки, слишком немногочисленные и монотонные, чтобы быть речью, пусть и сколь угодно нечеловеческой – отвергало версию о каких-то серьезных рациональных функциях и указывало на то, что это действительно игрушка, созданная для развлечения. Необычная, да. Может быть даже, ее конструктор был не совсем в своем уме. Потому опытный образец и не пошел в серию. Но ни инопланетяне, ни секретные правительственные проекты тут решительно ни при чем.

Эмма недовольно тряхнула головой и завернула кран, подумав, что Джон, будь он в это время на кухне, непременно отругал бы ее за попусту текущую воду. Прежде он не был таким скупым. Он не швырял деньги на ветер, но и не трясся над каждым долларом. Конечно, потеря работы и неопределенность впереди побуждают экономить, но лишняя десятка все равно ничего качественно не изменит...

Эмма отнесла сыну яблоко; Джимми уже уселся на пол перед телевизором смотреть очередной мультсериал, а игрушка так и валялась на полу у стены, словно забытая. Зеленые "глаза" не светились, и Эмма даже обеспокоилась, не сломалась ли эта штука в самом деле. Впрочем, Джиму, вероятно, виднее, все ли с ней в порядке.

Через пару минут, достав из шкафа чистое белье, Эмма снова зашла в детскую и хотела застелить постель, но мальчик вновь проявил самостоятельность, даже оторвавшись ради этого от мультика (и от недоеденного яблока). Эмма улыбнулась и вышла.

Пока стиральная машина ревела и тряслась в своем закутке, Эмма улеглась на кровать с библиотечной книгой. Поначалу стиль XIX столетия казался ей слишком нудным, а велеречивая манера героев изъясняться ("Но я не хочу, чтобы вы стыдились участия, которое приняли в несчастном страннике, я не стану более повиноваться чувству трусости, которое до сих пор никогда не имело места в моей груди" – и это говорит персонаж, висящий над пропастью!) попросту смешила и напрочь убивала всякую достоверность повествования. Но постепенно Эмма вчиталась, и придуманные тайны и опасности исполнили свою задачу – полностью отвлекли ее от собственных забот. Она даже не заметила, как вернулся Джон, и испуганно вздрогнула, когда он заглянул в комнату.

– Мне никто не звонил? – дежурно осведомился он.

– Увы, – Эмма отложила книгу на кровать, придерживая пальцем открытую страницу. – Как съездил? Купил, что хотел?

– Да, – ответил Джон, явно довольный приобретением, и продемонстрировал ей нечто вроде большого пластмассового чемодана со скругленными углами. – Ухватил набор инструментов с 25% скидкой. Смотри, какая дрель.

Он поставил чемодан на пол и извлек из него внушительных размеров ядовито-желтую электродрель с тяжелой черной рукоятью, похожую на бластер из тех фантастических фильмов, которые обожал Джимми. У Эммы даже мелькнула мысль, что надо держать эту штуку подальше от сына, иначе он не устоит перед искушением с ней поиграть.

– Беспроводная, – продолжал хвастаться Джон. – Работает от аккумулятора. Хорошо, в самый раз для чердака. Мощная штука, берет что угодно – хоть сталь, хоть бетон.

– У нас тут одно трухлявое дерево, – проворчала Эмма.

Джон удостоил ее презрительным взглядом в стиле "что эти женщины понимают!" и вновь скрылся за дверью. Через некоторое время Эмма услышала скрип шагов над головой. Не иначе, ее мужу не терпелось опробовать купленное в деле.

"Всем мужчинам нужны игрушки, независимо от возраста, – подумала Эмма, вновь берясь за книжку. – Просто во взрослом возрасте они маскируют их под что-то полезное."

На чердаке противно, словно бормашина, взревел мотор. Эмма страдальчески поморщилась.

Джон, похоже, нашел себе более увлекательное занятие, чем просмотр разделов объявлений и рассылка резюме. Он возился на чердаке уже три дня – пятницу, субботу и воскресенье – выбираясь оттуда только чтобы поесть. Все прочее время дом содрогался от рева дрели и грохота молотка. Эмма недоумевала, что можно делать там так долго, на что Джон раздраженно отвечал, что наверху действительно все прогнило, и ремонт нужен весьма основательный. Слово в подтверждение его слов, в воскресенье пошел дождь – длинный и нудный, предвестник осенних дождей – и на полу опять появились лужи, причем с потолка капало активнее, чем прежде – в том числе в спальне Джона и Эммы, где прежде протечек не было. Когда Эмма указала мужу, что его ремонт, похоже, приносит обратные результаты, тот раздраженно ответил, что так всегда бывает в середине процесса, и человек со вскрытым животом или грудной клеткой тоже выглядит менее здоровым, чем до начала хирургической операции. Эта аналогия Эмме не понравилась (почему бы не сравнить с разобранной машиной, в конце концов?), но она постаралась не подать виду.

Утром в понедельник Эмма проснулась все от того же рева и стука на чердаке, но это было еще не самым худшим. Точнее, это прекрасным образом дополнило самое худшее.

Впервые познакомившись с менструациями в тринадцать лет и узнав, что *это* теперь будет повторяться до самой старости, Эмма не сдержалась и произнесла вслух, что бог, очевидно, маньяк-садист, ненавидящий всех женщин – хотя и могла догадаться, что говорить такое в присутствии ее матери не следовало. Мать отвесила ей такую пощечину, что у Эммы зазвенело в ушах, и заставила два часа отстоять на коленях, вымаливая у милосердного господина прощение за такие слова. Прекрасный рецепт помощи при болезненной менструации, о да. Вернувшийся с работы отец не только полностью одобрил данную медицинскую процедуру, но и творчески дополнил ее собственным ремнем.

После беременности и рождения Джима, однако, ежемесячная пытка сошла на нет, превратившись всего лишь в легкий дискомфорт. Но иногда ее женская натура все же напоминала, на что способна – и вот теперь был как раз такой случай. Тянувшая и дергающая боль внизу живота отдавала в спину, в горле стояла тошнота, а каждый удар сердца – а заодно и каждый удар молотка наверху! – отзывался тупой тяжелой болью в висках и лбу. Эмма даже не особо удивилась – доктор говорил ей, что стресс может провоцировать подобное, а в последнее время она – возможно, сама не всегда отдавая себе в этом отчет – жила в состоянии стресса постоянно. Она выползла из кровати, поплелась прямо в ночной рубашке и босиком в ванную, отыскала в аптечке старую, давно не использовавшуюся упаковку мидола, посмотрела срок годности – ну разумеется, истек три дня назад! – затем, решив, что три дня ничего не решают, вытряхнула длинную белую капсулу в рот и запила водой из-под крана (даже эта пара глотков едва не обернулась рвотным позывом). Открыла горячий кран, наполнила грелку. Затем потащилась в коридор, куда спускалась чердачная лестница, и принялась выкликать мужа; о том, чтобы лезть сейчас к нему наверх самой, ей было мучительно даже думать.

Джон выслушал ее с явным неудовольствием, посоветовал "ну прими таблетку" (ага, сама бы она ни за что не догадалась!), нехотя пообещал работать "потихише" и в другой части дома (но отнюдь не свернуть свою деятельность вовсе) и "что-нибудь сообразить" из еды для себя и

Джима. Эмма вернулась в спальню страдать и ждать действия лекарства, лежа с грелкой на животе. Доктор говорил ей в свое время, что лежать в таких случаях – не лучшая стратегия, а вот умеренные физические упражнения могут помочь, но это было выше ее сил.

Эмма проваливалась в постели до вечера, то бездумно щелкая пультом от телевизора, то проваливаясь в тяжелую, не приносящую бодрости дрему, из которой ее периодически выдергивал шум на чердаке. Один или два раза сквозь сон ей слышался звонок телефона, и хотя она вяло подумала, что Джон будет в ярости, если трубку никто не возьмет, но так и не открыла глаз, не говоря о том, чтобы встать. Впрочем, звонки оборвались довольно быстро, так что, видимо, на них ответили – если только они вообще ей не приснились.

К ужину она все-таки выбралась на кухню; Эмма знала, что ничего еще не кончилось, и наслаждаться всей прелестью своего женского естества ей предстоит еще пару дней, но по крайней мере теперь ее не тошнило, и она могла поесть. Джон "сообразил" жареную (местами до черноты) картошку и яичницу с кетчупом – на большее его кулинарные таланты обычно не простирались. Тем не менее, Эмма через силу похвалила его за хозяйственность – но себе предпочла по-быстрому порезать овощей и залить растительным маслом. Джон при этом смотрел на нее так, словно она сама была виновата в своем недомогании. Таким взглядом, например, жена могла бы смотреть на мужа, мучающегося похмельем. Эмма понимала, что ее кислая физиономия не способствует подъему настроения за столом, но все же надеялась на большее понимание. Джим тоже ковырял вилкой в тарелке без особого энтузиазма – вероятно, ужин не сильно отличался от приготовленного тем же шеф-поваром обеда.

– Джон, тебе кто-то звонил? – спросила Эмма просто для того, чтобы прервать тягостное молчание.

– Да, – проворчал ее муж.

– По поводу работы?

– Да, – ответил Джон столь же односложно. По его тону все уже вполне можно было понять, но Эмма все-таки предпочла уточнить:

– И что?

– Послал их подальше, вот что. За такую зарплату пусть нанимают себе мексов.

– Может... не стоило... так сразу? В конце концов, можно сначала согласиться на меньшее, а потом... повышение...

– Не учи меня вести мои дела.

– Я не учу, просто... ты ведь сам постоянно говоришь, что мы не можем себе позволить никакие траты, пока у нас нет никаких доходов. А тут хоть какой-то вариант. Раз уж пока работодатели не выстраиваются к тебе в очередь...

– Я как-нибудь обойдусь без твоего сарказма! – повысил голос Джон.

– Это не сарказм. Просто надо же реально смотреть на вещи. Ты не позволяешь мне купить поддержанную машину, а сам покупаешь инструментов на полторы сотни долларов...

– Откуда ты знаешь? – взвился Джон.

– Видела чек, который ты выбросил.

– Значит, ты уже роешься в мусоре, лишь бы меня в чем-нибудь ущутить, да?

– А почему ты сам мне не сказал?

– А потому что я не обязан перед тобой отчитываться! И вообще, сколько стоят мои инструменты, между прочим, новые и с гарантией, и сколько – самая дешевая машина, которая сломается через неделю? Вот ведь женская логика, как вообще можно одно сравнивать с другим? Инструменты – это, если хочешь знать, инвестиция!

– Во что? В эту развалюху? Ты что, все еще надеешься ее выгодно продать?

– Не обязательно продать. Вообще, не обязательно нам съезжать отсюда.

– Ты что же... – произнесла Эмма, шокированная такой переменой его намерений, – фермерством, что ли, решил заняться?

– А почему бы и нет? Мой отец был фермером. Мой дед был из фермерской семьи.

– Но... ты же сам всегда говорил, что этим не разбогатеешь...

– А то мы очень разбогатели другим! Сколько лет я, как проклятый, каждое утро ехал на работу по забитым машинами улицам, а вечером в такой же час пик полз обратно – и что в результате? Фермер, по крайней мере, сам себе голова. И ему не нужно каждый день менять рубашку и повязывать галстук сообразно фирменному дресс-коду.

– Так что же выходит... планы меняются? Ты больше не ищешь работу? Газеты тебе больше не возить и к телефону тебя не звать?

– Кто тебе сказал? Если мне поступит по-настоящему достойное предложение, тогда другое дело. Но хвататься за первую же поденщину я не намерен.

– Но если мы остаемся, тогда нам тем более нужна вторая машина.

– Женщина, ты меня вообще слушаешь?! Я не сказал, что мы остаемся! Я сказал, что это один из вариантов! Один из, понимаешь?

– Понимаю, не кричи. Только ты мог бы сказать мне об этом раньше. И не называй меня "женщина", это грубо!

– А кто ж ты – мужчина, что ли? – саркастически усмехнулся Джон.

– Мама, а тебе мужчина звонил, – неожиданно встрял Джимми, до этого момента, казалось, сосредоточенный исключительно на своей тарелке. Оба взрослых уставились на него.

– Какой еще мужчина? – спросила Эмма, хотя уже знала ответ.

– Линк, – не обманул ее ожиданий мальчик. – Я взял трубку, а он подумал, что я – это ты, – Джимми хихикнул.

– Кто такой Линк? – требовательно спросил Джон, переводя мрачный взгляд с сына на жену.

– Это... из библиотеки, – Эмма была не в том состоянии, чтобы на ходу придумать какую-нибудь удачную ложь. – Я... наверное, я просрочила книгу...

– Ты ездила за книгой недавно, – отрезал Джон. – Джим, что сказал этот... Линк?

– Что он ездил в Тэппен и узнал, что просила мама, – охотно ответил Джимми.

– Та-ак, – веско произнес Джон. – Интересные, оказывается, услуги оказывает наша библиотека. Особенно учитывая, что до Тэппена девяносто миль пути. Так что же он узнал, Джим?

– Я сказал, что я Джимми, а мама плохо себя чувствует, – ответил мальчик. – Тогда он спросил, насколько серьезно больна мама и вызывали ли доктора. Тогда я сказал, что у нее просто болит живот и доктор не нужен, – в таких терминах, видимо, Джиму сообщил о недомогании матери Джон. – Тогда он сказал, чтобы мама позвонила ему, когда ей станет лучше, – мальчик с довольным видом переводил взгляд с одного родителя на другого, как школьник, хорошо ответивший урок.

– Очень интересно, – мрачно произнес Джон, глядя в глаза жене. – Ну, Эмма? Что это за Линк, ради тебя мотающийся в Тэппен, и что тебе там вообще понадобилось?

"Может, не будем устраивать разборки при ребенке?" – чуть было не вырвалось у Эммы, но она успела сообразить, что это прозвучало бы, как доказательство вины.

– Линк... он действительно работает в библиотеке, – сказала она вместо этого; по крайней мере, это было правдой, и тут она не могла запутаться. – Можешь позвонить туда... завтра, когда она откроется, и проверить.

– Охотно верю, что именно там вы и познакомились.

– Да ты что себе вообразил? Ты что, ревнуешь? Это же абсурд! Он совсем мальчишка, отвечает там за компьютеры...

– Пока что я всего лишь удивляюсь, почему некий неизвестный мне мальчишка мотается через полштата по поручениям моей жены, и все это в тайне от меня.

– Да... да нет здесь никаких тайн! – Эмма, наконец, сообразила, как вывернуться. –

Просто, пока он помогал мне с интернетом, я упомянула, что у меня с мужем один автомобиль на двоих, второй сейчас не можем себе позволить... ну, к слову пришлось... и он сказал, что у его дяди в Тэппене есть "форд", старый, но полностью на ходу, который, возможно, дядя продаст очень дешево, буквально по символической цене, если только меня не смущает ручная коробка передач. И что он, то есть Линк, все равно собирается в это воскресенье к дяде в гости и может заодно для меня это уточнить. Вот и все.

– Дядя, значит. "Форд", значит. Ну и как этого дяди фамилия?

– Откуда я знаю? Я и у самого Линка фамилию не спрашивала, – Эмма вновь обрадовалась возможности сказать правду. – Меня только машина интересовала.

– Что тебя вообще переклинило на этой второй машине? Сбежать от меня хочешь?

– Джон! Джимми, не обращай внимания, папа так шутит.

– Да, – медленно согласился Джон, – мы с мамой шутим. Только, сдается мне, кто-то скоро дошутится.

И тут Эмма сообразила, каким образом она может разрушить его подозрения.

– Джимми, – сказала она, – как Линк называл меня, когда представился? То есть как он обратился к тебе, думая, что ты – это я?

– Он сказал "миссис Хоррелл", – ответил мальчик.

"Слава богу!" – мысленно выдохнула Эмма. А ведь у нее мелькала мысль сказать Линку, чтобы звал ее просто по имени... но, к счастью, она этого не сделала – а Линк, в свою очередь, не сделал этого по собственной инициативе.

– Ну? – произнесла она, обращаясь к Джону. – Убедился, что у нас с ним чисто деловые отношения?

– Сдается мне, ты все равно врешь мне, Эмма, – угрюмо произнес тот. – Нет никакого дяди и никакого "форда". И в Тэппене тебе понадобилось вовсе не это.

– Ну, хватит! – Эмма решительно поднялась из-за стола. – Я не намерена больше выслушивать нелепые обвинения непонятно в чем. Такое впечатление, что это не у меня, а у тебя критические дни, – она вышла из кухни, оставив недоеденную зелень на тарелке.

Вернувшись в спальню, Эмма некоторое время полусидела на кровати, подоткнув под спину подушку и прислушиваясь к собственным ощущениям; затем, надеясь, что голова не разболится снова, зажгла свет и открыла Вальтера Скотта; ей оставалось дочитать уже совсем немного. Подумала, что отправит сегодня Джона спать в другую комнату. Лучшая защита – нападение... да и, на самом деле, ей действительно не хотелось его видеть.

Еле слышно скрипнула, приоткрываясь, дверь. Это определенно был не Джон, осознавший свою неправоту и теперь робко заглядывающий в спальню. У Эммы даже мелькнула мысль, что это опять игрушка, пришедшая утешить ее в одиночестве. Но это оказался Джимми.

– Ма-ам?

– Да, солнышко? – она посмотрела на него поверх книги и заставила себя улыбнуться.

– А зачем ты соврала папе?

– Что за глупости! – рассердилась Эмма. – Он... сказал это, не подумав. Он просто расстроен, что ему не делают хороших предложений работы. Взрослые тоже иногда говорят неправильные вещи, о которых потом жалеют.

– Нет, – покачал головой Джимми. – Я же слышал, что сказал Линк прежде, чем он понял, что я – это не ты. Он ездил вовсе не к дяде и не насчет машины. Он сказал, что был на кладбище.

Пальцы Эммы дрожали, и она никак не могла попасть ключом в замок. При очередной попытке ключи вовсе вырвались из ее руки и упали в пыль. Эмма нагнулась, подобрала, быстро оглянулась на дом, как воровка, ожидающая, что ее вот-вот застукают. Но Джон, судя по доносившимся даже сюда звукам, продолжал что-то пилить, сверлить и заколачивать на чердаке

и, очевидно, не интересовался происходящим снаружи.

Наконец Эмма совладала с замком и неуклюже забралась на водительское сиденье пикапа. Несмотря на принятое лекарство, чувствовала она себя почти так же пакостно, как накануне; мидол унял боль, но не общую разбитость. Ехать в таком состоянии в библиотеку душным августовским днем на машине без кондиционера она никак не хотела. Но до бензоколонки, где есть телефонная кабинка, меньше двух миль.

Это расстояние она преодолела без приключений. Бросила четвертак в щель автомата, набрала, заглядывая в карточку, номер библиотеки. Вот сейчас ей скажут, что у Линка сегодня выходной, или, как все в тех же триллерах, что он на работу не вышел по неизвестным причинам, и дозвониться до него не могут...

Но нет. Женский голос, ответивший на звонок, попросил ее подождать минутку, а затем в трубке откликнулся Линк.

– Вы поставили меня в очень неловкое положение, – сразу же сказала ему Эмма. – Я же просила не звонить мне домой.

– Извините, – сконфузился Линк. – По телефону ваш и вашего сына голоса действительно похожи, а вы не говорили, что у вас есть ребенок...

– А почему я должна была об этом с вами говорить? – возмутилась Эмма, но тут же подумала, что с человеком, отмахавшим ради нее туда-обратно чуть ли не двести миль и, главное, вернувшегося из этой поездки не с пустыми руками, следует быть поприветливее. – Ладно. Вы и в самом деле ездили в Тэппен? Я, право, не просила вас так напрягаться.

– Да ничего страшного, – тут же ответил Линк. – Не так уж это далеко. Пришлось, правда, дожидаться воскресенья...

– Я, наверное, должна оплатить вам хотя бы бензин?

– Да ерунда, миссис Хоррелл. Лучше скажите, как вы себя чувствуете?

– Спасибо, уже лучше, – не слишком искренне ответила Эмма.

– И... я понимаю, что лезу не в свое дело, но... эти ваши... проблемы со здоровьем как-то связаны с вашим мужем?

– Никто меня не бил, если вы об этом. Это обычное недомогание. Так что вам удалось узнать? – не вытерпела, наконец, Эмма

– Я нашел их всех! Хорреллов, в смысле.

– Где? – тупо спросила Эмма.

– На местном кладбище, разумеется! Они жили в этих краях, по крайней мере, с времен Гражданской войны. И знаете что? Практически все из них, не считая нескольких умерших во младенчестве детей, жили не знаю насколько счастливо, но, во всяком случае, достаточно долго. Почти все дожили по меньшей мере до семидесяти, некоторые почти до девяноста. Единственное исключение – Клара Хоррелл, умершая в 1943 в возрасте 36 лет. Это жена Харви Хоррелла. Но вы сами сказали, она умерла от рака. Ну и сгоревший на пожаре Джереми, конечно же. Так что эти ваши жуткие убийства – и в самом деле байки. Никто в роду Хорреллов так не умирал. Причины смерти на могильных плитах, конечно, не пишут, но достаточно того, что возраст не совпадает. К тому же я побеседовал со священником церкви при кладбище. С должной осторожностью, конечно, понимая, что в маленьких городках не любят чужаков, интересующихся чужими скелетами в шкафах – но мне удалось его разговорить. Однако ему тоже ни о чем таком не известно.

– Неизвестно об убитых. Но, может, были бесследно исчезнувшие? Их вы не могли найти на кладбище. Ту же Эмили Хоррелл, например.

– Об Эмили священник знает. И убежден, что она сбежала сама. Он тогда только начал свое служение. И она несколько раз говорила ему, что хочет уйти от мужа, пристрастившегося к бутылке. Священник, конечно, пытался ее отговаривать – мол, таинство брака священно, в болезни и в здравии и все такое. Но, как видно, не преуспел. Как и с попытками увещевать

самого Джереми, который перестал ходить в церковь после того, как разорился. Мол, ваш бог не хочет мне помочь – да и всему христианскому миру, если на то пошло, который арабы поставили на уши своей нефтью – так чем же можете помочь мне вы? К тому же Джереми – а может, и Эмили – не слишком склонны были внимать увещеваниям человека намного моложе себя, независимо от его сана. И советам по поддержанию крепости брака от того, кто сам принял обет безбрачия.

– Все-таки довольно странно, что Эмили бросила своего ребенка. Или такими планами она тоже делилась со священником?

– Об этом он мне не говорил, но, как я понял, он не видит в этом ничего невероятного. Бывает, что женщина, остро разочаровавшись в мужчине, переносит свое раздражение и на его сына. Тем более если она еще достаточно молода и надеется "начать жизнь сначала". А Эмили была на 12 лет моложе мужа. Любопытное совпадение – она родилась в год смерти матери Джереми... Кстати, священник считает, что Джереми подкосила ранняя смерть родителей, когда он остался на попечении старшей сестры – "девицы слишком юной и неопытной", как он, то есть священник, выразился, хотя его самого тогда еще не было на свете. А предыдущие поколения Хорреллов, насколько ему известно, всегда были добродетельными и богобоязненными прихожанами.

– А что насчет умерших детей? – предпочла все-таки уточнить Эмма.

– Как я уже сказал, это младенцы, умершие в первый год жизни. В прошлом такое случалось нередко, да и сейчас, в общем, бывает. "Синдром внезапной детской смерти" – слышали? Никто до сих пор не знает, из-за чего это происходит...

"Еще бы мне не слышать!" – подумала Эмма с раздражением. Этот юнец, похоже, забыл, что говорит с матерью ребенка. Которую мысль об этом синдроме не раз заставляла просыпаться в ужасе среди ночи, пока Джимми не вышел из опасного возраста...

– Еще я побывал на месте пожара, – продолжал докладывать Линк. – Сейчас там автосервис. Процветающим он не выглядит, хотя переговорить мне ни с кем не удалось – было воскресенье, вы понимаете. Но не похоже, чтобы это место считалось проклятым или что-то вроде. Ну да, когда-то был пожар, погиб человек, но сейчас уже никто об этом не вспоминает.

"И никакой скелет в подвале при строительстве автосервиса не нашли", – поняла Эмма.

– Большое вам спасибо, Линк, – сказала она с искренним чувством. – Я действительно не знаю, как вас благодарить за проделанное расследование.

– Не за что, миссис Хоррелл... могу я называть вас "Эмма"?

"Ну вот, начинается", – подумала она. Разумеется, обращение по имени – вещь совершенно невинная сама по себе, у любой кассирши или продавщицы имя просто написано на бэйджике на груди, но не стоит себя обманывать. Он-то, очевидно, знает, *как* она бы могла его отблагодарить, хоть и старается изображать бескорыстного рыцаря. Хотя даже в сказках рыцари, спасающие прекрасных дам от чудовищ, на самом деле вовсе не бескорыстны. Она подозревала это с самого начала. Но не давала ему ни малейших намеков на такую возможность, так что ее совесть чиста. И перед Линком, и перед Джоном.

– Если бы вы сделали это во время вчерашнего звонка, у меня были бы большие неприятности, – сказала она, стараясь, чтобы фраза прозвучала шутливо и серьезно одновременно. – Так что лучше не стоит. Линк, я... люблю своего мужа. И я действительно благодарна вам за то, что вы развеяли мои подозрения на его счет.

Тут же, впрочем, она беспощадно отметила про себя, что не просто так запнулась перед словом "люблю". Еще месяц назад она произнесла бы такую фразу тоном констатации безусловной истины. Само собой, на десятом году брака чувства уже не те, что в самом начале, и у них и прежде не раз уже случались размолвки и неприятные моменты, но ей никогда не приходило в голову подвергать сомнению успешность и дальнейшие перспективы их союза. Прежние ссоры были, ну, чем-то вроде удара молотком по пальцу. Ты досадуешь на свой палец

за то, что он болит, но ты ведь не хочешь вовсе его отрезать – тем более что понимаешь степень собственной вины в случившемся. Ты лишь хочешь, чтобы боль прошла поскорей, и все было, как прежде. В последнее же время у нее возникло сперва подспудное, а теперь уже и вполне осознаваемое ощущение, что Джон... меняется. Становится чужим. И вряд ли дело было только в стрессе от потери работы и прежнего статуса, который Эмма всячески пыталась ему облегчить...

– ... это правда.

– Что? Извините, Линк, я не расслышала вашу последнюю фразу.

– Я сказал, что не подтвердились только слухи об убийствах, якобы совершенных его предками. Но вот то, что он сам год провел в психбольнице – это, по-видимому, правда. Так что, на вашем месте, я бы все-таки... учитывал это. Миссис Хоррелл.

– Где ты была? – Джон вновь встречал ее на пороге с угрюмым видом. Его рубашка и даже волосы были осыпаны мелкими древесными опилками.

– О господи! Меня не было всего двадцать минут!

– Я не спрашивал, сколько тебя не было. Я спросил, где ты была.

– Мне жутко захотелось соленых орешков, и я сгоняла за ними в магазинчик при заправке, – Эмма действительно позаботилась об этом "алиби" и теперь продемонстрировала пакетик Джону. – Доволен?

– Я не доволен тем, что ты уехала, не предупредив меня. Разве мы не семья? В семье ничего не делают друг от друга тайком.

– Да я вообще не думала, что ты заметишь мое отсутствие! Мне что теперь, докладывать всякий раз, когда я пойду в туалет?

– По крайней мере, всякий раз, когда ты берешь машину. Мне она нужна. Я собрался в город за материалами, выхожу, а машины нет! Между прочим, и орешков твоих мог бы заодно взять. В городе они дешевле, чем на заправке, и бензин лишний раз не жечь.

– Джон, это же считанные центы! А орешков мне хотелось прямо сейчас, а не когда ты вернешься. Ты намерен устроить скандал из-за такой ерунды?

Он посмотрел на нее тяжелым взглядом, словно говорившим "я так и знал, что все эти истории про болезненные месячные – притворство", но ничего не сказал и шагнул мимо нее на крыльцо, направляясь к пикапу.

– Ты весь в опилках, – крикнула Эмма ему в спину. – Отряхнись, прежде чем куда-то ехать!

Не глядя, последует ли он ее совету, она вошла в дом. Настроение, улучшившееся было в ходе разговора с Линком – хотя и подпорченное его последней репликой – вновь было хуже некуда. Эмма вспомнила, что так и не дочитала "Анну Гайерштайнскую" – хотела сделать это вчера вечером, но, судя по всему, заснула на последних страницах (в чем был виноват не Вальтер Скотт, а ее муторное состояние). Когда она проснулась утром – на два часа позже обычного – лампа была погашена, а с чердака вновь доносились звуки ремонта. Она так и не знала, спал ли Джон эту ночь рядом с ней или (как она хотела, но не успела ему сказать) на диване в спальне для гостей (как называли они ту комнату, хотя никаких гостей у них здесь, разумеется, не бывало, как не бывало их в этом доме и за все то время, что Джон прожил здесь в детстве).

Что ж – теперь она была не прочь отвлечься, прочитав финальные сцены, где, конечно же, несмотря на все политические и военные перипетии, влюбленные сыграют свадьбу (все эти старые романы кончаются одинаково, да). Однако она не нашла книги ни на прикроватном столике, ни в постели. Эмма даже заглянула под кровать, но романа не было и на полу.

Может быть, книгу взял Джон? Эмма не могла вспомнить, видела ли роман утром, когда проснулась. Но в любом случае, ему-то зачем? Он сроду не читал литературу подобного рода. Какой-нибудь детектив – это еще куда ни шло...

Потому что он чертов псих, сказал внутренний голос. Потому что он злится на тебя и ищет способ тебе нагадить. Начал он с книги, но это только первый шаг. В кино маньяки обычно начинают с убийства домашнего животного, но у тебя его нет...

Чушь какая, ответила себе Эмма. Джон, конечно, дуется на нее еще со вчерашнего дня (а может, и дольше, только она не обращала внимания?), но это совсем не значит, что он... и прятать или портить библиотечную книгу – это совсем уж по-детски...

Джимми? Но уж ему-то тем более с какой стати?!

Внезапно что-то словно щелкнуло в ее сознании, соединяя вместе разрозненные детали. Джим... поиски книги под кроватью... и недавние эпизоды в детской, когда мальчик дважды бросался к своей кровати, желая непременно поменять постельное белье самостоятельно... или опасаясь, что мать найдет нечто, спрятанное там?

Теперь Эмма не сомневалась, что так оно и было. И, конечно, это был не какой-нибудь порножурнал. Джимми еще слишком мал, чтобы интересоваться подобными вещами. Но Эмма опасалась, что то, что она найдет в его кровати, понравится ей еще меньше.

Конечно, она могла бы пойти напрямик в детскую и переворошить постель сына у него на глазах, игнорируя любые возможные протесты. Большинство матерей, и уж точно – ее собственная, поступили бы именно так. Но... Эмма этого делать не собиралась. Во-первых, она не хотела ставить себя в смешное и глупое положение, если все-таки ничего не найдет. Что, кстати, ничего не докажет – после смены белья Джим мог осознать, что кровать – ненадежное убежище, и перепрятать *это* в другое место. Во-вторых, к кому пойдет жаловаться ребенок, несправедливо обиженный матерью? К отцу. Кому он расскажет о ее *странном* поведении? Ему же. А Джиму есть, что рассказать. Вчера она неубедительно соврала ему, мол, дядя Линка работает кладбищенским сторожем... хотя какие сторожа на маленьких кладбищах в этих маленьких городках, и разоблачить ее ложь можно одним звонком в Тэппен. Мальчик не сказал, что не поверил ей, но посмотрел на нее с видом явно заговорщицким и чуть ли даже не подмигнул. Мол, так и быть, я ничего не скажу папе – если, конечно, ты меня не вынудишь... Так что лишний раз ссориться со своим девятилетним сыном Эмма не собиралась.

Она дождалась, пока мальчик усядется обедать. Обычно они ели вместе, но на сей раз Эмма встала из-за стола, едва Джимми приступил к трапезе. "Ты куда?" – спросил он, но она лишь ответила: "Ничего, Джимми, ешь".

Она подошла к детской почти крадучись, вновь чувствуя острую нелепость происходящего – словно это она была маленьким ребенком, нарушающим родительский запрет. Повернула ручку, мягко надавила на дверь...

Дверь не открылась.

Эмма подумала, что ее перекосило в дверной коробке. В этом не было ничего удивительного – старый деревянный дом менял свою форму при всяком изменении температуры или влажности. Когда они впервые сюда приехали, то с превеликим трудом сумели открыть прямо-таки вросшую в косяк входную дверь, и до сих пор в сырую погоду, чтобы войти в дом, надо было хорошенько надавить на ручку сверху, а уж потом тянуть ее. Но попытки Эммы сделать то же самое на пороге детской не привели к успеху. И, осмотрев дверь по периметру, она нигде не заметила, чтобы та влипала в косяк слишком плотно.

Что-то держало дверь изнутри.

Это было совершенным абсурдом. Если бы Джимми был внутри, он бы, конечно, мог забаррикадироваться – ради игры или еще каких-нибудь соображений. Но Эмма только что оставила его уплетающим обед на кухне. Если он только не выбрался оттуда на улицу и не забрался в детскую через окно, сорвав висящую там сетку, пока мать шла по коридору... нет, конечно, это уже полное сумасшествие.

Эмма, уже не стараясь соблюдать тишину и осторожность, ударила в дверь плечом.

Та пружинисто преодолела сопротивление и резко распахнулась, так, что Эмма с трудом

удержала равновесие, цепляясь за ручку; что-то покатилося по полу с другой стороны. Эмма поняла, что это, еще до того, как увидела.

Игрушка лежала на полу, вытянув ноги. Зеленые кнопки-глаза светились, уставившись на женщину.

– Черт бы тебя... – пробормотала Эмма. – Я думала, между нами мир.

Разумеется, все имело рациональное объяснение. Джим оставил игрушку включенной (никто так и не знал, как ее выключить), а требований закрывать ее в сумку при всякой отлучке Эмма больше не выдвигала. Эта штука ходила по комнате, уперлась в дверь, остановилась, влипнув в пол присосками. Обычно, наткнувшись на препятствие, она меняла направление движения, но не всегда... И все же Эмма чувствовала твердую уверенность, что игрушка пыталась не пустить ее в детскую. И почти не сомневалась, что сейчас та вскочит на свои присоски и бросится ей под ноги, чтобы помешать подойти к кровати.

Игрушка негромко заурчала, но не шевельнулась. Словно предостерегающе рычащий пес...

"Да что за глупости! – сказала себе Эмма. – Я могу поднять ее одной рукой и отшвырнуть, куда угодно! А у нее нет ни зубов, ни когтей, ни даже каких-нибудь острых углов!"

Женщина решительно направилась к кровати, продолжая, тем не менее, коситься на игрушку. Та по-прежнему лежала на боку и не двигалась.

Эмма откинула одеяло вместе с покрывалом, приподняла подушку, пошарила под простыней, затем запустила руку под матрас. И сразу же нащупала там плотные листы бумаги.

Это были они – страницы, вынутые из альбома. Сложенные в том же порядке. Сначала роботы, бьющиеся с инопланетным осьминогом (или кто он там), а потом...

"Я знала! – думала Эмма с торжеством, переворачивая страницы. Бородач с вилами – бородач с косой – бородач в петле... – Я не сумасшедшая! Ну погоди, лживый гаденыш, вот вернется отец, я ткну ему это под нос. Посмотрим, что он теперь скажет!"

Беременная – барбекю – смерть усатого...

Но это было не все. На Эмму смотрела новая картинка.

Она вспомнила, что в прошлый раз что-то помешало ей досмотреть альбом до конца. А может, Джим с тех пор пополнил свою галерею.

Рисунок изображал мужчину и женщину в комнате с открытой дверью. За окном комнаты виднелись косые струи дождя. Мужчина с обширной плешью и довольно заметным животиком, ухватив женщину сзади за волосы, бил ее головой о косяк. Череп женщины треснул, изо рта вылетали зубы, из глазницы вываливался глаз.

Эмма похолодела. Она уже совсем убедила себя, что это был лишь дурацкий сон, не имеющий отношения к реальности...

Она взяла следующий лист. Плешивый спускался с крыльца под дождем, волоча за собой нечто бесформенное в черном мешке. На плече у него была лопата. В темном (заштрихованном серым) окне дома за его спиной застыл силуэт ребенка с растопыренными руками...

Эмма перевернула страницу. Вторая сторона последнего листа была чиста.

"Он же говорил, что ничего не видел и не слышал... Что он считал, будто мать их бросила...."

Впрочем, Джон, возможно, и в самом деле в это верил. Может быть, его заставили забыть в клинике... Хотя психиатры вроде бы так не делают. Они, наоборот, стремятся вытащить травмирующие воспоминания, загнанные в подсознание. Эмме и самой – тогда, когда у нее возникли проблемы после родов – пришлось вспомнить кое-что из своего детства, о чем она предпочла бы забыть...

Тут ей пришло в голову кое-что еще. Те рисунки, которые остались в альбоме... они ведь не были просто прикрытием, призванным скрыть существование этих. Ну, кроме Хиросимы. А два других... Первый изображал смерть Харви Хоррелла, который сам "никого не успел убить,

даже японцев". Ну японцев, допустим, нет. А вот свою жену... Она умерла от рака, да. В 36 лет, спустя всего два года после его смерти. А значит, причина, запустившая развитие болезни, вполне могла быть связана с Харви. Пассивное курение, например. Или даже активный секс. Он может спровоцировать эрозию и рак шейки матки, особенно если не соблюдать нормы гигиены. Или, тем паче, практиковать какие-нибудь извращения с засовыванием не предназначенных природой предметов. Это мог быть и рак груди, если, опять-таки, у Харви были своеобразные вкусы по этой части...

Эмму сбили с толку азиатские глаза врача на последней картинке в сочетании с предшествовавшим рисунком. Она решила, что умирающая в больнице женщина – жертва атомной бомбардировки. Но разве в Америке нет врачей азиатского происхождения? В 1943 их, конечно, было меньше, чем сейчас (особенно если учесть, что всех американских японцев тогда загнали в лагеря), но все-таки они были. И теперь Эмма не сомневалась – последний рисунок в альбоме изображал конец Клары Хоррелл. И если вдуматься – эта "естественная" смерть была даже более ужасной, чем у беременной, которую заставили ползти на окровавленных култых, и у насаженной на вилы. Агония Клары длилась не минуты, а недели, возможно – месяцы...

И все эти предыдущие убийства... Эмма слишком рано обрадовалась, сочтя их выдумками. Да, в роду Хорреллов ничего подобного не было. Но разве она сама не думала, что ребенок, съевший свою мать и застреливший отца-убийцу, мог потом пуститься в бега и быть усыновленным совсем в другом месте и под другой фамилией людьми, не знавшими его прошлого? Откуда она знает, что Харви Хоррелл носил это имя с рождения?

Что бы там ни было, она не станет показывать эти рисунки Джону. Не только самые последние, но и предыдущие тоже. Это все равно что дергать за хвост гадюку, думая, что ты в безопасности, раз не трогаешь голову...

За всеми этими мыслями Эмма не сразу обратила внимание на звуки у себя за спиной. Точнее, она подумала об этих звуках, когда они уже отзвучали. Подумала, что минуту или две назад слышала нечто, что не следовало игнорировать... шаги Джимми? Нет, он все еще на кухне...

Эмма резко обернулась, поняв, чьи шаги она слышала. Игрушки не было у нее за спиной – и вообще в детской. Эмма оставила дверь нараспашку, и чертова штуковина (о которой женщина вновь думала в этих терминах) утопала в коридор. Чпок-чпок-чпок, привет, Джимми! А знаешь ли ты, что сейчас поделяется твоя мамочка? Она *нашла*, да-да, она *все* *нашла*!

Да, если Джимми увидит эту штуку, он поймет, кто выпустил ее из детской... Да что за черт, сердито сказала себе Эмма, я имею полнейшее право здесь находиться и осматривать все, что захочу, не прячась от девятилетнего мальчишки! И все-таки... ей хотелось водворить игрушку обратно прежде, чем Джимми поймет, что мать рылась в его секретах. Она все еще не знала, что ей делать со всем этим. И с Джимом, и с Джоном. Ей надо... все обдумать... узнать побольше... но прежде – вернуть игрушку обратно!

Эмма поспешно сунула рисунки обратно под матрас и быстро вышла в коридор; посмотрела сперва в сторону кухни, потом в обратном направлении. Игрушки нигде не было. Ее мелких шажков и обычно издаваемых ею при движении звуков тоже не было слышно. Да куда же она запропастилась, ведь за какую-нибудь минуту она не могла уйти далеко?! Эмма даже окинула взглядом стены, вспомнив о способности игрушки подниматься по вертикальным поверхностям – но тоже безуспешно.

Зато она услышала другой звук – подъехавшей к дому машины. Очевидно, вернулся Джон. Черт, она не ждала его так рано... или просто не уследила за временем?

Хлопнула входная дверь. Эмма закрыла дверь детской и сделала было движение в сторону спальни, но подумала, что не успеет скрыться там прежде, чем Джон появится в коридоре, и пошла навстречу мужу.

– Как съездил? Купил, что хотел? – она постаралась говорить как можно приветливее и

тут же почувствовала, что ее голос звучит фальшиво. Перед ее глазами все стоял рисунок с детским силуэтом у окна. Он видел и знал все это время, видел, знал и лгал... Но кстати – пусть Джон видел в окно, как отец избавляется от трупа матери, но как он мог видеть саму сцену убийства? Неужели он был тогда в комнате, где ссорились родители, а вовсе не в детской, как утверждал?

А как, спрашивается, эту сцену могла увидеть *она*? Пусть Джон был свидетелем, пусть он, бог его ведает зачем, рассказал об этом Джиму – но как, черт побери, все это могло попасть в сон Эммы, не имевшей об этих событиях никакого понятия?!

– Да, – односложно ответил Джон на заданный вслух вопрос, стягивая кроссовки.

– Кстати, ты не видел мою книгу? Вальтера Скотта, которую я читала?

– Я отвез ее в библиотеку.

– Но я ее еще не дочитала!

– Разве? – Джон посмотрел на нее со вполне натуральным удивлением. – Утром я нашел ее валяющейся на полу рядом с кроватью. Я поднял ее и спросил, прочитала ли ты ее, и ты ответила утвердительно.

– Не было ничего подобного! – Эмма возмущенно вскинула брови.

– Потом ты перевернулась на другой бок и снова заснула. Но ответить ты ответила.

"Может быть, я действительно пробурчала что-то сквозь сон, не особо даже понимая, о чем речь", – подумала Эмма, чей праведный гнев мигом уступил место смущению. Она абсолютно не помнила этой сцены, но прекрасно понимала, что такое могло быть.

– Вот я и решил, что заодно заброшу ее в библиотеку, чтобы тебе лишний раз туда не мотаться, – продолжал Джон.

– Но... ты ведь понимаешь, что я в любом случае еще буду ходить в библиотеку? За новыми книгами...

– Ну да, когда-нибудь потом. А сейчас ты вроде говорила, что не слишком хорошо себя чувствуешь, но боялась, что просрочишь книгу? – он вновь пристально посмотрел на нее прежде совершенно нехарактерным для него уличающим взглядом мужлана, убежденного, что все женские болячки – одно притворство, придуманное, чтобы отказывать законному супругу в сексе. Хотя... Эмма с удивлением поняла, что сама не помнит, когда они занимались этим в последний раз. Кажется, еще до дня рождения Джимми. И вовсе не потому, что она отказывала. Джон сам в последнее время не проявлял к ней никакого мужского интереса.

– Да, я... я понимаю, ты хотел, как лучше. Спасибо за заботу, но я действительно не дочитала...

– А чего там дочитывать, – усмехнулся Джон. – Они поженились и жили долго и счастливо. Все эти книги кончаются одинаково, – он словно процитировал ее собственные мысли, но не остановился на этом. – Не говоря уже о том, что они давно умерли. Все, о ком писал твой Вальтер Скотт, и в этой книге, и в остальных. Так что какая разница? Кончилось тем, чем кончается всегда.

Эмма не нашлась, что ответить. Если рассуждать с такой точки зрения – что ей никогда прежде не приходило в голову – то действительно, чтение всех исторических романов бессмысленно. По крайней мере, в плане сочувствия персонажам. А об исторических событиях гораздо точнее и лаконичнее рассказывают энциклопедии...

– Ма-ам?

За спиной у нее стоял Джимми.

– Привет, ковбой, – сказал Джон. – Помоги папе притащить доски из машины.

Но мальчик проигнорировал отца.

– Где моя игрушка? – требовательно спросил он.

– Откуда мне знать? – ненатурально удивилась Эмма. – Там, где ты ее оставил, я полагаю. Или там, куда она ушла оттуда.

– Ее нет в моей комнате. Я везде посмотрел.
– Значит, ты опять плохо закрыл дверь, – Эмма почувствовала укол стыда, возводя на сына эту напраслину, но тут же напомнила себе, что он и сам врал ей в лицо не менее нагло насчет тех рисунков. – Найдется твоя игрушка, никуда не денется. Где-нибудь бродит по дому. В любом случае, она слишком большая и яркая, чтобы затеряться.
– Это ты ее забрала, – произнес мальчик обвиняюще.
– Джим! – возмущенно воскликнула Эмма.
– Не груби маме, – неожиданно (хотя – почему неожиданно?) поддержал ее Джон.
– Верни ее, – веско сказал Джимми. – Будет лучше, если ты ее вернешь, – не дожидаясь ответа, он повернулся и побрел в сторону детской. Джон смотрел ему вслед, словно забыв, что только что просил сына помочь с досками (впрочем, едва ли он так нуждался в помощи девятилетнего мальчика на самом деле). Затем, когда за ребенком закрылась дверь, мужчина перевел взгляд на жену.
– Я не брала ее, – честно ответила Эмма. – Я понятия не имею, где она.
– Ладно, – брюзгливо ответил Джон, – разбирайтесь сами, а я займусь делом.
Вскоре с чердака уже вновь неслись звуки дрели и молотка.
Но привезенные Джоном доски так и остались в кузове.

До вечера игрушка так и не нашлась. Собственно, никто ее и не искал: Джимми сидел в детской, очевидно, уверенный, что мать раскается и принесет ему игрушку, как она уже сделала когда-то, Джон работал на чердаке, а Эмма тем более не собиралась разыскивать эту штуку. В-первых, ей казалась нелепой сама идея поисков такой большой и приметной вещи, а во-вторых... если бы игрушку нашла она, это лишь подтвердило бы подозрения Джимми (и, возможно, Джона), что она же ее и спрятала. Нет уж, пусть сами наткнутся на нее где-нибудь в коридоре, на кухне или, может, даже в ванной. Хотя дверь ванной обычно бывает закрыта...

(как и дверь твоей спальни в ту ночь, когда она пришла к тебе, помнишь, Эмма?)

Ужин обиженный Джимми, похоже, собирался бойкотировать и поплелся на кухню только после того, как Джон довольно резко велел ему "не выпендриваться". Впрочем, Эмма поняла, что он сделал это не для того, чтобы поддержать жену или авторитет родителей в целом; у Джона был раздраженный вид человека, которого достали глупостями и который не желает выслушивать "всякую чушь", от того бы таковая ни исходила.

Хотя – кто это, интересно, мог достать его на чердаке?

Однако после семейного ужина, прошедшего в гробовом молчании, Эмма почувствовала, что вся эта ситуация достала ее саму. И что она желает отыскать чертову ходячую штуковину хотя бы для того, чтобы покончить с неопределенностью (по крайней мере, с *этой* неопределенностью) и не споткнуться об игрушку где-нибудь в темноте.

Эмма последовательно обходила дом; она повсюду зажигала свет, закрывала за собой дверь (словно и впрямь имела дело с живым существом, способным выскользнуть в коридор у нее за спиной), а затем обследовала каждый угол, отдергивала занавески, отодвигала кресла и стулья. и заглядывая подо всю мебель, которая была слишком тяжелой, чтобы ее сдвинуть – и ту, что привезли они, и ту, старую и рассохшуюся, что стояла здесь со времен покойной хозяйки. Все было тщетно. Последней Эмма обследовала дальнюю угловую комнату, в которую никто из них почти никогда не заходил с самого момента переезда. Как Эмма знала от мужа, это была спальня тети Люси. Но они не бывали здесь, разумеется, не из боязни привидений, а потому, что из всего дома эта комната находилась в наихудшем состоянии; очевидно, именно над ней крыша протекала всего заметнее, и за несколько лет, что дом стоял заброшенным, пол здесь не просто покорежился, как в других комнатах, а практически сгнил, и ходить по нему было просто опасно – любая доска могла треснуть и провалиться под ногой в любую минуту. Тяжелую, но узкую железную кровать с проржавевшей сеткой и кресло с заплесневевшим сиденьем они с Джоном в

свое время отсюда выволокли на улицу, но монументальный шкаф требовал куда больших усилий и поэтому так и остался подпирать стену почти пустой комнаты. Эмма все же периодически осторожно заходила сюда, чтобы забрать с пола и опорожнить пластиковый таз после дождя. Хотя подставлять тазы, конечно, все равно было поздно, пол здесь надо было менять целиком – особенно если они и впрямь останутся в доме на длительное время – но это не имело смысла, пока не ликвидированы протечки сверху, так что Эмма вынуждена была признать, что Джон верно определил порядок работ – от которых, правда, пока не чувствовалось никакого толку.

Она зажгла одинокую лампочку без абажура, окинула взглядом гнилой пол пустого помещения – и, ступая, как по тонкому льду, двинулась через комнату к шкафу. Во всей спальне – если не во всем доме, учитывая предыдущие неудачные поиски – это было единственное место, где могла бы оказаться игрушка. Если, конечно, оставить в стороне вопрос, как она туда забралась. Шкаф не запирался на замок, но тяжелые разбухшие и перекошенные дверцы открывались с большим трудом. Никакой, к примеру, сквозняк – даже ураганный – их открыть и потом закрыть точно не мог. И игрушечная нога на присоске тоже.

А может быть, это Джимми, подумала Эмма. Она уже заглядывала в детскую и спрашивала у него, не нашел ли он свою игрушку, и он лишь сердито покачал головой, глядя на нее с видом "ты сама прекрасно знаешь!" Но что, если он опять соврал? Если он нашел игрушку и спрятал, желая досадить матери? Прежде Эмма не заподозрила бы своего любимого сына ни в желании, ни в способности столь нагло лгать, но после истории с рисунками... И тогда, конечно, он спрятал игрушку не у себя в детской, чтобы не нарваться на разоблачение. А вот здесь – в той комнате, куда ему, как и в подвал, не велели ходить и где при этом не было решительно ничего для него интересного – очень даже запросто. Это было бы для него почти что алиби.

Эмма с усилием потянула за ручки шкафа. Дверцы чуть скрипнули и снова замерли, словно кто-то держал их изнутри. Эмма сердито дернула сильнее. В тот же момент сверху донеслись сильные и резкие удары молотком – Джон, похоже, что-то заколачивал прямо над головой у Эммы – так что с потолка даже посыпалась мелкая труха. И – вероятно, от сотрясения – лампочка коротко вспыхнула и тут же погасла, перегорев. На улице августовский вечер еще не истлел до полной темноты, но комната с задернутыми плотными шторами мгновенно погрузилась во мрак.

Дверцы шкафа, поддавшись уже бесполезному усилию, распахнулись. Эмма успела подумать, что в фильме этот шкаф скрывал бы какую-нибудь страшную тайну – скажем, дневник тети Люси, повествующий, почему она так больше никогда не вышла замуж и прожила затворницей до конца своих дней и какую роль во всем этом сыграл взятый ею в дом малолетний племянник. Или в шкафу даже оказался бы даже скрюченный, затянутый паутиной мумифицированный труп Эмили Хоррелл (с какой стати Люси Мортон, пусть даже решившей покрыть преступление своего брата, хранить разлагающееся тело в собственной спальне, оставим на совести сценариста). Но Эмма уже заглядывала в этот шкаф при свете дня и знала, что он пуст.

И, едва она подумала это, что-то коснулось ее лица.

Эмма рефлекторно мотнула головой и махнула рукой, подумав: "Проклятые мухи!" И тут же ее щеку возле самого глаза пронзила острая боль, словно туда воткнули раскаленную иглу. А затем, в промежутках между ударами сверху, Эмма слышала в темноте нарастающее прямо перед ее лицом раздраженное гудение. Вторая игла впилась в ее руку, еще державшую ручку дверцы.

Осы! Черт, да этот шкаф полон ос!

Эмма шаррахнулась назад, даже не захлопнув дверцы, и бросилась бежать прочь из комнаты. Возможно, если бы она видела врага, то сохранила бы больше спокойствия – но в темноте ею мгновенно овладела паника. Она не думала о том, что осы – не ночные насекомые и,

хотя и способны атаковать того, кто потревожил их гнездо, вряд ли станут преследовать его в такое время; она просто бежала, забыв обо всякой осторожности. И, разумеется, гнилая половица глухо хрустнула под ее ногой, и Эмма рухнула на пол, тут же взыв от боли в лодыжке. Лодыжке все той же злосчастной правой ноги, пальцы которой она еще недавно отбила об игрушку! Объятая ужасом, уверенная, что сейчас в ее тело вопьются сотни ос, Эмма попыталась ползти, но не то пыточные клещи, не то костяные пальцы с острыми когтями впились в ее ногу и потянули ее вниз, под пол...

Когда Джон прибежал на истошные вопли жены, не услышать которые невозможно было, даже работая на чердаке, он обнаружил Джимми, стоявшего перед закрытой дверью спальни тети Люси, но не решавшегося войти. То, что заставляло его мать так кричать, должно было быть *очень* страшным. Джон поспешно отстранил сына и распахнул дверь.

У него не было с собой фонаря, и он не знал, что внутри нет света. Свет из коридора выхватил из мрака перекошенное лицо и простертые руки Эммы, которая тянулась к нему, словно утопая в трясине.

На Джона, однако, все это не произвело впечатления.

– Что? – спросил он. – Ты таки провалилась под пол и повредила ногу? Я же говорил, что нечего сюда вообще ходить! Какой смысл здесь прибираться, если всю эту гниль все равно надо разобрать и выкинуть?

– Вытащи меня отсюда! – Эмма, наконец, обрела способность изъясняться членораздельно. – Скорее! Здесь осы! Полно ос!

– Какие еще осы? – Джон стоял в дверном проеме спиной к свету и не двигался с места; она не могла различить выражение его лица. – Что ты здесь вообще делаешь в темноте?

– Осы! В шкафу! Лампочка перегорела! Я сломала ногу! Меня что-то держит! Да помоги же мне, идиот!

– Если кто из нас и идиот... – проворчал Джон, но, наконец, шагнул внутрь.

– Закрой дверь! – тут же завопила Эмма. – Они разлетятся по всему дому!

– И вытаскивать тебя на ощупь? – Джон, похоже, считал слова про ос полным бредом. – Если хочешь, чтобы я тебе помог, просто заткнись на минутку, окей?

Он неспешно (вероятно, не желая разделить ее собственную участь, хотя Эмме казалось, что он просто издевается) подошел к ней, наклонился в полумраке над застрявшей в дыре на месте половицы ногой и попытался ее высвободить, но Эмма лишь закричала еще громче. "Ладно, погоди, я схожу за инструментом", – буркнул Джон и направился к выходу. Эмма хотела было снова крикнуть ему, чтобы он закрыл дверь, но тут же представила, как останется здесь одна в темноте

(а он запрет дверь снаружи и больше никогда не вернется, и она будет медленно умирать, как бывшая хозяйка этого дома – и, возможно, в компании таковой)

и промолчала. "Где Джимми?" – подумала она, глядя на освещенный прямоугольник дверного проема. Он ведь не мог не слышать воплей матери и должен был, ну, хотя бы поинтересоваться, что случилось. Или он так перепугался, что боится подойти? Впрочем, пусть держится подальше, потому что осы... Или ему запретил отец?

Эмма вновь попыталась освободиться самостоятельно – теперь она понимала, что ее ногу удерживают вовсе не костяные пальцы с когтями, а соседние половицы. Но ничего не получалось. Лодыжка застряла намертво, и вдобавок при каждой попытке сдвинуться в нее впивалось что-то острое – может быть, щепка, но эта щепка была чертовски прочной!

Джон вернулся, с мощным фонарем в одной руке и пилой в другой. У Эммы вдруг возникла паническая мысль, что он собирается отпилить ей ногу, а вовсе не удерживающие ее доски. Она представила себе это так ясно, словно увидела на одном из *тех* рисунков. Но пила вгрызлась в дерево. Трухлявая, хотя и толстая половица поддавалась легко, и уже через минуту нога была высвобождена из ловушки. Джон медленно провел фонарем вдоль лодыжки, затем

крепко пощупал ее пальцами, вызвав у Эммы на сей раз не крик, а только жалобный стон.

– Перелома нет, – констатировал он. – Ты просто подвернула ногу, она сразу же опухла и застряла. И еще поранилась о гвоздь. Ничего особенного, – он протянул ей руки и помог подняться. Обнимая его за плечи одной рукой, Эмма поковыляла в коридор. По ее лицу текли слезы.

– Дверь, – снова повторила она, всхлипнув. – Закрой. Там осы.

– Ты опять за свое? Какие осы в это время?

– Джон, я не чокнутая! У них гнездо в шкафу! Вот, видишь? – она повернула к нему ужаленную щеку, которая все еще болела.

– Ничего не вижу, кроме красной от слез физиономии. Ладно, ладно, – он закрыл дверь злосчастной комнаты, – я проверю потом.

Он помог ей добраться до кровати. Эмма впервые смогла рассмотреть свою пострадавшую ногу при свете, и – хотя Джон и уверял, что это не перелом, и был, видимо, прав – увиденное ей не понравилось. Ни раздувшаяся, как у слона, багровая лодыжка с утонувшей где-то в глубине опухоли щиколоткой, ни, особенно, рана от старого ржавого гвоздя, все еще кровоточившая.

– Надо вызвать врача, – жалобно сказала Эмма.

– Не говори глупостей. Промыть, забинтовать, приложить лед, и за пару дней все пройдет.

– А если будет столбняк? Или сепсис? – она не была уверена, что это не два названия одного и того же, но твердо знала, что попадание грязи в рану – это очень, очень опасно. В детстве ей здорово влетало за каждую разбитую и не смазанную в ту же секунду йодом коленку. Лишь позже она осознала, насколько забавно сочетание религиозной ортодоксальности ее родителей с их же твердой верой в неукоснительное соблюдение медицинских процедур...

– Ничего не будет. Я же сказал, промоем рану. Мы не можем вызывать "скорую" из-за каждой царапины, ты забыла, у нас нет страховки?

Следующие четверть часа он занимался ее ногой, и, хотя он не был груб и уж тем более не старался специально сделать ей больно, Эмма не могла отогнать от себя мысль, что его прикосновения ей неприятны. словно она была какой-нибудь лошадкой, а он – даже не ветеринаром, а фермером старых времен, вынужденным теперь с нею возиться вместо того, чтобы на ней пахать. Он не говорил ей, что она сама во всем виновата – хотя бы на это его хватило – но определенно так считал и не высказал также и никакого сочувствия, которого жена вправе ожидать от мужа, даже если, черт побери, она действительно сама во всем виновата!

– А где Джимми? – спросила Эмма вслух, когда Джон вернулся из кухни с грелкой, наполненной кубиками льда из холодильника.

– Да... ему, пожалуй, уже пора спать, – откликнулся Джон.

– Вряд ли он мог заснуть, когда я так орала. И когда ты громыхал на чердаке, – добавила она мстительно.

– Он стоял перед дверью... той комнаты. Я сказал ему, чтоб шел к себе и что я со всем разберусь.

На самом деле Джон не говорил этого. Он вообще ничего не говорил мальчику – просто отодвинул его, почти оттолкнул.

– Ладно, – сказал он, поднимаясь, – пойду проверю, лег ли он. И заодно посмотрю на твоих ос.

– Джон, там действительно осы. Надень перчатки и закрой чем-нибудь лицо.

– Ладно, ладно, – ответил он тоном "отвяжись" и вышел из комнаты.

Несколько минут спустя он вновь заглянул в комнату. На его руках и впрямь были перчатки, причем в левой он держал пакет для мусора с завязанной горловиной, и лицо его было несколько сконфуженным.

– Да, – признал он, – в шкафу было осиное гнездо. Довольно большое. И когда они только успели? – словно в подтверждение своих слов он тряхнул пакетом, заставив Эмму испуганно вскрикнуть: "Осторожно, они вылетят!"

– Нет, – возразил Джон. – Они мертвые. Они все сдохли. Ты, наверное, успела заметить гнездо прежде, чем погас свет, а остальное тебе померещилось.

– Ничего мне не мерещилось! И ничего я не успела увидеть! Меня укусили! – последнее слово она произнесла таким отчаянным тоном, словно речь шла о вампире или зомби, а не об обычной осе.

– Ну, может быть, одна или две еще живы, – не стал спорить Джон. – И где-нибудь там прячутся по углам. Завтра еще раз гляну при свете. Кстати, а зачем ты вообще полезла в этот шкаф?

– Я... – Эмме вдруг стало стыдно признаваться, что именно она искала. Теперь, по крайней мере, ясно, что в шкафу игрушки нет, раз Джон ничего не сказал об этом. – Так, хотела проверить одну мысль. А что Джимми? – поспешно спросила она. – Он так и не нашел свою игрушку?

– Не знаю. Кажется, нет. Я заглянул к нему, он уже лег. Я сказал ему, что ты упала, но с тобой все в порядке.

– И как он отреагировал? – Эмму теперь уже не очень удивляло равнодушие Джона, но она не могла поверить, что Джиму совершенно все равно, из-за чего так кричала мама!

– Никак. По-моему, он уже спал.

– Или притворился, – буркнула Эмма.

– Я в его возрасте засыпал мгновенно, – пожал плечами Джон. – Ладно, пойду это выкину.

Он вышел, и Эмма устало откинулась на подушку. Лодыжка онемела от холода, но, по крайней мере, больше не болела, и Эмма представила себе, как отек тоже спадает. Но все же вряд ли она сможет нормально ходить раньше, чем через дня три-четыре...

Снова тихо приоткрылась дверь, и Эмма подумала, что вернулся Джон. Но, приподняв голову, она увидела Джимми. Он стоял на пороге в пижаме и босиком. Эмма вымученно улыбнулась и открыла рот, желая сказать ему что-то успокаивающее, но мальчик опередил ее:

– Я же говорил – будет лучше, если ты ее вернешь, – произнес он и, не дожидаясь ответа, вышел.

На следующий день Эмма едва могла ковылять по дому и почти не вставала с кровати. Нога, несмотря на ледяные компрессы, раздулась еще больше, чем накануне. В доме не нашлось ни подходящей противоотечной мази, ни эластичного бинта, и следовало бы, конечно, съездить в аптеку, но Эмма не чувствовала себя в состоянии вести машину, а Джон отнекивался, говоря, что ему нужно закончить то, что он начал на чердаке, до очередного дождя, а нога завтра-послезавтра пройдет и так.

Когда зазвонил телефон, Эмма лежала перед телевизором и смотрела передачу про обезьян на Animal Planet. Эмма не любила обезьян, и ее раздражали длинные и одинаковые рекламные паузы через каждые четверть часа, но надо было занять себя хоть чем-то – и желательно максимально далеким от окружающей реальности. Собственно, именно выключив звук из-за очередной рекламной паузы, она и услышала звонок – в противном случае она бы наверняка пропустила его, ибо телевизор орал чуть ли не на полную громкость, дабы заглушить, в свою очередь, звуки с чердака (за последние дни Эмма пришла к убеждению, что теперь будет ненавидеть завывания дрели всю оставшуюся жизнь). В свою очередь, Джон со своего чердака наверняка не слышал телефона. Выслушав две или три трели – идти, разумеется, никуда не хотелось – Эмма лениво-мстительно подумала было "ну и черт с ним!", но затем спохватилась. Ей подумалось, что это звонит Линк, который нашел что-то важное. Более важное, чем все

предыдущее. И ей совсем не хотелось, чтобы трубку снова схватил Джимми.

Эмма слезла с кровати и как могла быстро заковыляла в коридор и дальше к телефону, почти уверенная, что не успеет. Она ведь, наверное, услышала даже не первый звонок, когда выключила звук. Но телефон продолжал звонить – пятый, шестой, седьмой раз – с каждым разом все больше убеждая ее, что это действительно Линк, желающий сообщить ей нечто, что она должна узнать во что бы то ни стало. Наконец на восьмом звонке, морщась от боли, Эмма схватила трубку.

– Алло?

– Могу я поговорить с мистером Хорреллом? – голос был мужской, но незнакомый.

– Ээ... – растерянно промычала Эмма, ожидавшая совсем не этого. – Да, конечно. А кто его спрашивает? – почему-то ей пришло в голову, что звонящий представится доктором из психиатрической клиники.

– Это из корпорации Дэйтон-Хадсон. Мы получили его резюме и хотели бы обсудить с ним работу в нашей сети Target.

– Да! Да, конечно. Сейчас я позову его. Спасибо вам, что не повесили трубку! Вы понимаете, муж работает на чердаке, а я повредила ногу, так что не могла ответить сразу...

– Никаких проблем, мэм, – вежливо, но холодно перебил голос, напоминая, что ему нужны не ее оправдания, а Джон Хоррелл.

– Подождите еще минутку, – сказала Эмма и с той же поспешностью захромала по обратному по коридору в сторону спущенной с чердака лестницы, по которой наверх змеился толстый красный провод.

– Джон! – закричала она. – Звонят по поводу работы!

Наверху гудела дрель. Затем смолкла, но лишь для того, чтобы смениться звуками пилы. Затем дрель взревела снова.

Перспектива карабкаться по лестнице Эмму с ее нынешней ногой никак не прельщала, и она продолжила кричать, надсаживая горло и думая, что ее крики, наверное, слышно даже по телефону в другом конце коридора. Наконец с пятого или шестого раза смолкли звуки всех инструментов, и над краем люка в потолке появилось недовольное лицо Джона:

– Ну что такое? Я занят делом.

– Джон, тебе хотят предложить работу в Target!

– Скажи им, что меня это не интересует.

– Джон! – Эмма не поверила своим ушам. – Это же Target!

– Ну и что? Я не собираюсь работать за гроши.

– Но ты даже не выяснил, какие условия они тебе предлагают!

– А то я не знаю все эти крупные сети. Они выжимают человека, как лимон, платя ему самый мизер. У них десятки тысяч сотрудников, чего им церемониться? Ты же сама работала в Walmart'e и знаешь, что это такое.

– Но я работала простой кассиршей!

– Менеджер среднего звена не сильно от нее отличается. Все сливки получают жирные коты на самом верху.

– Но ты же сам отправил им свое резюме!

– Отправил, ну и что, что отправил? Мало ли какие глупости я делал в жизни... – он посмотрел на нее таким взглядом, словно хотел добавить: "Женился на тебе, например". – К счастью, некоторые из них исправить гораздо проще, чем другие.

– Джон, если ты сейчас откажешься от работы, даже не поговорив с ними, это как раз будет глупость, исправить которую будет трудно, – тем не менее, твердо произнесла Эмма.

– Когда мне потребуется твое мнение, я спрошу, – он сделал движение, чтобы снова скрыться в недрах чердака.

– Джон!

Он обернулся с видом "ну что еще?"

– Значит, мы остаемся здесь? Это окончательно?

– А что по-твоему, я зря затеял весь этот ремонт? – он исчез за краем люка.

Эмма вернулась к телефону, опираясь рукой о стену, чтобы как можно меньше ступать на больную ногу.

– Вы слушаете? Спасибо вам за звонок, но оказывается, мой муж... уже нашел работу. Я сама только что узнала.

– Я понимаю. Хорошего дня, мэм.

Да, подумала Эмма. Хороший день – это как раз то, чего мне не хватает.

Она простояла некоторое время с трубкой в руках, прислушиваясь. На чердаке ревела дрель, а из детской доносились мультяшные голоса. Нет, решила она, никто меня не подслушает – и набрала номер библиотеки. Ей не понадобилось искать карточку – телефонный справочник лежал на тумбочке рядом с аппаратом.

Женский голос вновь обещал ей позвать Линка, но затем в трубке настала тишина – столь долгая, что Эмма подумала, не разорвалась ли связь. Но, наконец, знакомый молодой голос сказал: "Алло?"

– Линк, это Эмма Хоррелл, – она говорила, понизив голос и прикрывая трубку ладонью. – Не могли бы вы еще кое-что узнать для меня? Вы проверяли только Хорреллов, то есть мужскую линию. Но не могли бы проверить и женские линии? Предков Клары Хоррелл, в частности. И более ранние. И еще... у меня есть подозрение, что Харви Хоррелл мог быть усыновлен. Я понимаю, это трудно проверить, тем более спустя столько лет, но это было... если было, конечно, не в младенчестве, ему было уже лет десять, а когда ребенок впервые появляется в семье уже таким большим, это уже не скроешь, должны были остаться...

– Миссис Хоррелл, – перебил ее Линк бесцветным голосом, – я уже выяснил для вас, что мог. А теперь, пожалуйста... не звоните мне больше.

– Джон, – догадалась Эмма, вспомнив о визите мужа в библиотеку. Она-то думала, что он просто бросил книгу в ящик для возврата, даже не заходя внутрь... – Он говорил с вами? Угрожал вам?

– Он... – Линк помедлил. – Он подошел ко мне на улице, когда я вышел покурить. ("Я и не знала, что этот мальчишка курит", – подумала Эмма.) Спросил, как себя чувствует мой дядя. Я ответил, что он что-то путает, потому что у меня нет и никогда не было дяди. Теперь я понимаю, что сглупил. Вы что-то сказали ему про моего дядю, да? Я должен был вам подыграть... но я же не мог догадаться! Я даже не знал, кто передо мной. Он представился уже после этого...

"Значит, Джон все знает, – обреченно поняла Эмма. – То есть, по крайней мере, он знает, что я обманула его насчет дяди и машины. И, конечно, навоображал себе черт знает чего еще..."

Что ж – во всяком случае, это объясняло его недружелюбие и отсутствие сочувствия.

– Он угрожал вам? – снова спросила она вслух. – Может... ударил вас?

– Нет, ничего такого, из-за чего я мог бы обратиться в полицию. Он сказал, что благодарит меня за помощь, которую я оказал его жене, но убедительно попросил меня больше с ней, то есть с вами, не общаться.

– Убедительно, – усмехнулась Эмма.

– Очень убедительно. Миссис Хоррелл, мне не нужны проблемы.

Вот вам и юный рыцарь, спасающий прекрасную даму из замка Синей Бороды, подумала Эмма с отвращением. Трус. Жалкий трус. В жизни все опять совсем не так, как в фильмах.

А с другой стороны – почему, действительно, он должен за нее впрягаться? Особенно после того, как она ясно дала ему понять, что он не может рассчитывать ни на что, кроме простого "спасибо"? Возможно, коль скоро ей был нужен союзник, ей не следовало так старательно изображать из себя недотрогу – нет, совсем не обязательно было ложиться с ним в постель, но хотя бы вести себя посвободнее... тем более что Джон все равно вообразил то, чего

не было... но теперь уже, кажется, слишком поздно.

– А вы? – Линку, кажется, все же стало неловко. – Он угрожал вам или бил?

– Нет, – вздохнула Эмма.

– Если он сделает что-то подобное, обратитесь в полицию, – убежденно произнес Линк. – Они помогут. А я... я просто компьютерщик.

– Да, конечно. В любом случае, спасибо за то, что вы уже для меня сделали. Хорошего дня, Линк.

Уже третью ночь подряд (или все-таки вторую?) Эмма проводила в одиночестве. Двое суток назад она сама хотела, чтобы Джон спал в другой комнате, хотя так и не успела сказать ему об этом. На следующую ночь он не пришел в их общую спальню, ничего не сказав по этому поводу ей. Возможно, счел, что нежелание спать в одной постели с человеком, к ноге которого привязан ледяной компресс, естественно и не требует пояснений. И вот теперь он тоже, ничего не говоря, ушел в "комнату для гостей"... хотя теперь Эмма сомневалась, что дело в одной лишь ее ноге. Главное, она не могла даже оправдываться. Джон не предъявлял никаких претензий. С того последнего разговора за ужином (воистину последнего, ибо все последующие семейные трапезы проходили в угрюмом молчании – отец и сын не говорили не только с ней, но даже друг с другом!) Джон ни разу не упомянул Линка. И Эмма не сомневалась, что если сама поднимет эту тему, то лишь укрепит его подозрения... если это вообще можно назвать подозрениями, а не уверенностью. Кто оправдывается, обвиняет себя, у французов, кажется, есть такая пословица... Тем более, что она могла бы ему сказать? Она ему врала, он это уже знает и никаким ее словам не поверит. Парадоксальным образом, если бы ей действительно *было* в чем сознаваться и она бы это сделала, то, возможно, они бы сумели, как говорят в таких случаях, пройти через это и двинуться дальше, как бывает у многих семейных пар. Далеко не всякая вскрывшаяся измена кончается разводом... Но в том-то и дело, что признаваться ей не в чем. Разве что в том, что она подозревает, что ее муж – псих из рода потомственных психопатов-убийц. И, возможно, *такое* признание было бы для него гораздо хуже признания в супружеской измене. Впрочем, он ведь уже знает, что Линк ездил по ее просьбе в его родные места, и наверняка догадывается – зачем. Но и об этом тоже ничего не говорит.

Потому что он и есть псих, подумала Эмма, лежа в темноте на спине и глядя широко открытыми глазами в невидимый потолок. Психи именно так себя и ведут. Не орут и не закатывают скандалов, это-то как раз ерунда. Настоящие психи не предъявляют никаких претензий и сохраняют полное внешнее спокойствие, пока безумие, как рак, разрастается у них внутри. А потом, в один прекрасный день, берут вилы или топор и...

Эмма отказывалась в это поверить. Они с Джоном прожили десять лет, и это были хорошие годы. Но и все те женщины на рисунках успели прожить со своими мужьями довольно, чтобы вырастить достаточно больших детей. Хотя, конечно, в прежние времена развестись было сложнее – даже не юридически, а просто это было не принято, считалось, что "какой бы ни был, а свой", и его надо терпеть, браки вершатся на небесах, и на женщину, ушедшую от мужа, смотрели, как на шлюху...

И все же это пустые догадки, сказала себе Эмма. Не основанные ни на чем, кроме детских рисунков. Если кому-то сказать, это прозвучит просто смешно...

А это его внезапное желание отказаться от предложений работы (*хорошей* работы, Эмма не сомневалась, что предложение Target было уж точно не хуже, а скорее – лучше той должности, что он потерял) и податься в фермеры? Хотя, конечно, когда жизнь сбивает нас с накатанных рельсов, наше первое желание – немедленно вернуться обратно. Но если это не удастся сделать быстро, то мы начинаем смотреть на прежнюю жизнь другими глазами, и то, что казалось естественным, может вдруг утратить всякую привлекательность... Но неужели ей придется теперь запереть себя в этой глуши? Она же сойдет с ума от скуки... Да и что получится

из фермерских амбиций человека, который, кем бы там ни были его предки, сам никогда в жизни даже цветка в горшке не выращивал?

Надо все-таки заснуть, устало сказала себе Эмма. Она уже, наверное, полночи предается этим бесплодным раздумьям, от которых все равно ничего не меняется. А утром у нее наверняка будет болеть голова...

Заснуть ей удалось только ближе к утру, зато потом ее не могли разбудить даже рев и грохот с чердака. Точнее, эти звуки будили ее неоднократно, но Эмма тут же проваливалась в мутный и тяжелый сон снова. Несколько раз она думала, что пора бы встать, но лишь переворачивалась на другой бок. Это было знакомое ей состояние, когда спишь не потому, что организму физически нужен сон, а потому, что не хочется возвращаться в реальность.

Наконец она все же заставила себя разлепить веки – судя по косым лучам солнца из окна, было уже хорошо за полдень – и села на кровати, упираясь в нее руками. Голова, как и следовало ожидать при столь позднем подъеме, болела. И не только голова. Нога тоже неприятно ныла, хотя накануне на ней больно было только ходить, а вот без нагрузки она не беспокоила.

Эмма размотала сделанную перед сном повязку. Худшие подозрения подтвердились: слоноподобный отек на лодыжке не спадал, но главное – кожа вокруг раны от гвоздя была густо-розовой, вздувшейся даже на фоне остальной опухоли и нездорово теплой на ощупь. Именно эта рана и была источником боли. Сине-черные ногти, отбитые об игрушку, прелестно дополняли картину. Нога казалась принадлежащей мертвецу, причем далеко не первой свежести.

– Джон! – Эмме вновь пришлось долго кричать, стоя у подножья лестницы на чердак. – Джон, да спустись же ты наконец!

– Ну чего? – он нехотя слез по ступенькам.

– Джон, мне нужен врач! Это серьезно! Смотри, какое воспаление!

Он некоторое время скептически осматривал рану при не слишком ярком свете в коридоре.

– Ничего страшного. Помажь еще вазелином.

– Ты издеваешься? Какой вазелин?! Ты хочешь, чтобы у меня была гангрена?

– Ну какая еще гангрена, – поморщился Джон. – Любая рана сначала воспаляется, прежде чем начать заживать. Что такое воспаление? Это просто прилив крови к поврежденному месту. Иммунная система делает свое дело.

– Спасибо, доктор, – издевательски скривилась Эмма. – Я что-то запомнила, в каком университете вам выдали врачебный диплом?

– В том же, в каком и тебе, – огрызнулся Джон. – С каких пор ты стала специалистом по гангренам?

– Не надо быть специалистом, чтобы знать, что нога вчера не болела, а теперь болит! И выглядит хуже!

– Ну ладно, ладно. Прими пару таблеток аспирина, а я попозже съезжу в город и заодно куплю какую-нибудь противовоспалительную мазь.

– Тут мазью не отделаешься. Тут нужен антибиотик. Тебе не продадут без рецепта.

– Фармацевт наверняка что-нибудь подберет. Он разбирается в теме лучше, чем ты.

– Джон, – она попыталась говорить спокойно, – я понимаю, что у нас нет страховки и тебе жалко денег. Правда, я не очень понимаю, как это сочетается с твоим отказом от хорошего заработка...

– Ты опять за свое?

– Ладно, ладно, – она была сама покорность. – Но ты понимаешь, что я такими темпами могу остаться без ноги?

– Не говори глупости. Это всего лишь царапина.

– Царапина?! Грязный ржавый гвоздь вонзился мне в ногу, наверное, на целый дюйм!

– Там и четверти дюйма не было. А во времена твоего Вальтера Скотта люди выживали

после того, как их протыкали насквозь. Без всяких антибиотиков.

– Какие выживали, а какие и умирали.

– Но тебя никто не протыкал насквозь.

Эмме вспомнилась женщина, корчащаяся на вилах. Окровавленные зубья торчали из ее живота, и ноги бились в воздухе...

Были ли слова Джона угрозой?

– Ладно, – осторожно сказала Эмма. – Давай вместе съездим в город. Если в аптеке подберут что-нибудь эффективное без рецепта, то и okay. А если нет, я пойду к врачу.

– Ты что, мне не доверяешь? Думаешь, я не куплю то, что нужно?

– Но ты же не знаешь, что скажет аптекарь, верно?

– Ладно, – ответил Джон с раздражением, – только позже.

– Когда?

– Когда я закончу там наверху!

"Ты уже который день не можешь там закончить!" – подумала Эмма, но вслух лишь спросила: – А как поживает Джимми?

– А что с ним делается? Играет там у себя... или телевизор смотрит.

– Ты его кормил?

– Конечно, мы завтракали.

– Уже пора обедать.

– М-да? – Джон посмотрел на часы. – Как летит время, когда занят делом.

"... а не бездельничаешь и дрыхнешь по полдня, как некоторые", – почувствовала Эмма недосказанное окончание фразы. Впрочем, когда дрыхнешь, время летит еще быстрее.

Словно услышав их разговор, Джимми вышел из детской и направился к родителям.

– Па-ап, я есть хочу, – сообщил он, игнорируя мать.

– Да, ковбой, сейчас что-нибудь сообразим, – Джон положил руку ему на плечо, и отец и сын ушли на кухню, даже не поинтересовавшись у Эммы, собирается ли она к ним присоединиться.

Эмма не собиралась. Еще одна трапеза в гробовом молчании – это последнее, что ей сейчас было нужно. Да и аппетита не было совершенно. Перекусит в одиночестве что-нибудь потом, когда будет чувствовать себя лучше.

Она приковыляла в ванную, достала из аптечки две таблетки аспирина, разжевала, чтобы быстрее подействовал, запила водой из-под крана, как всегда, закашлявшись от попавших в горло едких крупинки. Все-таки смазала ногу вазелином, за неимением лучшего варианта, и заклеила пластырем. Он этих усилий – тяжелая болезненная пульсация в висках и лбу только усилилась, да и нога отзывалась тупой болью на каждый шаг, но Эмма сказала себе, что лекарство скоро подействует.

Сидя на бортике ванны, она решила, что не будет дожидаться, пока Джон отвезет ее в город. Это отговорки. Никуда он не собирается ее везти. Провозится до вечера, а потом скажет "ну видишь, уже поздно, давай завтра". А завтра повторится все то же самое.

Нет. Она поедет сама. Жать на педали такой ногой не слишком удобно, ну ничего. Ей нужно не выиграть NASCAR, а всего лишь проехать дюжину миль по прямой и практически пустой дороге. Она только дожидется, пока Джон вернется на свой чердак. Она, конечно, обещала ему не брать машину, не предупредив. Но она была уверена, что он попытается ей помешать. Скажет что-то типа "ну если тебе себя не жалко, пожалей мою машину", а если она будет настаивать, что чувствует себя достаточно хорошо для безопасной езды – заявит "ну а зачем тогда тебе вообще ехать?" Уловка-22, да. Будь она и в самом деле здорова, она бы проигнорировала все его возражения. Просто выскочила бы на улицу и села в машину, ну не побежит же он за ней, чтобы вернуть в дом силой! Но теперь, когда она едва ковыляет... она вовсе не была уверена, что он попросту не преградит ей дорогу прямо в коридоре. Уж лучше

вытерпеть скандал после возвращения. Хотя... хотя перспектива скандала ее тоже пугала.

Особенно теперь. Пожалуй... да, возможен компромиссный вариант: она тихонько выберется из дома и заведет мотор, а потом подъедет под самые окна и будет бибикать, пока он не выглянет. Тогда она поставит его в известность, куда и зачем отправляется (как, собственно, и обещала), а дальше он может возмущаться, сколько угодно – она просто газанет и уедет.

Эмма вернулась в спальню, чтобы одеться. Такую ногу, конечно, желательно прятать под брюки и полностью закрытую обувь... но ни ее любимые узкие джинсы, ни кроссовка на нее сейчас просто не налезут. Опять уловка-22. Ладно, ограничимся носками подлиннее и сандалиями на низком, конечно же, каблуке. Все еще летнее солнце на улице светило вовсю, и Эмма надела легкую блузку и натянула джинсовые шорты, в которых выбиралась из дома и в прошлый раз. Дождалась, пока наверху снова взревет дрель (что, интересно, можно сверлить столько времени?), затем выскользнула в коридор... то есть, конечно, хотела выскользнуть, а на деле неуклюже выбралась и похромала в прихожую. Надевая сандалии, убедилась, что ремешок приходится точно на рану от гвоздя. Проклятье! Ну не ехать же в домашних тапках? Обдумав всерьез такую альтернативу, решила все же не застегивать ремешок. Уже открыв дверь, хлопнула себя по карманам шорт, проверяя: бумажник в правом кармане, ключи в... где ключи?

Ее ключей не было. Ни в левом кармане, ни в правом. Ни в сумочке, ни на тумбочке, ни, как она убедилась, вернувшись в спальню, на прикроватном столике, ни в джинсах. Не было нигде.

Эмма дважды перерыла спальню, не забыв посмотреть даже под кроватью (что-то она уже так искала недавно... ах да, так и недочитанную книгу. Убьют там этого герцога или нет? По всему выходило, что убьют, но он того заслуживал) – прежде чем, полная мрачных предчувствий, отправилась вновь выкликать мужа с чердака.

– Ну сказал же – позже! – сердито пробурчал Джон, появляясь в люке, но не демонстрируя намерения спуститься.

– Я подумала, что могу не отвлекать тебя и справиться сама. Только... ты случайно не знаешь, где мои ключи?

– Какие ключи?

– От машины и от дома, – терпеливо, как идиоту, пояснила Эмма. – Они все на одном брелке. Я не могу их найти.

– Полагаю, они там, где ты их оставила, – медленно произнес Джон. Словно цитируя ее недавний ответ сыну по поводу игрушки.

– Очень смешно, – выдохнула Эмма. – Я не знаю, на что ты намекаешь, но, во-первых, я не была ни в каких неизвестных тебе местах. А во-вторых, если бы я забыла ключи где-то вне дома, как бы я, по-твоему, приехала обратно?

– Ты могла обронить их на крыльце, – выдал Джон более логичную версию. – Там щели.

Эмма, уже открывшая было возмущенно рот, вынуждена была мысленно признать, что это не исключено. Крыльцо действительно было щелястым (что становилось особенно заметно, когда старые доски прогибались под ногами) и даже с дыркой от сучка, сквозь которую ключи запросто могли провалиться внутрь.

– Вот лучше бы ты сначала крыльцо починил, – проворчала Эмма.

– Всеу свое время. Сначала надо закончить с крышей. Завтра обещают сильные грозы.

– Ну хорошо, могу я тогда взять твои ключи?

– Чтобы ты и их тоже потеряла? С чем мы тогда останемся?

– Джон! Какая, по-твоему, вероятность, что я потеряю еще одни ключи?!

– Такая же, – отрезал он. – И потом, куда ты поедешь? В кузове доски.

– Ничего, съезжу с ними.

– Они мне нужны.

– Ну так вытащи их!

– Позже.

– Ну ладно, а если я сама разгружу твои доски? – менее всего ей хотелось этим заниматься, но...

– Ну если ты настолько хорошо себя чувствуешь, значит, аптека может потерпеть до завтра, если вообще, конечно, понадобится, – он все-таки выдал этот аргумент.

– Завтра? Ты же обещал съездить сегодня.

– Сегодня не успеваю. Я же сказал, завтра будут сильные ливни. Ты хочешь, чтобы у нас тут все залило?

"Тогда погода может помешать нам поехать завтра", хотела сказать Эмма, но поняла, что все бесполезно. Он будет придумывать любые отговорки, лишь бы только не дать ей уехать.

И теперь она уже почти не сомневалась, что именно он спрятал ее ключи.

И что теперь делать? Звонить в полицию – "муж не выпускает меня из дома в аптеку и к врачу"? Наверное, они придут. Сейчас уже не те времена, когда провинциальная полиция предпочитала не вмешиваться в семейные разборки. Может быть, отвезут ее в больницу, а его – в участок. Хотя, что они ему смогут предъявить? Он скажет: "Жена потеряла ключи, а я не могу отвезти ее в город прямо сейчас, ремонтирую крышу. И не могу дать ей свой ключ, вы посмотрите на ее ногу, в таком состоянии нельзя безопасно вести машину. Она не сможет вовремя переставить ногу с газа на тормоз. Не обращайтесь внимания, она просто распахивалась из-за месячных." Но пусть говорит, что хочет, если она получит помощь... Но что потом?

Эмма чувствовала, что потом будет конец. Если она вызовет полицию против своего мужа, это окончательно похоронит их брак. Брак, который она считала счастливым и неизбежным еще... а, собственно, когда в последний раз? Когда именно что-то пошло не так?

Не когда Джона уволили. Это сломало их быт, но не их отношения. Тогда Джон, наоборот, нуждался в ней больше, чем прежде. Все начало портиться позже, буквально в последние недели. Причем как-то быстро, резко и без какой-либо определенной причины. Сначала она видела причину в том, что Джон был внезапно выбит из привычной колеи, вынужден жить в доме, где прошло его явно тоскливое детство и куда он в свое время поклялся не возвращаться и, главное, не может найти новую работу. Казалось, что, если его поиски увенчаются успехом, все вернется в норму, и унылый дом Люси Мортон останется в прошлом, как страшный сон. Но вот теперь, как выяснилось, новая работа ему вовсе и не нужна, а в доме он желает остаться по собственной воле! Это совершенно сбило Эмму с толку. И не в Линке тут дело, разумеется – в прежние времена Джон первый бы посмеялся над подобными подозрениями. Не призрак же тети Люси, в конце концов, ревнуя племянника, пытается разрушить их брак...

Нет, конечно. В призраков она не верила. А вот в недолеченную психическую аномалию, активизировавшуюся в результате стресса от потери работы и всего привычного стиля жизни...

И все же Эмма не могла поверить, что человек, с которым она бок о бок прожила десять лет, может поменяться так резко и необратимо. Что он может быть *опасен* для нее и ее сына. Для их общего сына... В конце концов, Джон и раньше доводилось переживать стрессы, бывали периоды, когда его нагружали на работе так, что не продохнуть, и он мог быть не самым нежным супругом в такие дни, но тогда Эмма не чувствовала никакой угрозы их браку – не говоря уже об угрозе собственной безопасности. А если бы он должен был сломаться из-за психических травм, перенесенных в детстве, он бы сломался еще тогда. И теперь она вновь и вновь напоминала себе, что все ее подозрения не основаны ни на каких реальных фактах. Детские рисунки, сны и собственные фантазии, раздувающие ужас-ужас из каждой усталой-раздраженной реплики или естественного, в общем-то, для мужчины проявления ревности. Что-то пошло не так, да, и продолжает развиваться в неправильную сторону, несмотря на все ее усилия – но Эмма верила, что все еще можно исправить. Обратное было бы слишком глупо и нелепо. Надо просто... как-то перетерпеть, пока Джон перебесится. А вот если она вызовет полицию, это уже будет точка невозврата. Ситуация окончательно выйдет из-под контроля,

пойдет вразнос и что там еще говорят в таких случаях.

И кстати, если все-таки дойдет до развода, кому достанется Джимми? Чаше ребенка отдают матери, но Джон будет бороться. В этом Эмма не сомневалась. Он уже сейчас... Нет, она опять-таки не могла сказать, что он специально настраивает сына против нее. Все это были лишь ощущения, не подкрепленные никакими фактами. Но Джимми дует на нее уже третий день, считая, что она забрала у него *папину* игрушку. (Где все-таки эта чертова штука? Может, у нее наконец-таки кончился ее заряд, завод или что у нее там, и она валяется, окончательно выключившись, в каком-нибудь... нет, Эмма успела проверить все углы, шкафы и кладовки и заглянуть под всю мебель, а выбраться на улицу игрушка никак не могла, ни через запертую дверь, ни через окно, там сетки от насекомых...) И надо с этим как-то кончать. Бывало и раньше, что Джимм обижался на маму, иногда справедливо (она тоже человек!), чаще, конечно, нет – но никогда это не затягивалось так надолго. Эмма должна убедить его, что не брала эту штуковину. Она *может*, в конце концов, признаться, что выпустила ее из детской, но понятия не имеет, куда та подевалась потом... И Эмма решительно, насколько позволяла ее нога, заковыляла в сторону детской.

Она была почти уверена, что вновь застанет сына за рисованием каких-нибудь ужасов. Как и в прошлый раз, когда он лишился из-за нее своей игрушки. Но Джимми, сидя посреди комнаты, катал по полу гоночную машину, заставляя ее въезжать на пологие деревянные выпуклости и скатываться с них. Эмме впервые пришлось в голову, что с точки зрения ребенка покоробленный пол может быть лучше ровного и гладкого.

"Ведь вот есть же у него нормальные игрушки!" – подумала она. Она уже, кажется, сама стала забывать об этом, ибо с самого дня рождения сына не видела, чтобы тот играл с чем-то кроме отцовского подарка. А теперь, может, Джим уже успел забыть о нем, и она совершенно зря вознамерилась ему об этом напомнить?

Но нет. По угрюмому взгляду, которым сын встретил мать, она поняла, что он ничего не забыл.

– Джимми, – стараясь не морщиться от боли, она опустилась на корточки рядом с ним, – ты так и не нашел свою игрушку?

– Ты знаешь, – мрачно ответил мальчик, глядя на нее исподлобья.

– Джим, я *действительно* не брала ее. Она вышла из твоей комнаты и куда-то ушла. Это уже не в первый раз. Но прежде мы быстро ее находили (*или, скорее, она находила нас*, подумала Эмма мрачно), а теперь... Солнышко, я сама хочу знать, куда она делась. Я перерыла весь дом. Я повредила ногу, когда пыталась ее найти. Видишь? – Эмма указала на свою распухшую лодыжку, выглядевшую устрашающе даже в носке, надеясь на сочувствие. Неужели этому мальчишке какая-то картофелина на ножках важнее, чем страдания собственной матери?

Мальчик слушал, никак не реагируя. Мол, если ты хочешь произнести все эти пустые слова – произнеси их и уходи. Если ты, конечно, все еще не поняла, что *ее* надо вернуть...

– Джим! – потеряла терпение Эмма. – Ну ты что, не веришь мне? Так нельзя. Твоя мама никогда тебя не обманывает.

– Ты обманывала моего папу, – наконец снизошел до ответа Джимми. – Значит, можешь обманывать и меня.

– Ах вот как?! – Эмму охватил гнев, и она вскочила, не обращая внимания на боль в ноге. – Значит, по-твоему, я лгу? А мне кажется, что лжец здесь кое-кто другой! И знаешь, есть лишь одно место, где я еще не искала – это твоя комната!

Действительно, она думала, что даже если он нашел игрушку и спрятал, то не в собственной комнате, потому что тогда его будет слишком легко разоблачить. Но что, если он рассчитывал именно на такую логику – и на то, что, соответственно, в детской искать не будут? Слишком сложно для девятилетнего? Никогда не стоит недооценивать детей...

Эмма вытащила на середину комнаты коробку с игрушками сына, перевернула,

вытряхивая содержимое на пол. Раскидала образовавшуюся кучу здоровой ногой, но того, что она искала, там не было – что, впрочем, было заметно с самого начала. Эмму это не остановило. Она решительно направилась к шкафчику для одежды (что-то хрустнуло под ее ногой – кажется, это была фигурка Супермена), распахнула дверцы, принялась выхватывать висевшее внутри вместе с вешалками. На пол полетели рубашки, майки, брючки, шортики... Шкаф быстро опустел; игрушки не было и здесь. Эмма неумолимой и яростной Немезидой двинулась дальше, обходя комнату по периметру. Книжные полки... во все стороны разлетелись комиксы в ярких обложках, взмахивая страницами, словно агонизирующие бабочки – хотя едва ли игрушку удалось бы спрятать за ними. Стол... Эмма выдернула и перевернула ящик – на пол посыпались цветные карандаши, разноцветные стеклянные шарики, бейсбольные карточки и еще какая-то мелочь... Эмма заглянула под стол и, словно не доверяя собственным глазам, пошарила рукой, проверяя, не висит ли игрушка, прицепившись присосками к столешнице снизу. Нет? Ну ладно, дальше! Тумбочка под телевизором...

Джимми молча стоял посреди комнаты, двумя руками прижимая к себе свою гоночную машинку, и лишь его ошарашенный взгляд сопровождал громившую его комнату фурию, в которую превратилась вдруг его мать. Последним предметом мебели на пути Эммы была кровать, и уж тут она в любом случае рассчитывала на поживу, даже если игрушки под кроватью и не окажется. Она докажет маленькому засранцу, кто здесь лжец!

– Вот! – торжествующе воскликнула она, потрясая перед носом сына стопкой извлеченных из-под матраса листов. – Ты врал мне в глаза, мне и папе, говоря, что их нет и не было!

– Что это? – испуганно пролепетал Джимми, пятясь от нее.

– Это?! У тебя еще хватает наглости спрашивать, что это? Это твои рисунки, которые ты вынул из альбома! – Эмма принялась перебирать их по одному, тыча сыну в лицо. – Все эти ужасы! ("Это не..." – пытался что-то сказать мальчик, но она не слушала.) Вот! Вот! Вот!

Они снова мелькали у нее перед глазами – кричащая половина разрушенной девочки, беременная, ползущая на культиях, стекающие по стене мозги усатого, глаз, вылетающий из черепа женщины (*Эмили!*)...

Внезапно Эмма замерла. В ее руке был последний лист – тот, на котором убийца уносил в мешке труп жены. Этот рисунок она демонстрировала Джимму, но сама при этом видела листок с обратной стороны. В прошлый раз эта сторона была чистой. Теперь же на ней тоже появилось изображение.

Рисунок изображал полутемную комнату. На кровати лежал на спине уже знакомый Эмме плешивый убийца с брюшком. Его глаза были закрыты, рот открыт – возможно, он храпел. Рука бессильно свешивалась, на полу под ней лежала бутылка; из ее горла вытекла небольшая лужа. Рядом с кроватью, глядя на спящего, стоял мальчик в трусах и майке.

В его руке была горящая спичка.

– Что здесь происходит?

Эмма резко обернулась, машинально прижимая к груди рисунки. На пороге детской стоял Джон, недоуменно озирая произведенный ею разгром.

Должно быть, она устроила здесь такой грохот, что даже он услышал с чердака. Эмма запоздало поняла, что уже несколько минут сверху не доносилось никаких ремонтно-строительных звуков.

Она совсем не хотела показывать ему эти рисунки. Особенно последние. Особенно после того, как увидела самый свежий. Но, похоже, деваться было уже некуда.

– Вот, – сказала она. – Полюбуйся. Те самые страшные рисунки нашего сына, из-за которых ты выставил меня чуть ли не сумасшедшей. Вы с ним на пару делали из меня идиотку. А они, как видишь, совсем не плод моего воображения. Джим прятал их под кроватью.

– Но я не прятал! – громко и возмущенно воскликнул Джимми, и по его щекам побежали

слезы. – Я не знаю, как они туда попали!

– И кто это нарисовал, ты тоже не знаешь? – холодно осведомилась Эмма.

– Нет! Я впервые это вижу! Честно!

– Не думала, что мой сын может так нагло лгать в лицо своим родителям, – произнесла Эмма с отвращением.

Джон тем временем перебирал рисунки. На последних он задержался чуть дольше, но ничего не сказал по поводу увиденного.

– Ну а это все? – произнес он вместо этого, брезгливым жестом указывая на погром в детской. – Это тоже устроил Джим?

– Нет, – вынуждена была признать Эмма. – Это... я искала его игрушку. Думала, он прячет ее здесь. А вместо этого нашла рисунки.

Джон выразительно посмотрел на нее. Эмма понимала, как это выглядит со стороны. Искала игрушку сына и разнесла вдребезги его комнату. Хорошо еще хотя бы мебель не переломала (но стул валялся на полу кверху ножками – она перевернула его, чтобы осмотреть со всех сторон, помня, как игрушка в первый же день ловко вскарабкалась на спинку). И, кстати, она опять соврала. Рисунки она нашла не сейчас, а раньше. Вот что бы ей стоило честно сказать об этом? Зачем она сама запутывает себя в паутину лжи, теряя доверие и мужа, и сына? Но тогда бы Джон спросил, почему она не показала ему рисунки сразу, и...

– Ладно, Эмма, – устало произнес Джон. – Иди к себе. Я поговорю с Джимом.

– Тебе не кажется, что мы должны поговорить с ним вместе?

– По-моему, ты его чертовски перепугала. (Джимми продолжал всхлипывать и тер кулаком глаза; другой рукой он все еще прижимал к груди машинку.) Не думаю, что сейчас выйдет толк из его разговора с тобой.

– Ладно, я... хотя бы приведу тут все в порядок.

– Иди, Эмма, – Джон не дотронулся до нее, но в то же время фактически теснил ее к двери. – Я сам со всем разберусь.

Ну да, подумала Эмма. Добрый папа исправит все, что натворила злая мама. Так это будет выглядеть. Но у нее уже не было сил возражать. За вспышкой бешенства наступила апатия. К тому же побежденная было аспирином головная боль вновь возвращалась, и лодыжка, о которой она совсем забыла во время яростного рейда по детской, тоже ныла.

Где-то через час, а может, и раньше, Эмма снова услышала дрель и молоток на чердаке; ей оставалось лишь страдальчески морщиться под эти звуки. Никто не позвал ее к ужину, да она и сама не хотела – ни есть, ни составлять им компанию. Джон вообще так и не заглянул к ней в их еще недавно общую спальню – ни обсудить произошедшее, ни поинтересоваться ее самочувствием. Что, в общем-то, тоже ее устраивало. Она не знала, как говорить с ним. Говорить с человеком, который десятилетним ребенком сжег заживо собственного отца в отместку за убийство матери и все это время жил с этим. Жил, может быть, и не помня об этом... пока она не напонила. Хотя – при чем тут она? Это же рисунки Джима, а тот... тот мог узнать об этом только от отца. А она, получается, теперь проникла в их семейную тайну. Но все-таки, зачем Джону делиться подобным с маленьким ребенком? Даже если, допустим, он рассказал это просто как страшную историю, не упоминая, кем именно были ее персонажи... *Потому что он чертов псих*, да – простой ответ, но слишком универсальный. Из той же серии, что "потому что такова божья воля" или "потому что я так сказала". Объяснение, которое ничего не объясняет.

Ну, допустим, терзавшая его столько лет тайна (которую, возможно, в свое время он скрыл даже от врачей в клинике, раз страховка все же была выплачена) так рвалась наружу, что он должен был поделиться ей хоть с кем-то – и счел, что ребенок, которому в случае чего все равно никто не поверит, будет самым безопасным выбором. Но почему Джим настаивает, что не имеет к рисункам никакого отношения? Потому что поклялся папе никогда не рассказывать поведенную ему страшную историю ни в какой форме и теперь боится наказания? Или... не

было никакого рассказа, а Джимми просто увидел все это во сне? Ведь были и прошлые убийства, о которых Джон, по идее не должен был знать – но если во сне может явиться некое откровение... Эмма, конечно, сочла бы подобную версию полной ахинеей – если бы только не видела такой сон сама. Оставим в стороне вопрос, откуда это откровение берется... но что, если такой необычный сон – нечто вроде транса, и Джимми, допустим, нарисовал эти картинки, сам не осознавая, что делает? Хотя, конечно, он никогда не страдал ничем похожим на лунатизм... как и она сама, но ведь тогда она вскочила и бросилась вон из комнаты, сама еще не отличая сон от реальности. Что же получается, у нее скрытые способности медиума, а у ее сына они проявляются в еще большей мере? Никогда она не верила во всю эту спиритическую чушь...

Или все гораздо проще? Не было никаких прошлых убийств, Линк был прав. Джон просто придумал их. Придумал, чтобы замаскировать среди вымышленных страшных историй, рассказанных сыну, одну подлинную. Или даже – придумал подсознательно, чтобы оправдать самого себя неким родовым проклятием, и сам в это уверовал... Но чего можно ждать от него в таком случае?

От всех этих мыслей у Эммы только сильнее разболелась голова, но она не решилась выйти из комнаты даже за таблеткой. Она снова чувствовала себя, как в детстве – беспомощной маленькой девочкой, с которой, в принципе, не делают ничего *особенно* ужасного, но которой отчаянно некомфортно в собственном доме и деваться при этом совершенно некуда, тем более на ночь глядя, а потому остается лишь забиться в свою комнату и тихо сидеть там на кровати, подтянув колени к груди, обхватив их руками и надеясь, что все о ней забудут и никто не войдет.

Лишь совсем поздно, когда в доме давно прекратились уже всякие звуки, она крадучись прохромала по темному коридору на кухню и обнаружила там оставленную для нее тарелку с картошкой. Эмма через силу заставила себя разогреть ее в микроволновке и съесть. Некоторое время после этого ей казалось, что ее сейчас вырвет, и, пожалуй, она приветствовала бы такое развитие событий в надежде на дальнейшее облегчение, но оно так и не настало. Наглотавшись таблеток и кое-как обработав ногу (багровое пятно вокруг раны выглядело жутко, но Эмма сказала себе, что все дело в электрическом свете), она отправилась спать.

Утро – или то, что было утром в ее спутанном тяжелым, нездоровым сном сознании – настолько походило на предыдущее, что у Эммы в какой-то момент возникло сомнение, а не приснился ли ей вообще весь вчерашний день. Явное нежелание Джона везти ее к врачу или хотя бы в аптеку, спрятанные ключи, погром в детской, рисунки... мальчик с горящей спичкой, кидающий ее в лужу пролитого виски... хорошо бы всего этого не было! Просто сон, просто дурной сон, как и тот, про убийство. А реальность – это все тот же бесконечный рев и грохот на чердаке, который она слышит даже во сне, налитая свинцом голова и дергающая боль в ноге.

Именно эта боль в конце концов все же заставила Эмму вернуться в действительность, несмотря на все ее сопротивление. Вернуться и признать, что вчерашний день все-таки был. Тогда боль была тупой и ровной, к ней можно было привыкнуть и не замечать. Сегодня стало гораздо хуже.

Эмма села на постели, чувствуя одновременно с пульсирующей в висках тяжестью неприятную, муторную легкость, которая не могла быть следствием чересчур затянувшегося сна. Она потрогала горячий лоб холодными пальцами. Так и есть, у нее жар. Эмма размотала повязку, и то, что она увидела, по-настоящему ее испугало.

Отек, вызванный подвернутой лодыжкой, кажется, несколько спал, зато рана от гвоздя выглядела страшно. Кожа вокруг нее натянулась до блеска и пылала пунцовым; опухоль расползлась на половину ступни. Если накануне Эмма не могла застегнуть ремешок, то теперь, наверное, и вовсе не втиснула бы ногу в сандалию. Тем более что прикосновение к опухоли отзывалось резкой глубокой болью – верное свидетельство гнойного процесса внутри.

Это уже не шутки. Она вызовет "скорую". Немедленно. И плевать, сколько потом за это

придется заплатить.

Эмма выбралась в коридор, морщась не только от боли в ноге, но и от отдававшегося в ее больной голове рева дрели, и вполголоса помянула Джона и его ремонт такими словами, за которые в свое время мать вымыла бы ей рот с мылом и оставила бы без еды на целый день. Он ведь хотел закончить вчера, потому что сегодня якобы будут дожди... или это была всего лишь отговорка? Пока, по крайней мере, дождя не было, хотя за окнами было довольно сумрачно... если это только не мутится у нее в глазах... Она добрела до телефона и схватила трубку.

Сигнала не было. Эмма несколько раз нажала и отпустила рычаг – без всякой пользы. Телефон был мертв.

Эмма нагнулась, рассматривая розетку. Но на сей раз штекер был воткнут, куда надо. Она выдернула его и снова воткнула, но и это не помогло.

Он перерезал провод, подумала Эмма. Перерезал его где-то снаружи, чтобы я не могла вызвать помощь. Он хочет уморить меня здесь. Или, может быть, отпилить мне ногу своей свежкупленной пилой под видом медицинской помощи и сэкономить на враче. Увидев вчерашние картинки, он окончательно слетел с катушек. Надо бежать. Хватать Джима в охапку и бежать.

Ключи... Джон часто оставлял их в прихожей, но сейчас их там, конечно, не оказалось. Вчера, насколько припоминала Эмма, их там тоже не было. Конечно, после того, как он спрятал ее собственные, свои он таскает с собой... В кино она, конечно, лихо завела бы пикап, соединив провода. Увы, в жизни она не умела делать ничего подобного. Ничего, главное – выбраться на шоссе, а там, хоть машины здесь проезжают и редко, кто-нибудь да подберет...

Эмма вернулась из прихожей к двери детской, откуда громко несись звуки очередного мультика. Очень уж громко, подумала она. Ну да, конечно – Джима, небось, тоже достает этот вой и грохот на чердаке, потому и пришлось включить телевизор на полную громкость, как и она сама делала недавно. Вообще-то это вредно, тем более он любит сидеть поближе к экрану, так и оглохнуть можно... хотя, конечно, сейчас она его заберет, и...

Эмма уже взялась за ручку двери и вдруг остановилась. Если дрель слышна в детской, то не исключено, что и телевизор слышен на чердаке. И если он внезапно замолчит, то Джон догадается...

Хотя – кто же ее заставляет выключать телевизор? Голова совсем не варит от боли и температуры... надо все-таки сначала таблетки, а потом уже... хотя, чтобы добраться до аптечки, ей придется пройти мимо лестницы на чердак... впрочем, это совсем не значит, что Джон ее заметит, он наверняка даже не возле люка, чердак большой... так, о чем она только что думала? а – забрать сына, оставив работающий телевизор! Конечно, она так и...

Пальцы Эммы вновь сомкнулись на дверной ручке, и вновь она замерла в последний момент. А кто ей сказал, что Джимми пойдет с ней без сопротивления? После того, что она учудила вчера, и можно только догадываться, что наговорил ему Джон... Нет, конечно, даже в ее нынешнем состоянии у нее еще хватит сил справиться с девятилетним ребенком

(если только он не лягнет ее как следует по больной ноге)

но если он поднимет крик, и отец, конечно, сразу же примчится с чердака... Сейчас она не сможет убежать даже одна. Ее надежда на спасение – только в том, чтобы добраться до шоссе незамеченной. И оставить сына в обществе психа, да. Но псих на чердаке, а мальчик в детской. Причем это продолжается уже давно, так что лишние полчаса, пока она поймает машину и вернется с полицией... То есть с такой ногой она, конечно, поедет в больницу, а полиция сама тут справится... Но если он увидит, как к дому подъезжают полицейские машины, на что он окажется способен? Что, если он объявит Джимми заложником? Или того хуже...

Они полицейские, сказала себе Эмма, они профессионалы, они знают, как действовать в таких случаях. Да, но когда имеешь дело с психом... что, если он попытается убить ребенка еще до того, как они вступят с ним в переговоры или сумеют проникнуть в дом? И вообще, много ли

заложников доводилось освобождать местным копам? В этой глухомани самое серьезное преступление, с каким они имели дело – это, небось, пьяная драка. Нет, она не может... не может бросить здесь Джима, не зная, что с ним будет... но не может и взять его с собой...

Дура. Какая же она дура, что не вызвала полицию вчера. Все еще на что-то надеялась... Ничто не вредит нам больше, чем наши надежды.

Эмма вновь неуверенно прохромала к входной двери. На самом деле ей не обязательно уезжать. Достаточно лишь остановить машину и сказать водителю, чтобы вызвал полицию, как только доберется до телефона. Вручить ему записку, да, чтобы он ничего не перепутал... надо написать записку... а самой вернуться в дом. Тогда она сможет защитить Джимми, когда они приедут. Сейчас из нее, конечно, не слишком хороший боец, тем более что Джон сильнее ее, даже когда она полностью здорова, это естественно, он же мужчина – но мать, защищающая свое дитя...

А что, если он увидит ее через чердачное окно? Увидит, как она бредет к шоссе или стоит там, ловя машину? Ему не составит никакого труда догнать ее и за пределами дома. Догнать и притащить обратно. В нормальной местности она могла бы рассчитывать на помощь соседей. Собственно, ей бы даже не понадобились никакие проезжие автомобилисты, достаточно было бы просто добраться до соседского дома... Но только не в чертовой Северной Дакоте, где за пределами крохотных городков расстояние между соседними домами может исчисляться милями.

А может, дожидаться, пока стемнеет? Но даже в пасмурную погоду это будет только в восемь вечера. Сколько, кстати, сейчас? Сколько она провалялась в постели с температурой? Она так и не посмотрела на часы... вернуться в комнату и проверить... но в любом случае, ждать допоздна слишком опасно. Джон хватится ее. Захочет проверить, как она там и почему больше не просится отвезти ее в город. А с другой стороны... ну и что? Она просто скажет ему, что ей стало лучше. Это успокоит его. Он скажет: "Вот видишь, я же говорил!" Он не придет в ярость, определенно нет. А если бы он хотел... причинить ей вред без всякого повода, он бы уже это сделал, так что главное – не дать ему повод. Тогда до вечера она и Джимми будут в безопасности.

Если, конечно, не брать в расчет ее ногу, которой нужен врач чем скорее, тем лучше. Но ради сына она сможет потерпеть еще несколько часов. Надо только принять таблетки. Голова раскалывается...

Эмма поковыляла в ванную, заставив себя миновать лестницу на чердак. Ей нечего бояться, даже если Джон высунется оттуда прямо сейчас. Она будет улыбаться и изображать из себя примерную жену. Не перестараться бы только насчет хорошего самочувствия, иначе он поинтересуется, почему она полдня валяется в постели вместо того, чтобы хотя бы приготовить им с сыном еду... Одна мысль о еде, кстати, вызывала у нее тошноту.

Джон ниоткуда не высунулся. Под взревания дреди из глубин чердака Эмма благополучно прошла мимо. Добравшись до ванной, ужаснулась, увидев в зеркале бледное опухшее лицо с красными глазами под кошмарной копной грязных, торчащих во все стороны нечесанных волос. Да уж – идеальная жена, пышущая здоровьем... Когда, кстати, она вообще последний раз мыла голову? Кажется – это было еще до ее болезненных месячных... Эмма разжевала таблетки и долго пила холодную воду из-под крана и умывала ею лицо. Стало немного легче. Она кое-как, не затягивая, замотала ногу – скорее в косметических, чем в лечебных целях – затем несколько раз, морщась, провела щеткой по волосам, не добившись большого успеха. И, уже закрывая аптечку – напомнившую ей другое хранилище – поняла, какая она идиотка.

Сейф в спальне! Пистолет! Никакого бегства под покровом темноты – она уходит прямо сейчас, уходит и забирает сына, и пусть Джон только попробует ей помешать!

Однако, пока она доковыляла до сейфа, ее радость озарения поубавилась. Во-первых,

действительно ли она готова угрожать пистолетом своему мужу, с которым прожила десять лет – пусть даже в итоге он и оказался психопатом... точнее, надо называть вещи своими именами, не угрожать, а *применить* пистолет? *Выстрелить* в него, если угроза не подействует – да еще и на глазах их сына? Чтобы тот тоже получил психическую травму на всю жизнь, как и сам Джон? А во-вторых, если Джон позаботился и о ключах, и о телефоне, неужели он не подумал о пистолете? Это только она, с ее спутанным болью и температурой сознанием, могла додуматься до этого так поздно... Вряд ли, конечно, Джон работает сейчас на чердаке с пистолетом за поясом (кобуры у него не было, он всегда держал оружие дома). Ему достаточно было просто поменять код...

Сейф был маленький – серый металлический куб, водруженный на тумбочку, и код – простенький, всего четыре цифры. Не столько от воров (физически крепкий вор, пожалуй, мог бы уволочь такой сейф целиком), сколько от Джимми. Поэтому и комбинация была нехитрой: 6891, год их свадьбы наоборот. Чувствуя, как учатившийся пульс отдается болью в висках, Эмма принялась крутить мягко клацавшее колесико.

Разумеется, без толку. Код не подошел. Без особой надежды Эмма попробовала 1986, потом текущий год, 1996, в прямом и обратном порядке, затем – 1964, год рождения Джона, и 1987, год рождения Джимми. Затем, с кривой усмешкой – свой собственный. Все было бесполезно.

Какую еще дату Джон мог хорошо помнить? 1975, поняла Эмма. Год пожара. Год, когда он убил своего отца.

Она набрала 5791. Нет. 1975. Опять нет.

Сколько нужно времени, чтобы перебрать все комбинации? Если это дата, то их не десять тысяч, и даже не сто (то есть не двести, беря прямой и обратный порядок). Джону всего тридцать два, и если это дата из его жизни, то получается 64. Из которых 12 она уже проверила. Нет, Джон Хоррелл, ты совсем не такой хитрый сукин сын, каким себя считаешь. Ты мог спрятать ключи и обрезать телефон, но утащить из общей спальни сейф ты не сподобился, как, видимо, и забрать оттуда оружие – иначе зачем менять код? Но код она подберет.

И Эмма снова принялась крутить колесико, даже не думая, что будет, если Джон войдет и застанет ее за этим занятием. Он не сможет сделать это неожиданно, она ведь прекрасно слышит его на чердаке. Хоть какая-то польза от этого проклятого рева и грохота...

Десять минут спустя, однако, она убедилась, что Джон Хоррелл все-таки более хитрый сукин сын, чем она надеялась. Ни один год его жизни не подошел. Рассудив, что вряд ли он выбрал кодом год из будущего, Эмма двинулась дальше в прошлое, начиная с 1963. Может, это окажется год рождения кого-то из его родителей? Или 1945, 1943, 1941? (Ей вспоминались рисунки в альбоме.) Какой-то из тридцатых или двадцатых? Нет, нет, нет...

Дойдя до 1900, Эмма остановилась. Обессиленно прикрыла глаза и помассировала виски. Аспирин, кажется, сбил температуру и уменьшил боль, но чувствовала она себя все равно препакостно, тем более после того, как надежда сменилась разочарованием. Все бесполезно. Это не может быть дата из далекого прошлого – Джон никогда не интересовался историей. Это вообще не дата. Какая-то другая комбинация, вычислить которую она не в силах.

Эмма посмотрела, наконец, на часы на прикроватном столике. Надо же, 5:28. Выходит, она и впрямь провалялась в постели с температурой чуть ли не целый день. Но до темноты, получается, уже не так уж и долго. После заката она сможет выбраться и без пистолета... вот только сколько времени в этом случае придется ловить машину? Здесь и днем-то почти никто не ездит... и остановится ли ночной водитель в этой глуши, заметив женщину, голосующую на обочине – да и заметит ли ее вовремя в темноте?

Ее размышления прервал раскат грома – пока еще довольно далекий, но все же достаточно сильный, чтобы прорваться сквозь шум с чердака. Эмма нехотя встала и проковыляла к окну. Да, похоже, по крайней мере на счет грозы Джон говорил правду. Низкое

небо без единого просвета, нависшее набрякшими сизыми ключьями над плоской бурой равниной заброшенных картофельных полей, являло собой, наверное, одно из самых унылых зрелищ на свете, словно это был никакой даже и не август, а глубокий ноябрь; но отечно-лиловый северо-восточный край этого неба выглядел особенно скверно. Когда этот отек расплзется на все небеса, вне всякого сомнения, холодный дождь хлынет как из ведра. Эмма как-то упустила это из виду. Если ей придется ловить машину не только в темноте, но и под проливным дождем... нет, конечно, водитель должен быть совсем бессердечным, чтобы не подобрать промокшую насквозь женщину в такую погоду, но для этого он должен еще заметить ее сбоку от дороги сквозь заливаемое водой стекло... причем до шоссе еще надо будет добраться, когда земля превратится в скользкую мокрую грязь, а она с такой ногой, и обуться может разве что в разношенные тапки без задников...

Глядя в окно, Эмма обнаружила и кое-что еще. Во дворе не было пикапа.

Само собой, Джон никуда не мог уехать. Она по-прежнему слышала, как он что-то сверлит на чердаке. И мысль о том, что эту развалюху мог кто-то угнать, тем более в здешней глухомани, была ничуть не менее нелепой. Значит... значит, "угонщиком" мог быть только сам Джон. Видимо, он еще утром, после того, как перерезал телефонный провод, куда-то отогнал машину – не очень далеко, конечно, так, что до нее можно добраться пешком, но только если знать, где она находится. Ему была нужна гарантия, что жена уж точно не сможет сбежать – даже если бы она вдруг и умела замыкать провода, как в фильмах.

Сколько у нее все-таки времени? Что он задумал? Может, отсутствие повода, о котором она так заботится, как раз и станет для него поводом? Может, все-таки рискнуть прямо сейчас, до темноты и до ливня? Джон, похоже, занят своим чердаком и вполне уверен, что она никуда не денется, раз ни разу не спустился ее проведать. Кто сказал, что он будет пялиться в окно на дорогу? Но если все-таки... второго шанса он ей уже не даст. Если бы хотя бы удалось привлечь на свою сторону Джимми... можно было бы отправить ловить машину его. Наверное, на него Джон не отреагирует так резко, даже если заметит. Конечно, Эмма сама не раз говорила сыну не подходить к шоссе – хотя с тех пор, как у него появилась эта игрушка, он и так почти не выходил из дома – и уж тем более никогда не садиться в чужие машины. Но Джимми все-таки достаточно умный мальчик, чтобы не лезть под колеса, и ему не надо уезжать с незнакомцем, нужно лишь передать записку... если бы только...

И тут Эмма поняла, как может вернуть расположение сына. Игрушка, да. Если она все-таки отыщет для него эту проклятую штуку... и теперь Эмма, кажется, знала, где искать.

Когда она говорила Джиму, что искала везде, кроме его комнаты, это была неправда. В доме оставалось еще два неосмотренных ею места. Чердак и подвал.

На чердак она теперь, понятно, сунуться не могла. Да и Джон, очевидно, вернул бы игрушку сыну, если бы та каким-то чудом оказалась там. Каким бы психом Джон ни был (*а может быть, как раз поэтому*), ему нравится, что Джимми играет с этим его подарком. Остается подвал. Игрушка могла упасть туда, если кто-то на время открывал люк. Допустим, Джон снова спускался туда за инструментами, хотя с тех пор он купил новые... но, может, он и их там хранит – те, которые не нужны ему на чердаке в данный момент. Или он делал там еще что-то

(копал могилу для жены, например)

и оставил люк открытым на достаточное время, чтобы случайно забредшая на кухню игрушка...

Случайно, ага.

Неважно. Если эта хреновина все еще в доме – она должна быть там, ибо больше просто негде.

Эмме совсем не хотелось спускаться в подвал, ставший могилой тети Люси. Нет, конечно, она по-прежнему не верила в привидения. Но с такой ногой у нее гораздо больше шансов

навернуться с крутой лестницы без перил, чем у несчастной старухи. И тем не менее, Эмма направилась на кухню. Надо спешить. Спустя какое-то время сюда пожалует Джон, чтобы сделать ужин себе и сыну. Кстати, на сей раз никакой еды для нее, не завтракавшей и не обедавшей, он не оставил, но иного Эмма уже и не ожидала. Она должна успеть отыскать игрушку и выбраться из подвала до его прихода, а из дома – до конца этого дня. Иначе она вряд ли увидит следующий.

Она прислушалась – Джон по-прежнему работал на чердаке, а Джим смотрел мультики – затем подняла крышку люка. Из темноты подвала дохнуло холодом и сыростью. Эмма уже спускалась туда раньше – хотя, кажется, всего один раз, когда они только унаследовали и осматривали этот дом, но ни разу после того, как они сюда переехали – и знала, что там, внизу, холодный земляной пол, поверх которого, как мостки через болото, проложены широкие занозистые доски. Неподходящее место, чтобы ходить босиком – но и спускаться по опасным ступенькам в своих тапках без задников она не рискнула, боясь оступиться (тем более при нынешнем состоянии ее лодыжки), поэтому сбросила их вниз, к подножью лестницы. Затем, повернувшись спиной к открытому люку, тяжело опустилась на четвереньки и спустила здоровую ногу в проем, нащупывая первую ступеньку. Таким образом она сползла вниз сперва по грудь, продолжая опираться руками на пол кухни, потом дотянулась до выключателя прямо под крышкой, зажигавшего свет в подвале, и, пригибаясь, опустила над собой крышку; даже если Джон войдет в кухню, он не должен заметить, что в подвале кто-то есть. Эмма продолжила спуск, теперь уже хватаясь руками за боковины лестницы. Такой способ позволил ей почти не опираться на больную ногу – вместо этого она всякий раз переносила вес на руки, со всей силы вцепляясь пальцами в деревянные. Правда, к тому времени, как она, наконец, нащупала левой ступней пол, ее руки и плечи ныли, словно после упражнений на турнике в школе (Эмма всегда ненавидела уроки физкультуры и тренера-садиста).

Она отыскала тапки и огляделась по сторонам. Подвал был велик – когда-то он служил погребом большой патриархальной фермерской семье, которая, впрочем, хранила здесь не только требовавшие холода и темноты продукты – и трех довольно тусклых лампочек, одной над лестницей и двух в глубине, было явно недостаточно для его освещения, особенно учитывая обилие перегородок – часть из них были продолжением, точнее, основанием стен наверху, другие, не доходившие до потолка, образовались, когда прежние хозяева сколотили здесь или перетащили сверху всякие шкафчики, стеллажи и узкие столы, заставлявшиеся домашними консервами, инструментами и разнообразным хламом, не отправившимся на чердак. Чердак, насколько понимала Эмма, был кладбищем, местом последнего упокоения вещей, поэтому туда даже не потрудились провести электрический свет; подвал же считался хранилищем предметов, в принципе, нужных – хотя бы теоретически – хотя своего вызова обратно в мир живых они могли дожидаться годами или не дожидаться никогда. Все эти стены и перегородки с приколоченными к ним самодельными полками образовывали настоящий лабиринт – не такой, конечно, чтобы в нем можно было заблудиться, но вполне достаточный, чтобы его дальние закоулки тонули во мраке, а поиски предмета длиной меньше фута среди многочисленных стеллажей, фанерных ящиков и картонных коробок превратились в не самую легкую задачу. Эмма успела позабыть об этом со своего прошлого визита семилетней давности и теперь жалела, что не взяла с собой мощный фонарь, с которым в свое время лазила на чердак (Джону этот фонарь был теперь без надобности, поскольку он протянул на чердак удлинитель). Но не лезть же теперь обратно! К тому же, будь ее рука занята фонарем, она бы не смогла спуститься и потом подняться избранным ею безопасным и щадящим ногу способом.

Ладно, как-нибудь. В крайнем случае будет выволакивать задвинутые в темноту под полками и столами ящики и коробки ближе к свету.

Эмма посмотрела на грубые доски под ногами в желтом круге света, по которым только что топталась босиком, отыскивая тапки. Это именно на них два дня умирала тетя Люси?

Именно на них две недели гнило ее тело? Ну а кто бы, собственно, стал их здесь заменять? Полиция, может быть, соскоблила несколько стружек для экспертизы, вот и все... Ладно. Это было семь лет назад. В конце концов, земля, по которой мы ходим и в которой выращиваем нашу еду – это тоже смесь давно разложившихся трупов с песком. А никаких привидений, разумеется, не бывает.

Черный жук длиной около дюйма вскарабкался на доску откуда-то сбоку и побежал прямо к тапкам Эммы. Она сперва брезгливо попятилась, но затем, видя, что он не оставляет намерения взобраться на ее больную ногу, с хрустом раздавила его этой же ногой, тут же поморщившись от боли и отвращения.

Это жук-могильщик, подумалось ей. Ты их притягиваешь. Они чуют поживу, как и семь лет назад...

К черту! Не хватало еще, пятась от подобной твари, споткнуться и грохнуться спиной о ступеньки. Ее живой муж на чердаке сейчас гораздо опаснее мертвой миссис Мортон.

Внезапный удар грома заставил Эмму вздрогнуть. С того момента, как над ее головой закрылся люк, она больше не слышала ни звуков с чердака, ни телевизора из детской. И раз звук грома все же пробился в подzemелье, значит, гроза уже близко. И даже если она найдет игрушку быстро, она вряд ли успеет...

С другой стороны, она может найти в этом подвале... не только игрушку. Но и что-нибудь, чем сможет защитить себя и сына, раз уж она не может добраться до пистолета. Нет, конечно, вряд ли здесь где-нибудь в углу стоит старое дедовское ружье, тем более – в пригодном для стрельбы состоянии. Но какой-нибудь большой нож... или, на худой конец, коса или вилы... Какая она все-таки дура, что не подумала об этом раньше!

Эмма решительно, насколько позволяла боль в ноге, двинулась вперед. Почти сразу же она заметила на фанерной полке справа керосиновую лампу, всю в пыли и паутине. Наверняка ею пользовались до того, как в подвал провели свет, но это было много десятилетий назад, и, конечно, ни капли керосина в ней давно не осталось, да и зажечь ее Эмме было бы нечем. И даже если здесь отыщется какой-нибудь фонарик, его батарейки тоже давно сели. Что ж, придется довольствоваться тем светом, что есть.

Эмма решила сначала обойти подвал, заглядывая во все углы и достаточно широкие щели, но не копаясь в содержимом коробок и ящиков: если игрушка попала сюда самостоятельно (и, очевидно, не разбилась при падении, поскольку рядом с лестницей она определенно не валялась), она, допустим, еще могла бы залезть в какую-нибудь коробку, но едва ли сумела бы закопаться на самое дно под прочий хлам так, чтобы ее не было видно сверху. Хотя теперь уже Эмма ни в чем не была уверена относительно этой штуки. Но если поверхностный осмотр ничего не даст – значит, придется перерывать здесь все.

Она двинулась по подвалу, словно по дешевому магазинчику, где товары свалены на полках без всякой системы и надо быть очень внимательным, чтобы не пропустить искомое. Вот только здесь было гораздо хуже освещение и нельзя было обратиться за помощью к продавцу. На полках и впрямь до сих пор громоздились большие стеклянные банки с какими-то, надо полагать, соленьями, обросшие пылью настолько густо, что уже невозможно было понять, что там внутри. Вряд ли это все еще съедобно, подумала Эмма. Вид у них такой, как будто они стоят тут с самой Второй мировой – если не с Первой. На длинном выщербленном верстаке с прикрученными к нему массивными тисками лежал большой точильный диск, а рядом с ним громоздился ящик, полный больших ржавых гвоздей, и у Эммы мелькнула мысль, что их хватило бы, чтобы распять целый батальон Иисусов. Ее мать хватил бы удар, услышав она от дочери столь кощунственную фразу, и мысль об этом доставила Эмме удовольствие.

Онаковыляла дальше, изучая полки, заглядывая под столы, в коробки и плетеные корзины. Почти все было в пыли и грязи, многое и в паутине; исключение составляли лишь некоторые инструменты, которые, очевидно, недавно трогал Джон (но ни один из них Эмма не

сочла подходящим для самообороны). Среди прочего барахла попался даже прислоненный к стене лошадиный хомут и граммофонная труба, правда, без самого граммофона. Интересно, здесь хоть кто-то когда-нибудь устраивал ревизию, или весь этот хлам копится в подвале уже без малого сто лет? Возможно, тут есть какие-нибудь вещицы, представляющие антикварную ценность, хотя, конечно, очень небольшую... Эмма вздрогнула, увидел свисавшую с крюка ржавую цепь. Ее воображению живо представилась беспомощная жертва, прикованная в этом подвале. Хотя, конечно, мало ли для чего может использоваться цепь в фермерском хозяйстве... Несколько раз она видела черных жуков на полу, но теперь они проявляли больше сообразительности и поспешно ныряли куда-то во мрак при ее приближении. Впрочем, они попадались ей в закоулках, освещенных столь тускло, что Эмма не поручилась бы, что это не игра ее воображения. Еще несколько раз сверху доносились раскаты грома, то громче, то тише, рождая у Эммы надежду, что, возможно, основной фронт грозы все же пройдет стороной.

Наконец Эмма, к своему разочарованию, вновь вышла к лестнице, так и не найдя ни игрушки, ни чего-нибудь колюще-режущего, способного *напугать* Джона. Что ж, раз беглый осмотр не помог, придется рыться во всех этих коробках всерьез. Как любила назидательно повторять ее мать, все дела трудны, пока не станут легкими.

Садиться на корточки Эмме было тяжело, так что приходилось разбирать содержимое стоящих на полу коробок в полусогнутом состоянии. Вскоре ко всем прочим ее удовольствиям добавилась ноющая боль в пояснице, а раскопки по-прежнему не приносили ничего, кроме старого хлама. Пыльная посуда, детская одежда, целый ящик пустых бутылок (их-то зачем хранили? делали какой-нибудь яблочный сидр? в округе, правда, ни единой яблони, но кто знает, что здесь было раньше...), окаменевший мешок с чем-то белым (какое-то минеральное удобрение, надо полагать), бухта веревки, нераспечатанные коробки древнего стирального порошка, грязные перчатки для работы в саду, кроличья клетка (вот где ее надо было искать, а не на чердаке), свернувшийся змеей поливочный шланг, велосипедный насос, какие-то металлические уголки для крепления неизвестно чего, слутая камера от колеса, судя по размеру – тракторного, еще бутылки, на сей раз заполненные бурой жидкостью без всяких этикеток (определенно что-то не пищевое), корзина с каким-то тряпьем...

Эмма сдвинула верхний слой ветхого тряпья, одновременно вытаскивая корзину из-под полки, и ее рука вошла во что-то сырое и скользкое, расплывающееся под пальцами, и в то же время вроде бы покрытое короткими жесткими волосками. Это была крыса. Огромная дохлая крыса лежала на боку в когда-то устроенном ею гнезде, и в ее раздутый гниющий живот утыкались полдюжины маленьких голых крысят, все, разумеется, тоже давно уже мертвые и разлагающиеся. И, тем не менее, эта мертвая плоть шевелилась, точнее, не она сама, а нечто в ней и вокруг нее, черное, бесформенное, липко блестящее... Жуки. Множество жуков-могильщиков. И, не успела Эмма осознать, во что именно она вошла, как они поползли на ее пальцы – и той руки, которой она вляпалась в эту мерзость, и второй, державшейся за край корзины.

Эмма опомнилась и с воплем ужаса и отвращения шарахнулась назад, отшвыривая корзину и резко выпрямляясь. В следующий миг она больно ударилась спиной о полку с другой стороны прохода. Что-то хрустнуло (обезумевшей от страха и омерзения женщине показалось, что ее позвоночник, но это была всего лишь фанера), и одна из тяжелых стеклянных банок, скользнув холодным округлым боком по ее плечу, грохнулась к ее ногам и разлетелась вдребезги, окатив босые ступни (она даже не заметила, как выскочила из тапок, шарахаясь назад) и лодыжки Эммы своим содержимым.

То есть жидкой составляющей этого содержимого, от чего рану под мигом промокнула повязкой обожгло, словно кислотой. Но Эмма даже не отреагировала на эту новую боль. В полном шоке она смотрела на то, что лежало на полу, почти касаясь ее левой ступни.

Меньше всего это походило на домашние консервы. Хотя в некотором смысле, очевидно,

и являлось таковыми.

Это было скрюченное, белесое, чрезвычайно уродливое тельце с торчавшими в разные стороны конечностями, каждая из которых венчалась не то раздвоенным копытцем, не то попарно сросшимися пальцами. У существа была непропорционально большая голова с ужасно деформированными, но все же, по-видимому, человеческими чертами: кривой, свороченный на сторону баклажанообразный нос, длинная перекошенная щель рта с разделенной надвое верхней губой, выпученные мутные глаза на разной высоте, лишенные век, и уши без ушных раковин, вдавленные в абсолютно лысый череп с очень низким покатым лбом и раздутым затылком.

Это было то, что Эмма успела рассмотреть за две или три секунды. А потом над головой грохнуло так, словно в дом попала бомба, и все лампы разом погасли, погрузив подвал в абсолютную тьму.

Спазм перехватил Эмме горло, не дав ей больше кричать. И, возможно, именно это обстоятельство позволило ее капитулировавшему было разуму вновь включиться.

Свет вырубился из-за грозы. Это бывает. Может, он включится сам через пару секунд. Если же нет, то это, по меньшей мере, на несколько часов. Если отрубилась и другие дома на той же линии, и их обитатели вызовут аварийку. Если же вырубил только их дом – что очень может быть, молния ударила совсем рядом – тогда совсем плохо... (Пока Эмма додумала эту мысль до конца, свет так и не зажегся, и она поняла, что надо исходить из худшего.) Дохлая крыса – это всего лишь дохлая крыса (и хорошо, что она сдохла вместе со всем своим выводком), а жуки – всего лишь жуки, привлеченные мертвечиной. Тут нет ничего страшного или сверхъестественного. А этот уродец... наверное, ей просто показалось, что это ребенок. Здесь же была ферма. Это, наверное, просто поросенок или даже теленок, родившийся таким уродливым, что стал похож на человека. Хозяева решили сохранить такую диковину и поместили в спирт или формалин, чем там была эта жидкость... А во всех остальных банках действительно какие-нибудь соленые помидоры.

И все же... все же... кошмарное лицо все еще стояло у нее перед глазами, и не только лицо. С каждой секундой Эмма все больше была уверена, что видела сросшиеся пальцы, а не копыта.

У Люси Мортон и ее мужа никогда не было детей. Но это не значит, что они не пытались. И что, если Люси сохраняла результаты каждой неудачной попытки? В пятидесятые, наверное, многие женщины в сельской глухомани рожали дома и даже вообще не обращались к врачу на всем протяжении беременности. Как-никак, это позволяло сэкономить кучу денег. И если беременность не увенчивалась рождением здорового ребенка, никто, кроме членов семьи, мог о ней так и не узнать.

Сколько здесь таких банок? Уж конечно не все, что есть в подвале – на это у Люси не хватило бы жизни. Но все, что стояли на той полке, скорее всего...

Думала ли старуха, лежа со сломанным позвоночником на полу подвала, об этой своей... коллекции? О мертвых уродцах, вышедших из ее чрева и наблюдавших теперь за ее агонией сквозь мутные стекла банок? Что ей *слышалось* в темноте в ее два последних дня?

Чокнутая семейка Хорреллов, да. Впрочем, Линк говорил, что Люси – не родная дочь Харви. Возможно, именно поэтому она рожала уродов, в то время как у Джона получился совершенно нормальный мальчик...

Джимми! Она должна спасать Джимми! И себя саму тоже. Раз электричество вырубилось, Джон наверняка спустится с чердака. Его дрель работает от батареи, но вряд ли ему понравится работать без света. Вполне возможно, что он придет по этому поводу в *ярость* и утратит последние тормоза...

У Эммы мелькнула малодушная мысль, что она могла бы отсидеться здесь, в подвале. Остаться в полной тьме подземелья было жутко, но возвращаться наверх, к Джону, еще страшнее. А он, не найдя ее в спальне и прочих местах наверху, скорее всего, не догадается

искать здесь. Ее крика и разбившейся банки он наверняка не слышал, как и она не слышит отсюда его дрели. Так что он решит, что все-таки проглядел, как она выбралась из дома. Но тогда он, опять-таки, может выместить свое бешенство на мальчике. На *ее* ребенка.

Надо выбирать. Эмма похромала в крошечной темноте туда, где, по ее представлению, находился выход, и только почувствовав неприятный укол занозы в левую подошву, сообразила, что идет босиком. Но возвращаться и на шаривать ногами тапки уже не рискнула. Она не хотела вместо тапка влезть ногой в полуразложившуюся крысу или в скользкого голого уродца. И к тому же, там же кругом осколки банки! Просто чудо, что она не наступила ни на один из них. Хотя в чем-то ей повезло... Нет уж, лучше терпеть занозы.

Она по-прежнему держала изгаженную руку на максимальном расстоянии от себя и все равно, как ей, по крайней мере, казалось, ощущала исходящую от нее вонь. Желание смыть гадость, истратив на это едва ли не целый кусок мыла, было нестерпимым, но, за неимением такой возможности, Эмма остановилась и принялась вытирать кисть единственной доступной ей сейчас материей – полкой собственного халата, после чего поспешно сняла его и бросила на пол позади себя, оставшись в одном нижнем белье. С усмешкой подумала, что вот теперь она точно выглядит, как классическая дева в беде из фильмов и комиксов, хотя в крошечной тьме никто этого не оценит. Впрочем, у этих дев, что бы с ними ни делали, всегда идеальная прическа и лицо словно только что из косметического салона. Не ее случай, да.

В подвале было холодно для прогулок в таком виде, но Эмма не чувствовала этого из-за выброса адреналина. Она даже почти перестала замечать боль в ноге – но двигалась все равно медленно, слепо шаря руками перед собой. Через несколько секунд ее пальцы наткнулись на очередную полку – не с банками, слава богу, а с чем-то, свернутым в рулон... Но она не ожидала обнаружить это препятствие, она думала, что стена левее и параллельна, а не почти перпендикулярна ее курсу. При свете путь из любой точки подвала до выхода был совершенно очевидным, но в темноте все эти перегородки и впрямь превратились в лабиринт.

Не паниковать, сказала себе Эмма. Это всего лишь подвал не слишком большого дома, здесь негде заблудиться. Надо просто идти, все время касаясь пальцами стенки прохода... левой? Она попыталась точно вспомнить, где находилась и как стояла, когда погас свет. Нет, лучше правой. Тогда через два поворота она должна выйти к лестнице. И она шагнула вправо, нащупывая полку там... поначалу безуспешно, но затем наткнулась на нее бедром, точнее, здесь это была не полка, а узкий и длинный стол типа тех, на которых раскладывают такой же хлам во время дворовых распродаж – и осторожно двинулась вперед, скользя пальцами правой руки по дереву и от души надеясь, что не перепутала направление и не идет сейчас обратно к разбитой банке или к тупику в дальнем углу подземелья, куда так и не добралась с подробной инспекцией. Увы, без света ее поисковая экспедиция потерпела полное фиаско. Сейчас главное – выбраться из подвала.

Эмме повезло. Вскоре после поворота направо под ее пальцами звякнула знакомая цепь. Значит, она движется в верном направлении и еще через поворот должна выйти в проход, ведущий прямо к лестнице.

Снова загрохотал гром, заставив Эмму вздрогнуть. Обычно она не боялась грозы, но обычно о раскате грома предупреждала вспышка молнии, а во тьме подземелья он гремел совершенно неожиданно. А когда последний раскат затих, Эмма различила в наступившей тишине еще какой-то звук. Очень тихий, на пределе слышимости. Что-то вроде легкого постукивания, или, может быть, тиканья. И он доносился как раз оттуда, куда она направлялась. От скрытой во тьме лестницы.

Эмма вновь почувствовала, как в животе разливается ледяная волна страха, хотя, казалось бы, ничто, издающее столь тихие звуки, не может быть опасным. Но ничто не пугает так, как непонятное и неизвестное, а ее нервы и так были на пределе. Эмма замерла, тщетно пытаясь сообразить, что это может быть. Точно не коготки крысы и не стрекотание какого-нибудь

насекомого. Скорее этот размеренный звук производило что-то... неживое. Хотя, конечно, никакой механизм, типа старых часов или еще чего-нибудь, сосланный в эту подземную тюрьму много лет назад, не мог включиться теперь сам собой. А может быть – это именно то, за чем она спустилась в подвал? Игрушка? Но тогда бы Эмма увидела ее зеленые "глаза". В абсолютной темноте даже самый слабый отсвет – скажем, из глубины коробки – был бы заметен. Тем более что как раз возле лестницы она успела обследовать все, и там игрушки точно не было.

(А может быть, это ногти тети Люси скребут в агонии доски.)

Ладно, сказала себе Эмма, другого выхода отсюда все равно нет. Ты же не хочешь остаться в этой темноте *навсегда* только из-за того, что возле лестницы что-то тикает. Закусив губу, она заставила себя снова пойти вперед.

По мере ее приближения звуки становились чаще, словно то, что поджидало во тьме, не могло скрыть своего нетерпения. Впрочем, они оставались такими же тихими и непохожими на что-то угрожающее. Правая рука Эммы сорвалась в пустоту – полка справа закончилась. Значит, лестница должна быть уже прямо перед ней. Эмма сделала еще один осторожный шаг, затем второй, третий – и наткнулась пальцами левой ноги на ступеньку, тут же осознав, что встала на холодное и мокрое, а в следующий миг на ее большой палец упала капля сверху.

Эмма в очередной раз обругала себя дурой, осознав природу испугавших ее звуков. Это была просто вода, капли, падавшие со ступеньки на ступеньку – сперва редкие, а теперь все более частые. Но откуда на лестнице вода? Очевидно, она течет сверху, из кухни, но доселе даже в самые сильные дожди как раз в кухне потолок не протекал. Может быть, кто-то опрокинул чайник или разлил на полу что-нибудь еще? Или...

Эмма поспешно нагнулась, потрогала левой рукой мокрую ступеньку, потеряла пальцы друг о друга, поднесла их в темноте к носу. Нет, кажется, это действительно просто вода. Слава богу, не кровь, нет.

Тем же способом, каким спускалась – на трех с половиной конечностях, страхуя себя руками и стараясь не опираться на больную ногу – Эмма взобралась по лестнице. Упершись головой в крышку, замерла, прислушиваясь. Насколько она могла различить в таком положении, в доме стояла мертвая тишина. Набравшись решимости, Эмма подняла люк.

Солнце, очевидно, уже успело выйти (выходит, Эмма провела в подвале не меньше двух с половиной часов, хотя ей казалось, что прошло меньше времени), но темнота в доме, в отличие от подвала, еще не была полной. В тусклом сером свете поздних сумерек Эмма различила интерьер пустой кухни. Кажется, за то время, что она была внизу, никто так и не приходил сюда ужинать; стулья стояли на прежних местах и, главное, в воздухе не ощущался даже самый слабый запах еды. За окнами шумел ливень.

Впрочем, дождь шел не только за окнами. Если в закрытый люк просачивалась лишь тонкая струйка, то на полу посреди кухни разлилась уже вполне изрядная лужа, в которую звучно шлепались капли с потолка. Да что же это такое, подумала Эмма, поднимая голову, но было слишком темно, чтобы она могла разглядеть причину протечки.

Она очень боялась выдать свое присутствие, но желание все-таки вымыть опоганенную падалью руку было сильнее, и Эмма, прокравшись по мокрому полу к раковине, приоткрыла кран. В конце концов, рассудила она, эта тонкая струйка произведет не больше шума, чем вся прочая вода, льющаяся сейчас. Если только из-за отказа электричества не отрубился и водопровод...

Но вода действительно потекла, и Эмма долго терла руки мылом, одновременно испуганно косясь через плечо на дверь в коридор. Если Джон войдет сейчас, деваться ей некуда, и даже хватать из ящика нож нет смысла – ножи у них все безопасные, со скругленными концами. Ребенок в доме, да-да...

Однако никто не вошел, и она так же аккуратно закрыла кран и вытерла руки. Затем открыла шкафчик, где обычно лежал фонарь.

Фонаря там не оказалось.

"Предусмотрительный сукин сын", – подумала Эмма со злостью. Впрочем, вполне возможно, что Джон забрал фонарь не для того, чтобы оставить без света ее, а чтобы обеспечить таковым себя. И кое-что, как тут же выяснила Эмма, он не предусмотрел в любом случае. В соседнем отделении шкафчика хранились спички – необходимая вещь в сельском доме. И они оказались на месте. Ну, хоть так. Огонек спички, конечно, не сравнить с мощным светом фонаря, но...

И тут Эмму осенила идея. Возможно, по ассоциации с рисунком, на котором мальчик с горящей спичкой в руке стоял у кровати пьяного отца. Она думала, что новый код сейфа – это дата, потому что датой был предыдущий. Потом решила, что это не может быть дата, поскольку ни один год не подошел, в том числе и 1975. Но кто сказал, что дата – это обязательно год? Месяц и число тоже образуют четырехзначную комбинацию!

Со спичечным коробком в руке – ибо положить его было некуда – Эмма выглянула в коридор, различив по-прежнему спущенную с чердака лестницу. Никаких звуков оттуда, Впрочем, не доносилось, и света фонаря заметно тоже не было. Мысленно проклиная скрипящие под ногами половицы, Эмма пробралась к двери спальни. Замерла, думая, что будет, если там-то Джон ее и поджидает, возможно, что и с пистолетом в руке. С другой стороны, стоять в коридоре еще опаснее – здесь он ее увидит, откуда бы он ни вышел...

За окнами ослепительно сверкнула молния, и Эмма резко распахнула дверь одновременно с раскатом грома. Ее эффектное появление, Впрочем, пропало даром: спальня была так же пуста, как и кухня. Неприязненно покосившись на скомканную неубранную постель (вот уж мать устроила бы ей за такое!), Эмма шагнула внутрь. Пол и здесь оказался мокрым. Думая только о том, как бы не поскользнуться, Эмма дохромала до сейфа.

Света умирающих сумерек было уже недостаточно, чтобы различить цифры. Эмма чиркнула спичкой, но та сломалась в ее дрожащих пальцах. Вторая попытка оказалась удачнее. Эмма поднесла огонек к кодовому замку. На сей раз она не стала начинать с дней рождения и свадеб.

0... 5... 2... 9.

Щелк.

В тот же миг спичка обожгла ее пальцы, и Эмма машинально отбросила ее, запоздало испугавшись последствий. На ней не было даже обуви, чтобы затоптать огонь. Но спичка, упавшая на мокрый пол, погасла сама.

Эмма распахнула дверцу и сунула руку внутрь. Пистолет она нащупает и в темноте.

Но вместо пистолета или бумаг ее пальцы наткнулись на нечто иное. Нечто объемное, занимавшее в маленьком сейфе неожиданно много места, холодное, твердое, бесформенно-бугристое...

Эмма выхватила это из сейфа, уже прекрасно понимая, что это такое. Игрушка. Выключенная. Мертвая.

Еще недавно Эмма готова была перерыть весь подвал, чтобы отыскать ее, а теперь вдруг отшвырнула прочь в приступе внезапной гадливости, словно и впрямь взяла в руку очередную дохлятину. Игрушка ударилась об пол и покатилась, стуча буграми – кажется, под кровать. Не обращая на нее внимания, Эмма снова сунула руку в сейф – и на сей раз ее пальцы легли на холодную рубчатую рукоять пистолета.

Эмма достала оружие, ощутив в руке его приятную, внушающую уверенность тяжесть. Со щелчком сняла предохранитель. Оттянула до упора и отпустила затвор. О нет, она не уподобится всем этим дурам из кино, вечно забывающим это сделать. Джон научил ее, как надо. Хотя бы что-то он сделал правильно...

Большая холодная капля упала на ее голую спину, и только тут Эмма почувствовала, как ей холодно. Ее буквально пробирала дрожь. Надо одеться.

Она направилась к шкафу и на ощупь вытащила оттуда свой любимый черный свитер, не раз выручавший ее своим теплом и уютом в холодные дни. Летом, даже и в северодакотском климате, в нем редко возникала необходимость, но сейчас ей требовалось согреться побыстрее. Эмма натянула его, не выпуская из руки пистолета, который легко прошел сквозь растягивающийся рукав. Затем надела шорты (почти скрывшиеся под длинным разношенным свитером, достававшим ей до середины бедер) и сунула спички в их карман. Так. Теперь она идет за своим сыном, и пусть кто угодно только попробует ее остановить!

Больше не боясь скрипучих половиц, Эмма прошла по коридору к детской. Уже взявшись за ручку, сообразила, что мальчика может напугать явление матери с пистолетом в руке, и сунула оружие за пояс шорт, прикрыв сверху свитером. Из-за двери, насколько можно было различить сквозь шум дождя за окнами, по-прежнему не доносилось ни звука – понятно, что без электричества и света заняться особо нечем, может быть, Джимми просто лег спать пораньше (может быть, даже и Джон поступил так же), и все же не нравилась Эмме эта гробовая тишина, царившая во всем доме...

Она открыла дверь и шагнула внутрь. Детская была пуста. Никого на кровати, никого за столом, никого в кресле, никого нигде.

– Джимми, – позвала Эмма дрогнувшим голосом. – Джимми, если ты прячешься, вылезай. Я... нашла твою игрушку.

Тишина. Только яростный стук ливня в стекло.

Эмма заглянула в шкаф, под стол, потом неуклюже легла на пол рядом с кроватью (здесь тоже оказалась лужа – да что же это такое?!) и проверила там тоже. Джимми нигде не прятался. Почти машинально она пошарила рукой под матрасом, там, где прежде были спрятаны рисунки. Теперь их там, разумеется, не оказалось. Ну да, какой смысл, тайна уже перестала быть тайной...

За окном сверкнула очередная молния, озарив пустую детскую – и в тот же миг почти такая же вспышка озарила сознание Эммы.

Джимми не врал ей. Да, она могла допустить, что он ей врет, но спрятать игрушку в сейф, не зная кода, он не мог никак. Это мог сделать лишь один человек. Зачем Джону это понадобилось? Ответ очевиден – чтобы настроить сына против матери, делая вид, что игрушку отобрала она. И все остальное тоже... и все остальное тоже! Это именно Джон делал все, чтобы выставить ее ненормальной в глазах сына... и даже в ее собственных глазах! Выдергивал телефонный шнур, позволяя ей обвинить в этом Джимми. Подбросил ту дохлятину на чердак, а потом убрал оттуда, пока Эмма спала. И даже ее сон объясним. Джон нашептывал это спящей жене ночью, и сюжет отложился в подсознании. И рисунки.. их рисовал не Джим по рассказам Джона, и уж тем более не Джим в состоянии лунатического транса. Их нарисовал *сам Джон!*

О, как же она могла быть настолько тупой! Ведь она сразу же обратила внимание, что стиль этих рисунков качественно отличается от всех прочих! Дело не в сюжетах, а именно в самой манере! Слишком хорошо для девятилетнего мальчика! Да, это не были рисунки профессионального художника (коим Джон никогда и не был), но – реалистичность поз, динамика, композиция, внимание к деталям... а что до сходства мужских и женских фигур, то Джон мог специально стилизовать рисунки под детское восприятие. И скопировать рисунок с роботами и осьминогами ему тоже труда не составило. А Джимми действительно мог просто не знать, что эти рисунки появились в его альбоме – если Джон оставил альбом открытым на чистой странице, мальчик продолжил рисовать с этого места, ему не пришло в голову пересматривать то, что было раньше. Это Эмма листала альбом с самого начала... И Джим действительно думал, что ей не понравились рисунки Перл Харбора и Хиросимы. А женщина в больнице – действительно умирающая японка, а никакая не Клара Хоррелл. Ну а потом Джон просто вынул эти листы из альбома и спрятал под матрас, пока Джимми не было в детской. И меня постельное белье, Джим совсем не обязан был их обнаружить. Когда заправляешь простыню, суешь руку только под края матраса, а вовсе не под середину... И вполне понятна его

реакция перед лицом несправедливых и неожиданных обвинений.

"А наутро мамы больше не было, и я поверил, что она предала меня. Нас с ним. И не мог ей этого простить, а его стал любить за двоих." Джон ведь сам рассказал ей весь будущий сценарий. То, что сделал его отец. И то, что теперь собирается повторить он сам.

Не выйдет, мистер Хоррелл. На сей раз у вас ничего не выйдет.

Но где же Джимми? Может быть, Джон забрал и увез его куда-то?

Нет, это не вписывается в план. Он не мог просто оставить ее здесь в надежде, что она умрет от гнойного воспаления, даже не попытавшись выбраться и найти помощь. Или, не обнаружив ее в спальне, он решил, что она сбежала и вернется с полицией, а потому бежать, прихватив сына, надо ему? Да, вот такой вариант возможен. И все же пикап исчез еще до того, как Джон закончил возиться на чердаке. Потасил ли он сына куда-то пешком под проливным дождем? Может быть. Но может быть, что они все-таки еще в доме.

Эмма вышла обратно в коридор, вновь держа пистолет наготове. Она открыла рот, собираясь громко позвать сына, но тут же раздумала. Если Джон до сих пор не услышал, как она ходит по дому, не стоит уведомлять его раньше времени. У Эммы появилась другая отличная идея. Поводя по сторонам стволом пистолета, словно полицейский в боевике, она тихо прошла в прихожую. Здесь было уже совсем темно, но все же она различила на полу (и ощупала ногой для верности) сандалики и кроссовки Джимми. Рядом стояли здоровенные кроссовки его отца.

Они все еще где-то здесь.

Эмма вернулась в коридор, видимый отсюда по всей длине – от прихожей до спальни тети Люси. И с лестницей, спущенной из чердачного люка в середине.

И теперь в этом люке она заметила слабый свет.

Возможно, прежде она не заметила его потому, что требовалось взглянуть из самого дальнего конца коридора, или потому, что тогда еще недостаточно стемнело, чтобы различить столь тусклый отсвет. Это было уже неважно. Они там, где им еще быть. Недаром Джон не вылезал с чердака все последние дни. Что он там оборудовал? Крепость? Тюрьму? Если так, ему стоило поднять лестницу наверх. Эмма даже испугалась, что эта очевидная мысль придет ему в голову сейчас, и поспешила к лестнице со всей возможной скоростью, несмотря на больную ногу.

Ступеньки были шаткие и вдобавок мокрые (да, и по ним тоже стекали тонкие ручейки воды), но Эмма поднималась, помогая себе лишь одной рукой – в другой она держала оружие. Босиком она чувствовала себя увереннее – в ее распоряжении были еще десять пальцев, чтобы цепляться, и знание, что нога не выскользнет из тапка. Наконец ее голова нырнула в отверстие люка, и Эмма, поспешно вскинув на уровень глаз и руку с пистолетом, быстро огляделась по сторонам.

Чердак освещался единственным светом фонаря – того самого, который она не нашла на кухне. Фонарь лежал на полу недалеко от люка, но светил в другую сторону (луч упирался в дальний скат крыши), поэтому снизу замечен был лишь слабый отсвет. Там, куда достигал этот свет, никого не было. Вторая половина чердака, оставшаяся за спиной у Эммы, была погружена во тьму.

У Эммы мелькнула мысль, что фонарь словно специально положен так, чтобы поднявшийся на чердак сразу же его схватил – хотя, на самом деле, ничего странного в этом не было. Если Джон зачем-то спустился вниз, намереваясь вернуться, но не желая таскать фонарь с собой, то именно так он и должен был его оставить. Додумывала эту мысль она уже с фонарем в руке, крутясь с ним на верхних ступеньках лестницы (что было довольно рискованным маневром, учитывая состояние ее лодыжки и то, что обе ее руки были заняты). Однако она не сорвалась и не оступилась, и сумела описать лучом – и следовавшим за ним взглядом – полный круг.

Тени от балок шарахнулись из стороны в сторону навстречу пути луча, где-то блеснула

вода, мелькнул, на миг заставив Эмму вздрогнуть, длинный и тонкий черный силуэт, похожий на приготовившегося к атаке гигантского богомола – но это была всего лишь лампа на высокой стойке, которой Джон, очевидно, пользовался, пока не вырубилось электричество. Однако людей нигде не было – ни Джона, ни Джима. Чердак был так же пуст, как и все предыдущие посещенные ею помещения. Причем пуст не только в смысле "безлюден" – здесь практически не осталось хлама, который Эмма видела в прежние свои визиты. То, что Джон не сумел спустить вниз и оттащить к мусорным бакам целиком, он, похоже, просто распилил на куски, валявшиеся теперь на полу – так что спрятаться здесь было просто негде.

Эмма поднялась на чердак полностью. Посветила под ноги, брезгливо вспомнив о множестве останков насекомых – но сейчас пол покрывала по большей части мелкая древесная пыль, среди которой, следуя за неровностями пола, струились ручейки, питавшие многочисленные лужицы. Черт, откуда здесь все-таки вся эта вода?! Ливень лупил по крыше с неистовством тысячи наглотававшихся "экстази" барабанщиков, но и за этим грохотом Эмма слышала частую капель внутри помещения. Никогда их крыша не была такой дырявой, как после затеянного Джоном ремонта, который он, кстати, собирался завершить еще до дождя... Над самой Эммой, впрочем, не капало – похоже, основные протечки были ближе к краям чердака, там, где скаты крыши спускались к полу. Эмма двинулась к одному из скатов, светя то под ноги, то вверх, то по сторонам.

И ей не потребовалось много времени, чтобы выяснить, чем занимался здесь Джон.

Все вокруг, до чего можно было дотянуться – крыша, подпиравшие ее балки, пол – было иссверленно крупнокалиберным сверлом с неистовой яростью, вкривь и вкось, под всевозможными углами, без какой-либо системы. Сотни, тысячи дыр. Некоторые балки были издырявлены так, что, казалось, рухнут от первого прикосновения. А следом за ними – и вся крыша. Возможно, это уже произошло бы, если бы исчезновение электричества не помешало Джону довершить "работу".

Если у Эммы еще оставались какие-то сомнения, теперь они отпали окончательно. Ее муж был абсолютно безумен.

Но где же он – и главное, где Джимми?!

Эмма вновь, теперь уже медленно, обвела лучом фонаря весь чердак и заметила, что прямо под окном – тем самым, через которое, как она подозревала, Джон следил, не попытается ли она сбежать из дома – на полу что-то лежит. И это не был какой-то инструмент или остатки прежнего чердачного хлама.

Альбом. Это был альбом ее сына.

Эмма устремилась туда почти бегом, лишь чуть прихрамывая – она уже не обращала внимания на боль и даже не думала, что может наступить на какой-нибудь гвоздь. Но никакой гвоздь не попался у нее на пути.

Альбом лежал на сухом; стекло было цело, и окружавшая окно стена тоже. Лежал, услужливо открытый на нужной странице. Странице с новым рисунком.

Эмма опустилась на колени и взяла альбом в правую руку, решившись отложить на миг пистолет. Но ей даже не потребовалось светить на рисунок фонарем. Очередная вспышка молнии выхватила его из мрака с предельной четкостью.

Вспышка длилась всего пару секунд, но каждая деталь картинки, казалось, впечаталась Эмме прямо в мозг. Рисунок изображал мужчину и женщину в помещении, бывшем, очевидно, кухней (на заднем плане маячил холодильник и шкафчики на стене). В руке мужчины была беспроводная дрель; короткие штришки сверху и снизу изображали, как она вибрирует от работы. И толстое вращающееся сверло этой дрели мужчина вонзал наискосок снизу вверх в кричащий рот женщины, просверливая ее голову насквозь и пригвождая ее к стене. Из рта во все стороны летела кровь, босые ноги жертвы, не доставая до пола, бились в воздухе.

На ее правой лодыжке была повязка, а единственной видимой одеждой был длинный

черный свитер.

Больше всего Эмму поразили последние детали. Хотя про повязку на ноге, если это нарисовано сегодня, он знал. Но она обычно не ходила по дому босиком и не носила свитер летом, а уж если носила, то с чем-нибудь подлиннее и поосновательнее, чем шорты. Как он мог все это предвидеть?!

Впрочем, неважно. Важно найти, где прячется этот хренов псих – и где он прячет ее сына. Если, конечно, Джимми еще жив.

Замер последний отголосок грома, вновь уступив место яростному шуму дождя. За стеклом, заливаемым потоками воды, чернела непроглядная тьма без единого огонька. И не будет, конечно, никаких проезжающих мимо машин в такую погоду. С таким ливнем не справятся никакие "дворники", любой нормальный водитель предпочтет свернуть на обочину и переждать.

Помощи ждать неоткуда.

– Джимми! – закричала Эмма, уже не сдерживаясь и не останавливая себя никакими рациональными доводами о пользе скрытности. – Джимми, где ты?! Отзовись!

Несколько мгновений в доме было тихо – если не считать звуков дождя – а затем внизу что-то грохнуло. Эмма подхватила пистолет и, хромя, побежала к люку.

По ступенькам струились уже целые каскады воды, но Эмме вновь удалось благополучно преодолеть их. В доме вновь установилась тишина, и она остановилась, пытаясь сообразить, откуда слышался звук. Определенно откуда-то со стороны кухни...

Словно разрешая ее сомнения, раздался звон бьющейся посуды. Точно, кухня! И Джим, возможно, борется там сейчас с Джоном, зажимающим ему рот...

Через несколько секунд Эмма была уже на пороге, светя фонарем и наставляя ствол.

Но погруженная во тьму кухня была так же пуста, как и когда Эмма вылезла из подвала.

Впрочем, она тут же поняла, что за громкий удар слышала с чердака. Очевидно, захлопнулась крышка люка. Неужели она оставила ее поднятой? Она не могла вспомнить. Черт, оставить люк открытым в темноте было бы очень небезопасно – что, если бы сюда забежал Джимми? – но она действительно была в таком состоянии, что могла...

А если это и впрямь был Джимми? Если, пока она была на чердаке, он вырвался от Джона и теперь спрятался в подвале? Они, правда, велели ему туда не лазить, но когда родной отец слетает с катушек, тут уже не до послушания...

Эмма упала на колени на мокрый пол перед люком, снова подняла крышку, посветила вниз.

– Джимми? Джимми, ты здесь? Это мама, не бойся! Все хорошо, иди ко мне!

Никакого ответа. Луч скользил по ступенькам лестницы и доскам внизу (слава богу, на них хотя бы не оказалось расprostертого детского тела с переломанными костями!) Сверкали на лету капли, падавшие в открытый люк с его краев и с продырявленного потолка.

– Джимми! – снова отчаянно крикнула Эмма, и вновь безрезультатно.

Спускаться? Теперь у нее есть фонарь и пистолет... А если это ловушка? Если Джон специально заманивает ее туда, чтобы поставить сверху на люк что-то тяжелое, а потом замуровать ее в подвале навсегда? Настелить в кухне новый пол, заколотив люк досками... не для этой ли цели, а вовсе не для чердака (теперь-то она знала, что он делал на чердаке!), он их купил?

"Какое-то время ты сможешь питаться заспиртованными зародышами, – сказал ехидный внутренний голос, подозрительно похожий на голос ее мужа. – Если, конечно, это действительно спирт, а не формалин."

Но что за звук она слышала потом? Что-то разбилось, причем явно не в глубине подвала а наверху...

Эмма снова опустила крышку и посветила вверх нее. На полу возле разделочного стола

валялись осколки тарелки. Эмма узнала любимую тарелку Джимми с Микки-Маусом. Как она могла упасть с полки? Сама, очевидно, никак, но кто мог сбросить ее оттуда уже после того, как люк в подвал захлопнулся? Из кухни только два пути – в подвал либо в коридор, но если бы кто-то выскочил в коридор, Эмма бы его увидела...

Она повела лучом вверх, вдоль боковины разделочного стола, затем на полку с посудой...

И встретила взглядом с двумя зелеными глазами.

Она же была выключена, подумала Эмма. Впрочем, наверное, включилась от удара...

Игрушка – висевшая на стене прямо над полкой – словно удостоверившись, что ее заметили, двинулась дальше и столкнула следующую тарелку. Та, вращаясь в воздухе, ударилась о край стола, а затем грохнулась на пол, также разлетевшись на куски.

– Ах ты дрянь! – воскликнула Эмма, вскакивая. От этого резкого движения ее ногу пронзило болью, кажется, аж до колена, но она лишь зашипела сквозь зубы и похромала вприпрыжку к стене, на которой резвилась чертова *тварь*.

Игрушка сбросила на пол еще одну тарелку, а затем с удивительным проворством поднялась выше по стене, оказавшись вне досягаемости Эммы.

Чем бы ее достать? Сходить за шваброй? Тут же, впрочем, Эмма вспомнила, что держит в руке пистолет. Но – неужели стрелять в эту идиотскую штуку? Сама идея стрельбы по *игрушке* казалась глупой, и потом, а если пуля срикошетит?

Эмма отложила пистолет на стол и взяла за ножку стул. Сделала два шага, примериваясь, неуклюже махнула им, но стул оказался слишком тяжелым и громоздким для одной руки. Эмма не совладала с инерцией, выворачивающей ей кисть, и спинка стула обрушилась на другой край все той же злосчастной полки, расколовив еще две тарелки. Игрушка же спокойно отбежала по стене дальше к окну.

– Ну погоди же, я тебя достану! – прорычала Эмма, делая еще один замах. На сей раз зазвенело у нее над головой, и в ее волосы посыпались осколки разбитой лампы. Игрушка, чпокая присосками, перебралась со стены на окно, словно приглашая свою противницу ударить еще по одному стеклу.

Черт, да о чем я вообще думаю? К дьяволу игрушку, что с моим сыном?!

Она швырнула стул на пол, а вовсе не в окно. Но луч фонаря, отразившись от оконного стекла, озарил то, что было за ее спиной, и оно, в свою очередь, тоже отразилось в окне. Эмма увидела, что позади нее кто-то стоит.

Она резко обернулась, вскидывая фонарь, словно оружие.

Это был Джон. Он стоял в проеме кухонной двери, загораживая выход. Его одежда была мокрой, волосы слиплись, на лакированные туфли, в которых он когда-то ездил на работу и которые, кажется, не надевал со времени их переезда, налипла жидкая грязь. Он походил на вылезшего из воды утопленника.

И в руке он держал дрель.

Все в точности как на рисунке, обреченно поняла Эмма. Кухня, дрель и черный свитер. Интересно, если бы она догадалась переодеться, это бы ее спасло?

Но на рисунке у нее не было пистолета.

И в реальности тоже не было. Пистолет лежал на столе в трех шагах от нее. И на таком же расстоянии от Джона.

Эмма метнулась вперед, как идущий на рекорд спринтер, не думая, какой болью придется заплатить за этот рывок. Джон сообразил, что она делает, и бросился ей навстречу. Но он сообразил на полсекунды позже.

Боль действительно была адской, она словно подвернула ногу заново и, теряя равновесие, тяжело грохнулась локтем на стол, от чего уже кисть ее руки пронзило, будто электрическим разрядом. Но уже в следующий миг ее пальцы схватили рукоять пистолета и наставили его на Джона, который послушно замер в двух футах от цели. Эмма сочла эту дистанцию опасно

близкой и отпрыгнула на одной ноге назад, затем осторожно опустила на пол все еще терзаемую болью вторую ногу. Теперь он уже не смог бы вырвать или выбить у нее оружие.

– Эмма, послушай... – произнес Джон.

– Не подходи ко мне! – взвизгнула она, направив на него разом фонарь и ствол.

– Эмма, успокойся. Положи пистолет.

– Где мой сын?!

– Не знаешь? – это, казалось, обеспокоило его больше, чем наставленное на него оружие.

– Ты не знаешь, где Джимми?

– Не заговаривай мне зубы, ты, чертов псих! Куда ты его спрятал?!

– Я никого не прятал, Эмма. Меня вообще весь день не было дома. Я только что вернулся из Фарго. Я не думал, что все настолько далеко...

– Ты?! – Эмма ненатурально рассмеялась, не дослушав. – Был в Фарго? А кто весь день рассверливал наш дом? Все потолки, крышу и перекрытия? Вот этой самой дрелью?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – покачал головой Джон. – Хотя... догадываюсь. Дрель я только что нашел на крыльце. Она лежала перед входной дверью.

– Ты еще скажи, что это не твоя дрель!

– Моя, но... – он сделал маленький шаг вперед, и она тут же отступила назад:

– Не подходи, я сказала! Я выстрелю!

– Эмма, ты больна. Тебе нужна помощь.

– Еще бы! – действие таблеток давно прошло, и она снова чувствовала все прелести поднявшейся температуры и головной боли, не говоря уже о боли в ноге. – И ты сделал все, чтобы я не смогла ее получить, ублюдок!

– Нет, Эмма, – он вновь покачал головой. – Я ездил к доктору Филипсону. Упросил его со мной поговорить. Ты ведь помнишь доктора Филипсона? Тот, что консультировал тебя девять лет назад? Тогда он сказал мне, что... мне надо быть внимательным. Что это может быть хуже, чем обычный послеродовой психоз. Что у тебя было травмирующее детство, и при неблагоприятном стечении обстоятельств... Но девять лет все было нормально, и... я почти забыл об этом разговоре. Я не придавал большого значения твоим... странностям, думая, что это стресс от перемены обстановки и все такое. Но эти твои рисунки... они меня действительно испугали, и я решил показать их...

– Мои рисунки? – переспросила Эмма, не веря, что может слышать *настолько* наглуую ложь. – *Мои* рисунки?

– Конечно! Ведь это *ты* их нарисовала! И подсунула Джимми! Я сразу увидел, что это не его рука!

У Эммы вдруг похолодело в животе. Ведь если... если на миг допустить, что... тогда нет ничего удивительного, что рисунок совпал с ее сном. И самый последний рисунок... она могла *специально* одеться так, как там, зная, что там нарисовано, но не помня этого на сознательном уровне...

Нет. Нет, разумеется. Он просто пудрит ей мозги. Она где-то читала, что сумасшедшие бывают чертовски убедительны.

– Ты все врешь, – холодно сказала она. – Нет никакого доктора Филипсона. Это имя персонажа из моей книги, которую, кстати, ты так и не дал мне дочитать, и ни в какой Фарго ты не ездил. Кто сверлил, как безумный, целый день? Скажешь, это тоже была я? Я даже не знаю, как включается эта штука! Пока ты крушил своей дрелью наш чердак, я была в подвале, и там до сих пор валяются мои тапки и халат. Кто поменял код сейфа?

– Да, – пробормотал Джон, – я совсем забыл про этот чертов пистолет. И про то, что надо хотя бы сменить код...

– Кто отказывался отвезти меня в больницу или вызвать врача? – не слушала его Эмма. – Кто спрятал мои ключи? Кто перерезал телефон? Это именно ты псих, а не я! Это у тебя детская

травма! Ты убил своего отца, а теперь хочешь убить меня и... Говори, что ты сделал с Джимми!!!

– Джим! – громко крикнул Джон. – Ковбой, ты меня слышишь? Ответь папе, ты мне очень нужен!

– Ага, еще как он тебе нужен! – осклабилась Эмма.

– Пожалуйста, положи пистолет. Ну представь, как будет выглядеть, если он сейчас войдет и увидит, как...

– Чтобы ты мог без помех просверлить мне голову своей чертовой дрелью?

– Хорошо, хорошо, видишь, я кладу дрель на стол, если она тебя так пугает. А теперь, пожалуйста, отдай пистолет, и мы спокойно все... – он сделал еще один шаг к ней, протягивая руку, и Эмма снова отступила назад. Точнее – попыталась отступить, но ее левая нога наткнулась на неожиданное препятствие. Пытаясь сохранить равновесие, Эмма резко шагнула назад правой, но лодыжку пронзила жуткая боль, нога подломилась, и Эмма рухнула навзничь на дощатый пол, приложившись с размаху спиной и затылком. Фонарь она выронила, но пистолет удержала. В тот самый миг, когда она начала падать, Джон бросился к ней, протягивая руки, и теперь навис прямо над ней, наклоняясь. Медлить больше было нельзя, и Эмма нажала на спуск.

Сверкнула вспышка, грохнул выстрел. Джон отшатнулся назад и застыл в положении неустойчивого равновесия, нелепо растопылив руки. Эмма выстрелила в нависший над нею темный силуэт еще дважды. Джон покачнулся, а затем внезапно сложился, как марионетка, у которой обрезают веревки, и бесформенной грудой рухнул на пол. Луч фонаря уперся в вытаращенный мертвый глаз с красными прожилками.

Вот и все, тупо подумала Эмма. Что-то все еще мешалось под ее левой ногой. Она протянула левую руку и взяла эту вещь.

Это была игрушка. И с ней что-то происходило.

Эмма не сразу поняла, что прямо у нее под пальцами растет новый бугор. Положив пистолет на пол, она потянулась за фонарем, но взять его не успела. За окном ослепительно полыхнула молния – нет, целый каскад разрядов, длившийся секунды четыре – и сразу же ударил гром такой силы, что содрогнулся весь дом, а в окнах задрожали стекла. И в ослепительном белом свете Эмма увидела, как из гладкой поверхности игрушки выступает... лицо. Крохотное, но с отчетливо различимым ртом, разинутым в отчаянном безмолвном крике, и выпученными от ужаса глазами, оно словно рвалось наружу сквозь вязкую непрозрачную преграду, которую самым невероятным усилием можно было лишь натянуть, но не прорвать. И, как бы ни были искажены черты этого лица, Эмма узнала их.

Зеленые "глаза" игрушки закрылись и вновь открылись – не погасли и зажглись, как обычные кнопки, а именно закрылись и открылись, будто... сглотив. А потом со знакомым дурашливым звуком "боп!" выскочили наружу и потухли.

И все кончилось. Когда, уже после того, как отсверкало и отгремело, Эмма дрожащей рукой навела на игрушку свет фонаря, новый бугор представлял собой лишь гладкую, лишенную каких-либо деталей выпуклость веселенького ярко-лилового цвета.

– Ма-ам? – донеслось из коридора.

– Джимми!!! – истошно завизжала Эмма. – Джимми, ради всего святого, не входи сюда!!!

Она распахнула духовку, бросила игрушку внутрь – словно залетевшую в окоп вражескую гранату, готовую взорваться – захлопнула дверцу и подперла ее стулом. Не очень надежная преграда для *этого*, наверное, но это было самое быстрое, что пришло ей в голову. Затем, перешагнув через труп, со всей доступной скоростью похромала с фонарем в коридор, боясь, что Джимми все-таки нарушит ее запрет.

Мальчик терпеливо ждал у кухонной двери.

– Джимми! – Эмма посветила ему в лицо, заставив зажмуриться, затем схватила за плечи.

– Где ты был?! С тобой все в порядке?

– Мне стало страшно из-за грозы и темноты, и я спрятался в кладовке, – признался Джимми, отводя взгляд, словно стесняясь собственной трусости. Действительно, прежде, когда они жили в Фарго, он не боялся грозы. Но в большом городе, в многоэтажном каменном доме она воспринимается совсем по-другому...

– Ты... слышал... что-нибудь странное?

– Только гром, – ответил мальчик, вновь глядя прямо на нее. Ну да, наверное, три выстрела подряд, приглушенные стенами и шумом дождя, можно принять за короткий громовой раскат, если не догадываться, что это такое... – Мамочка, на тебе кровь, – добавил он.

– Где?

Он молча указал пальцем на ее лицо. Жест получился обвинительным.

– А, это... – Эмма принялась тереть щеки тыльной стороной свободной от фонаря ладони.

– Это я... порезалась...

(Ага, еще скажи – при бритье.)

– В смысле, у меня шла кровь из носа... Ничего страшного. Я в порядке, – она растянула губы в улыбке. – Джимми, одевайся и иди в машину... нет, подожди. Сначала иди в свою комнату и собери вещи. Какие хочешь взять. Мы уезжаем отсюда. Насовсем. Прямо сейчас.

– В город?

– Да. Конечно. Ты ведь хотел вернуться в город?

– Там темно, – сказал Джимми, имея в виду, очевидно, собственную детскую.

– Знаю, солнышко. Ну ты уж как-нибудь на ощупь. Ты ведь хороший мальчик, который не разбрасывает свои вещи и знает, где что лежит?

(Ага, особенно после погрома, который ты недавно там устроила.)

– Я дам тебе фонарь, чтобы все быстренько проверить, но потом. Сейчас он мне нужен, чтобы... доделать кое-что важное. Бери только то, что сможешь сам донести до машины. Все остальное я... потом тебе куплю. И не выходи из своей комнаты, пока я не позову, ладно?

– Почему?

– Потому что я так сказала!

Черт. Самая идиотская и самая ненавидимая ею с детства фраза.

– Солнышко, все вопросы потом, – тут же сказала она как можно мягче. – Просто сейчас нам нужно очень быстро уехать. Этот дом... ты же знаешь, он очень старый, и он скоро рухнет. Но ты не бойся. Мы в безопасности, пока я не скажу, что пора уходить. Ну давай, собирайся!

Джимми пошел в свою комнату. Ну что ж, по крайней мере, двух вопросов, которых она боялась больше всего – "где папа?" и "где моя игрушка?" – он не задал, думала Эмма, ковыляя в спальню. Хотя по крайней мере на первый из них ей отвечать придется. И не только Джиму...

Ей не поверят, что это была самооборона. Отпечатки пальцев на дрели в сочетании с тем, что Джон устроил на чердаке, конечно, говорят в ее пользу. Но три выстрела... если бы один, а то – три! Притом, что в тот момент он был безоружен, и экспертиза, наверное, сможет это установить, даже если она вложит дрель в его руку. В кино, по крайней мере, подобные инсценировки всегда разоблачаются... и там же всегда выходит, что человек, решивший соврать в мелочи, чтобы сделать более убедительной правдивую в целом историю, в итоге оказывается в дерьме по самые уши. Тем более не стоит и пытаться сочинять байку о забравшемся в дом грабителе. Застрелившем хозяина из его собственного пистолета, ага. Поэтому надо бежать. И желательно так, чтобы вослед беглянке не возбудили дело об убийстве.

Прятать труп в подвал бесполезно, и сжигать его вместе с домом тоже. (Руки Эммы выгребали бумаги из распахнутого сейфа и кидали их в сумку.) Если хотя бы одна пуля задела кость, причину смерти установят и по сгоревшим останкам. Обычный пожар – это не печь крематория, где не остается ничего, кроме пепла. Джон Хоррелл должен просто исчезнуть без следа. Вместе с женой и сыном. Их никто не хватится. У него никого больше нет, а она уже много лет не поддерживает никаких отношений с родителями и даже не знает, живы ли они еще.

И мальчика тоже не хватятся – из старой школы он выписался, в новую еще не поступил (они ведь надеялись, что Джон найдет работу, и они уедут отсюда еще до конца каникул). Ни в какой Фарго они, конечно, не поедут, это слишком близко, и у них там были знакомые, так что незачем там светиться. Надо ехать на юг... как можно дальше отсюда. (Эмма перебирала одежду в шкафу.) Отделения Bank of America, слава богу, есть по всей стране, так что наличные со счетов она снимет где-нибудь по дороге. И это будет последнее, что она совершит в этой жизни в качестве Эммы Хоррелл. А потом... новая жизнь на новом месте. Устроиться кассиршей можно где угодно.

Эмме доводилось читать, что большинство людей, пропадающих без вести в Америке – это не жертвы преступлений и не сами скрывающиеся преступники, а просто люди, решившие начать все с чистого листа. Порвать с постылым супругом, ненавистной работой, невыплаченными кредитами. Правда, она понятия не имела, как это делается на практике. Приехать в какой-нибудь маленький городок на другом конце страны и снять жилье за наличные легко, но как получить новые документы на новое имя? Можно, конечно, сказать, что потерял прежние, но есть же всякие базы данных... хорошо, что с нее, по крайней мере, никогда не снимали отпечатки пальцев... но ведь как-то все эти люди справляются. Все-таки Америка – не полицейское государство, здесь человеку часто верят на слово. (Эмма застегнула молнию на туго набитой сумке. Одно платье осталось лежать на кровати.)

А труп Джона никто никогда не должен найти. Значит, его придется увезти с собой. Просто запаковать в мешки и затащить в кузов пикапа, да. (Эмма ковыляла обратно на кухню) А потом... да господи, неужели она не найдет, где от него избавиться! Этот штат на 99.9% состоит из пустоты! Главное только, чтобы не видел Джимми – но ночью мальчик наверняка заснет в машине, а других свидетелей в этой глуши, да еще в такую погоду, не будет. Отец Джона в свое время прекрасно справился с аналогичной задачей. Жаль только, что она не может копать. Не с ее нынешней ногой, да. Но все равно, сбросить в какой-нибудь водоем, привязав камень... или хоть что тяжелое. Хоть домкрат от пикапа.

От пикапа, кстати, тоже придется избавиться. (Эмма натянула один мусорный мешок на голову Джона и принялась натягивать второй на его согнутые в коленях и загнутые назад ноги.) Он зарегистрирован на Джона. Хотя – можно ведь оформить сделку, что якобы Джон продал его новой владелице, как там ее будут теперь звать... подделать его подпись она сумеет... но все равно, это риск. Между Джоном и новой Эммой не должно быть никаких прослеживаемых связей, вообще никаких. Вот бы еще только Джимми не сболтнул лишнего... ему, наверное, не понравится идея менять фамилию... ну ничего, когда он узнает, что папа их бросил и ушел к другой женщине... (Эмма обматывала запакованный труп скотчем.)

Так, теперь надо отволочь его в машину. Тяжелый, черт... а она сейчас в таком состоянии, что только и тягать тяжести... С ногой, кстати, надо что-то делать. Ей действительно нужен врач как можно скорее... но она не может позволить себе застревать в больнице, тем более в этих местах. Доехать хотя бы до другого штата, снять наличные – это все равно не сделаешь раньше утра – а там в первый же госпиталь, где она назовется вымышленным именем. Наверное, придется делать операцию – вскрывать опухоль и чистить все там внутри... но вряд ли это задержит ее больше чем на день. Ей, конечно, скажут, что через несколько дней надо прийти снять швы – но она сможет снять их и сама. Повыдергивать нитки пинцетом, для этого не обязательно оканчивать медицинский колледж.

Не может же быть, чтобы она и впрямь допрыгалась до ампутации. Нет, только не она.

Волоча за собой упакованное в мешки тело, Эмма спиной вперед выбралась на крыльцо. Ощущение было такое, словно она вышла под ледяной душ – точнее, под миллион ледяных душ. Доски крыльца покрывал сплошной слой воды, каскадами стекавшей со ступенек; здесь даже и со здоровыми ногами немудрено было поскользнуться. Эмма кое-как спихнула труп с крыльца, а затем, хватаясь обеими руками за перила, неуклюже спустилась сама. Босые ноги тут

же ушли по щиколотку в холодную жидкую грязь. Пикап стоял совсем рядом, но, пока Эмма дотащила до него труп, она была уже мокрая насквозь.

Труднее всего оказалось взгромоздить тело в кузов, но и с этим она справилась, умудрившись не поскользнуться в грязи и не грохнуться в очередной раз. К счастью, там лежал свернутый брезент, которым можно было прикрыть труп. Хотя Эмма не особо опасалась посторонних глаз. Даже если бы кто-нибудь ухитрился заглянуть в кузов до того, как она избавится от его содержимого, он бы просто не поверил, что кто-то вот так, в открытую, перевозит мертвеца, не так ли? Просто подумал бы "забавно, насколько эта штука напоминает очертания человека!" Вот разве что Джимми... от Джимми лучше все-таки прикрыть брезентом.

Так, теперь завести мотор – не хватало еще убедиться в последний момент, что чертов драндулет не заводится... Эмма дернула ручку дверцы. Проклятье! Заперто. Она так старательно запаковывала труп, совершенно забыв достать перед этим у него ключи и бумажник из кармана.

Она влезла в кузов, откинула брезент, ощупала мертвеца сквозь мокрый и грязный пластик. Кажется, эта выпуклость

(бугор, растущий под пальцами)

и есть его карман. Эмма разодрала пластик ногтями, вытащила искомое. Мотор, еще не успевший полностью остыть, не подвел – завелся сразу же. Хорошо. В кино он бы наверняка заглох, или, по крайней мере, поддался бы далеко не с первой попытки... Она включила фары и "дворники" на максимум, оценила видимость. Не так плохо, как она опасалась. Не идеально, конечно, но по пустой дороге, если не гнать, ехать можно.

Эмма вернулась в кухню. Стащила с себя мокрые шмотки, швырнула на пол. Жалко любимый свитер, но надо избавиться от всего, на чем могли остаться следы крови или пороховой гари. Сегодня день расставания с любимыми, да.

Так. Теперь самое главное. Она должна уничтожить эту проклятую штуку. Эмма не знала и не желала знать, чем было на самом деле то, что пришло в их семью под видом игрушки – она не желала даже думать об этом! – но она очень надеялась, что хороший взрыв разнесет *это* на куски – или отправит обратно в ад, где ему самое место.

Дверца духовки была по-прежнему подперта стулом; не похоже, чтобы *оно* пыталось выбраться. Но это пока не припекает. Ну что ж, нового шанса оно не получит. Пыхтя от натуги, Эмма принялась толкать тяжелый древний холодильник тети Люси, пока он не уперся в плиту (стул она убрала лишь в последний момент). А в получившийся проем между холодильником и противоположной стеной как раз вошел стол. Теперь духовку точно не открыть изнутри. Затем Эмма сходила за утюгом, воткнула его в розетку, выкрутила регулятор на максимальную мощность и поставила утюг на его же собственный провод. Максимальная температура утюга – 400 с чем-то градусов¹, этого недостаточно, чтобы поджечь газ. Но достаточно, чтобы расплавить изоляцию, жилы провода коротнут на подошву утюга, будет искра и – бум! После того, разумеется, как снова заработает электричество и утюг нагреется. Они с Джимми к тому времени будут уже далеко отсюда.

Неплохо придумано для кассирши из Walmart'a, а, Джон?

Так, она ничего здесь не забыла? Эмма обвела темную кухню лучом фонаря и увидела пятна крови на полу. Ну это неважно, это все сгорит, как и ее одежда... Ах, да! Пистолет!

Эмме пришлось пролезть под столом, чтобы достать его. Его тоже надо будет выбросить в какую-нибудь реку.

Ну теперь, кажется, все. Она просунула руку между холодильником и плитой и отвернула до отказа все газовые вентили. Послышалось тихое сипение.

Почти такое же, какое издавала марширующая игрушка.

У Эммы даже мелькнула мысль, не пытается ли *оно* обмануть ее. Но нет, газ был

¹ По Фаренгейту, порядка 200 по Цельсию.

настоящий. Она почувствовала его запах.

Теперь не медлить. Вряд ли электричество починят до завтрашнего утра, но кто знает – вдруг это случится сейчас? Она быстро проковыляла в спальню, надела заранее отложенное платье, сунула пистолет в сумку и пошла звать Джимми.

Мальчик появился на пороге детской с туго набитой школьной сумкой за плечами, угрюмый и насупленный. А может, и просто усталый – по-хорошему, ему уже давно пора спать... Эмма, как обещала, дала ему обвести фонарем детскую и убедиться, что он не забыл ничего особенно любимого. Джимми не выразил желания взять что-то еще, и они вышли в прихожую. Эмма надела плащ и протянула сыну его курточку. Джимми надел свои сандалики (которые, конечно, сейчас же промокнули насквозь, но что делать, не искать же теперь в какой-то так и не разобранный коробке осенние ботинки), а ей ничего не оставалось, кроме как обуться в кроссовки Джона – достаточно большие, чтобы туда, если не затягивать шнуровку, влезла даже ее распухшая нога.

Мальчик не проявил никакого интереса к кузову (естественно, откуда он мог знать, что там?) и поспешил забраться справа в кабину, спасаясь от проливного дождя. "Пристегнись!" – строго велела ему Эмма, защелкивая свой ремень. Джимм покорно завожился, пристегиваясь; ему мешала школьная сумка, водруженная на колени. В кабине слегка пахло бензином. Эмма попыталась плавно нажать на акселератор, но ногу в очередной раз пронзила дергающая боль, и вместо плавного движения получился судорожный рывок. Двигатель взревел, колеса завертелись, выбрасывая фонтаны воды и грязи и лишь глубже зарываясь в раскисший грунт; резко запахло отработанными газами. Эмма поспешно уменьшила нажим, уже успев обреченно подумать, что сейчас или заглохнет, или забуксует окончательно, но пикап все-таки стронулся с места и двинулся, покачиваясь, сквозь ненастную ночь, словно корабль сквозь штормовое море.

Когда Эмма вырुливалась на шоссе, она услышала тупой удар в левый борт, за которым последовали треск и скрежет, и поняла, что сбила в темноте почтовый ящик. Теперь уже плевать.

Машина катила по мокрому ночному шоссе, такому же, как и почти все дороги в этом штате, на которых вообще имеется асфальт и разметка – узкому, однополосному, без единого фонаря. Гроза, наконец, уползала за юго-запад, огрызаясь арьергардной канонадой, но дождь все еще расстреливал дорогу миллионами очередей, сверкающих в свете фар, и "дворники", с ритмичным скрипом мечущиеся туда-сюда, едва успевали сгонять воду со стекла, исполняя воистину сизифов труд. Стрелка спидометра подрагивала возле 30 миль в час, и по такой погоде даже это было многовато. Впрочем, Эмма ехала медленно не только из-за погоды; она глазела по сторонам в поисках подходящего озера. Она знала, что в этой местности их должно быть много, хотя большинство маленькие и мелкие. Они уже проехали несколько, но Эмма не решилась избавляться от тела там, боясь, что, когда спадет вода, они превратятся в совсем неглубокие лужи, и труп станет заметен. Днем оценить пригодность водоемов было бы куда легче, но в кромешной ночи, да еще в такой ливень, заливающий боковые стекла, Эмме приходилось полагаться исключительно на интуицию – а та пока что требовала от нее ехать дальше. Да и вообще, наверное, чем дальше от дома окажется труп, тем лучше. Тогда, даже если его вдруг найдут, совсем не факт, что сумеют опознать. Все документы, какие он возил с собой, были в бумажнике, который она забрала.

Джимми дремал на правом сиденье в обнимку со своей сумкой. По-хорошему, ей бы тоже съехать на обочину и поспать, заодно переживая непогоду, тем более что чувствовала она себя отвратительно. Ее тошнило, голова казалась тяжелой и пустой одновременно, движение глазных яблок причиняло боль, и в ушах время от времени возникал противных не то звон, не то писк. Но нет, сначала надо избавиться от трупа, а для этого сперва отъехать подальше, а уж потом можно будет отдыхать...

Вдруг на панели вспыхнула желтая лампочка, отвлекая Эмму от сканирования окрестностей. О черт, проклятая колымага, что там у тебя?! А, всего лишь мало бензина. Действительно, она как-то не обратила внимания на положение стрелки, садясь за руль. Не обратила, потому что помнила, что, когда она ездила в последний раз поговорить по телефону с заправки, заодно залила полный бак. И Джон не мог израсходовать его в паре поездок по окрестным магазинам. А может, бак пикапа протекает? Вот только этого не хватало! Дотянет ли она до заправки, а главное, если и дотянет – дальше что? Как далеко она уедет оттуда? В этом штате – да и к югу от него, куда она направляется – бензоколонки отнюдь не натканы через каждую пару миль...

Но нет, не в бензобаке дело. Во всяком случае, точно не в нем одном. Теперь Эмма смотрела на цифры пробега на спидометре. Их она тоже запомнила с прошлого раза, потому что на тот момент, когда она подкатила к дому, они как раз образовали красивую комбинацию: 120012. А сейчас... сейчас спидометр показывал на триста с лишним миль больше. И их Джон тоже никак не мог накрутить за эти дни, мотаясь по окрестностям.

Значит... он действительно ездил в Фарго? Это как раз почти полтораста миль в один конец...

Это ничего не значит, сердито сказала себе Эмма. Может, и ездил, но ни к какому не к доктору Филипсону (как же на самом деле звали ее врача? она не могла вспомнить), и не сегодня, а... Но вчера он тоже весь день работал на чердаке. И все последние дни тоже...

С тем единственным отличием, что за весь сегодняшний день – не считая, естественно, их финальной встречи – она его ни разу не видела.

Но кто же тогда?!...

Она повернула голову направо, не смея поверить. Джимми не спал. Он внимательно смотрел на нее большими круглыми глазами.

– Мамочка, – еле слышно осведомился он, когда она встретила с ним взглядом, – зачем ты убила папу?

В ее оцепеневшей от боли голове словно замкнулись контакты, озаряя мозг светом простых и очевидных истин. Если из комнаты несутся звуки телевизора, это совсем не значит, что в комнате кто-то есть. Если с чердака несутся звуки дрели, это совсем не значит, что ею орудует тот же, кого видели с этой дрелью вчера. Если дрелью орудует не тот, кто вчера, это совсем не значит, что он делает ею то же самое...

И рисунки. Проработанные более тщательно и детально, чем обычно, но все-таки детские. (Она вспомнила, как он говорил, что "никогда прежде не слышал" про нарисованных им людей – а ведь про Перл Харбор и Хиросиму он определенно слышал...)

И срамливание ее с Джоном по поводу Линка.

И дважды выведенный из строя телефон.

И похищенные ключи...

– Ты!!! – задохнулась Эмма. – Все это был ты!

Мальчик широко улыбался, как школьник, хорошо выполнивший задание и знающий, что заслужил высший балл.

Она убила своего мужа, потому что этого захотел девятилетний мальчишка?!

Не помня себя, она выпустила руль и протянула руки к маленькому чудовищу, желая – схватить, тряхнуть, ударить, задушить? Но пикап, и без того уже несколько секунд остававшийся без внимания водителя, затрясло – он съехал правыми колесами на обочину, несимметричное трение повернуло его на скользкой дороге, и он, окончательно вылетев с асфальта, начал валиться набок в очередное озерко, не то пригодное, не то непригодное для утилизации трупов.

Эмма тут же вцепилась в руль, сперва отпуская, потом вдавливая акселератор, и успела-таки вывернуть обратно до того, как крен машины стал бы необратимым. Прошуршав по каким-то низким кустам, пикап снова выехал на шоссе.

Несколько секунд она просто тупо сидела, одеревенев, впившись в руль мертвой хваткой. А когда ее мышцы, наконец, расслабились, вспомнила кое-что еще.

Как же код сейфа? Даже если Джимми откуда-то узнал прежний, он не мог выставить в качестве нового дату пожара, о котором даже не знал!

А отказ Джона от работы?

А нежелание Джона признать, что ее ноге действительно нужен врач?

А все изменения его характера и поведения за последнее время?

Нет, Джим, очевидно, действительно сделал то, что сделал. Он этого и не скрывает. Теперь уже не скрывает. Но он не мог сделать всего...

Такое впечатление, что общее, пусть и по-разному проявляемое, безумие накрыло разом и отца, и сына.

А внезапно портящиеся продукты и лезущие неведь откуда насекомые? Это даже наследственными болезнями не объяснишь.

Эмме почудилось, что к шуму мотора и стуку дождя по крыше примешивается сытое, довольное урчание. И запах. Не бензина и не выхлопных газов. Еле уловимый запах разложения.

Нет, подумала она, не может быть. Я покончила с тобой. Я заперла тебя в духовке, и скоро ты взлетишь на воздух, если уже не взлетела...

Или?

Пока она возилась на улице, втаскивая труп в машину...

– Джимми, – произнесла Эмма твердым голосом нормальной, уверенной в себе матери, – что у тебя в сумке?

– Ничего, – нахально ответил мальчик.

– Покажи мне.

– Не покажу.

– Покажи сейчас же, а то...

– А то что?

Эмма запнулась.

(Что мне с ним теперь делать? Я даже не могу отвести его к психиатру. Он меня выдаст. Или будет шантажировать. Я даже, черт побери, не могу просто посадить его и уехать...)

В свете фар сквозь пелену дождя вспыхнул знак, возвещающий о близкой бензоколонке. Ну слава богу, не хватало только тут застрять среди ночи без бензина с этим... маленьким монстром... и всем прочим, что едет в этой машине...

Или совсем даже и не слава? Как только Джим получит возможность переговорить с другими людьми...

– Дай сюда! – Эмма требовательно протянула правую руку, оставляя левую на руле. Стрельнула глазами в сторону мальчика, который внезапно начал покорно расстегивать сумку, затем снова посмотрела на дорогу, где по-прежнему не было ничего, кроме бесконечной дождливой тьмы, в которой вязли лучи фар.

А может, эта заправка вовсе и не работает по ночам?

– На! – крикнул вдруг Джимми, и нечто легло ей в руку. Нечто, совсем не похожее на игрушку. Оно было мягким, но неприятно мягким, а под мягким угадывалось твердое, но хрупкое. Эмма автоматически поднесла это к глазам, не сводя взгляда с дороги.

Это была та самая дохлятина с чердака, разложившаяся до стадии, когда невозможно отличить кота от енота. Впрочем, она больше походила на усохшую мумию, чем на гнилое месиво, как та крыса в подвале. Горло Эммы, практически поднесшей *это* к своему лицу, все равно сжал спазм гадливости, однако прежде, чем она успела отшвырнуть от себя эту пакость, из оскалившейся мелкими желтыми зубами пасти прямо ей в лицо с гудением полетели мухи – сразу, наверное, штук шесть или восемь.

Видимо, червячки-личинки в этом черепе в прошлый раз ей вовсе не померещились.

Эмма, наконец, швырнула дохлятину вперед, и та, ударившись о приборную панель, упала ей на колени, продолжая изрыгать насекомых. По ногам Эммы, забираясь под платье, поползли черные жуки-могильщики, а в воздух вслед за мухами взвилось несколько ос. Эмма, бросив руль, в приступе неконтролируемого омерзения и страха отмахивалась и сбрасывала с себя насекомых обеими руками.

Впереди показались огни – вероятно, это была бензоколонка.

Чпок-чпок-чпок-чпок.

Нет, мысленно крикнула Эмма, продолжая отбиваться от лезущих из мертвого нутра членистоногих, это просто дождь стучит по крыше, тебя здесь нет, мне мерещится... – в то время как нога ее рефлекторно все сильнее нажимала на педаль акселератора. Тебя нет (она действительно не видела игрушки, лишь слышала идущий откуда-то снаружи кабины звук), ты взорвалась, ты сгорела...

И тут она вспомнила кое-что еще.

Дата пожара, в котором сгорел отец Джона. Не 29 мая, а 29 апреля. Она перепутала. 29 мая – дата публикации статьи в "Курьере", с которой она знакомилась совсем недавно. А вот для Джона 05/29 – ничего не значащая дата. Если бы код сейфа поменял он, он бы никогда не выбрал такую комбинацию.

Чпок-чпок-чпок-чпок – издевательски прозвучало откуда-то сзади. Кажется, прямо из кузова, где лежал мертвец.

Огни стремительно приближались – да, это была заправка: освещенный изнутри магазинчик, две колонки, озаренные общей лампой, и белое подсвеченное табло с черными цифрами. Неуправляемую машину вело вправо, носом прямо на колонки. Тонко и пронзительно завизжал Джимми, но было непонятно, чего больше в этом визге – ужаса или торжества.

У Эммы еще был шанс нажать на тормоз. Но присоски чпокали уже, казалось, прямо у нее на голове, и она с воплем "СДОХНИ!!!" втопила акселератор до упора.

– Вот здесь был их дом, – важно сообщил Харри, останавливая велосипед и слезая на землю. Билли и Рон последовали его примеру.

Снег сошел лишь недавно, и это была первая в этом году совместная велосипедная экспедиция трех друзей. Для своего возраста – старшему, Харри, недавно исполнилось одиннадцать, двум другим еще не было десяти – они отличались изрядной самостоятельностью, и их родители – особенно двоих младших – возможно, не были бы в восторге, узнав, что их отпрыски гоняют на великах без всякого присмотра взрослых не "где-то тут поблизости", а отмахивают с полдюжины миль по шоссе номер 13 с его пусть не частым, но автомобильным движением. Впрочем, уважение, которым пользовался шериф Тревор, автоматически наделяло кредитом доверия и его сына Харри – хотя и не всегда, возможно, оправданно.

Билли, шагая следом за друзьями, старался не показать, что разочарован. Место действия страшной истории, добираться до которого пришлось так долго, оказалось обычным пустырем, заросшим молодой травой, разве что с ямой посреди. Края ямы давно осыпались и тоже поросли многолетним бурьяном и мелким кустарником; внутри не оказалось ничего интересного, кроме земли, травы и мутной лужи на дне.

– Тут был их подвал, – продолжал авторитетно пояснять Харри.

– Там кого-нибудь держали в цепях? – кровожадно осведомился Рон.

– Нет, – нехотя признал Харри, – следствие не нашло никаких следов других жертв. Как видно, все ограничилось самой семьей Хорреллов. Ночью, во время жуткой грозы, жена убила мужа, всадила в него три пули в упор – пистолет с ее отпечатками потом нашли в ее сумке – и взорвала дом. Пустила газ и оставила утюг включенным. А сама села в машину вместе с трупом и их сыном, Джимом. Ему было меньше, чем вам.

– Посадила трупак в кабину? – восхищенно уточнил Рон.

– Ну... не совсем. В кузов, – Харри не нравилось, что версии Рона оказываются романтичнее реальности и тем вредят его лаврам рассказчика, но он, мечтавший пойти по стопам отца, старался следовать отцовскому принципу "всегда придерживаться фактов". – Не в багажник, а в *открытый* кузов. У нее был пикап. Так и везла трупак у всех на виду, прикиньте, – Харри залихватски сплюнул сквозь зубы.

– А почему ее не арестовали? – спросил Билли.

– Так некому было, ночь же была. Потом бы, конечно, арестовали. Но не успели. Она протаранила заправку на шоссе 56. Сначала думали, что она не справилась с управлением на скользкой дороге. Но нет, она даже не пыталась тормозить. Разогналась со всей дури и бабах!

– И что? – в сладком предвкушении спросил Рон.

– И ничего, – с мстительным удовольствием ответил Харри. – Там из двух колонок работала только одна. А она врезалась во вторую, где не было никакого бензина. Снесла ее к чертям, конечно, но и только. Никакого пожара и взрыва. Из машины их обоих достали живыми, Эмму и Джима. Как говорит мой па, если человек неудачник, он неудачник во всем.

– И это все? – разочарованно произнес Рон.

– Нет, разумеется, – довольно ухмыльнулся Харри. – Они оба были пристегнуты. Но Джим, хоть ему уже и исполнилось девять, был малявкой. Ему еще детское кресло было нужно. По закону уже нет, а по сути да, – поведал Харри с великолепным презрением человека, который, конечно, малявкой никогда в жизни не был и в детском кресле не нуждался – или, по крайней мере, это было так давно, что никто уже и не помнит. – А взрослый ремень раздавил ему кишки и сломал шею. Но врачи девять дней не давали ему умереть. Прикинь, каково это – девять дней лежать полностью парализованным, когда не можешь ни двигаться, ни говорить, только шевелить глазами. Даже дышать сам не можешь, в тебя насос воздух вгоняет и откачивает. И при этом ты в сознании. Представь, что это с тобой такое, а?

– Да уж... – поежился Рон.

– Потом он все-таки помер. Подозревали, что медсестра его отключила из жалости. Но доказать так и не смогли.

– А его мать? – спросил Билли.

– Отделалась синяками и царапинами.

– Так ее посадили? – спросил Рон и с надеждой добавил: – Или казнили?

– Ее даже не судили, – усмехнулся Харри и, насладившись удивлением своих слушателей, снисходительно пояснил: – Она умерла в больнице на второй день. Не из-за аварии. У нее была флегмона на ноге, – Харри с удовольствием произнес медицинский термин, демонстрирующий его познания. – Это такая гнойная хрень, что если быстро не доставить в больницу, хана 100%. А у нее она была уже несколько дней. Жуткая штука, на самом деле, – он снова сплюнул.

– А почему она это все сделала? – спросил Билли. – Она сказала?

– Несла какой-то бред, – пожал плечами Харри. – Эти флегмоны, они, на самом деле, влияют и на мозги тоже. Наверное, из-за этого у нее крыша и поехала.

– Гной в голову ударил, – понимающе кивнул Рон.

– Типа того, – согласился Харри.

– А что, от дома совсем ничего не осталось? – спросил Рон, оглядываясь по сторонам. Ему хотелось увезти отсюда какой-нибудь сувенир.

– Да тут знаешь как долбануло? – ответил Харри. – Газ всю ночь в доме копился, электричество только утром дали. Разнесло почище, чем бомбой. Мой па раскуроченную дрель нашел на дороге за двести ярдов отсюда, – ну, на самом деле расстояние, измеренное полицейской рулеткой, составило 162 ярда, но Харри решил, что в данном случае может позволить себе математическую операцию округления. – Ну, конечно, поначалу тут всякие обломки кругом валялись, но столько ж лет прошло... Все более-менее интересное давно

растасили, а остальное просто сгнило или землей заросло. Кое-где из земли обломки досок торчат, так что вы тут под ноги-то смотрите, вообще-то.

Убедившись, что глядеть больше не на что, ребята вернулись к своим велосипедам.

– Да, – завистливо произнес Рон, – везука тебе, Харри, что твой отец тебе такие вещи рассказывает. А мои вот даже в нормальные стрелялки мне играть не разрешают. Ужас-ужас, пропаганда насилия. Каждый диск со всех сторон обнюхивают, какой там рейтинг.

– Мой па говорит, что чем раньше узнаешь правду жизни, тем лучше, – гордо ответил сын шерифа. – Предупрежден – значит вооружен.

– А ты не одолжишь мне те комиксы? – просительно посмотрел на него Рон. – Ну, с Дэдпулом?

– Не, мужик, – твердо покачал головой Харри. – У меня в гостях смотри, а с собой дать не могу. А если твои предки их у тебя найдут и придут к нам жаловаться? Мне проблемы ни к чему, да и тебе тогда скажут, чтоб со мной не водился.

– Я не скажу, кто мне их дал, – героически пообещал Рон.

– Во-первых, скажешь, – беспощадно возразил Харри, – а во-вторых, как я тогда получу их назад?

– Я... мог бы одолжить тебе, – неожиданно сказал Билли. – И даже... подарить.

– Ты? – Рон уставился на него с удивлением. Билли он всегда считал тихоней и маменькиным сынком – как раз таким, каким, по мнению Рона, его собственные родители хотели бы видеть его самого. – У тебя разве есть?

– Есть... пара выпусков. Я их уже посмотрел, мне они больше не нужны.

– Спасибо, мужик! – искренне поблагодарил Рон. – Я тебе тоже что-нибудь классное подарю. У тебя же дняха скоро?

– На следующей неделе, – улыбнулся Билли, довольный, что Рон об этом помнит.

– А ведь точно, – припомнил и Харри. – Чего не зовешь?

– Да родители не решили еще, как и когда отмечать будем. Отец поначалу намекал на некое супер шоу, первый юбилей все-таки...

– Да, десять лет, – снисходительно кивнул Харри. – Растешь, мужик.

– ... но у него сейчас дела, в общем, не очень идут. Так что, скорее всего, просто дома и во дворе потусуемся. Я вам скажу, когда он определится.

В этот самый момент Билл Такер-старший поворачивал свой "кадиллак" (символ былой роскоши) под стрелку, нарисованную ручкой на привязанном к столбу листе картона. Надпись от руки на картонке гласила: "Дворовая распродажа".

Шины мягко прошуршали по гравию подъездной дорожки. На площадке перед домом уместилось бы несколько автомобилей, но Такер, очевидно, был в этот час единственным заинтересовавшимся. Он выбрался из машины и пошел к столам, на которых, как и всегда на таких мероприятиях, разложено было всякое ненужное хозяевам барахло. В последний раз Билл отоваривался на дворовых и гаражных распродажах лет пятнадцать назад, но времена меняются, и не всегда в лучшую сторону.

Билл шел вдоль столов, скользя равнодушным взглядом по разнообразной посуде (некоторая была умело стилизована под старинный фарфор), бытовой технике типа блестящего тостера со скругленными в стиле 1960-х углами или тяжелой квадратной вафельницы, целой россыпи книжек в ярких мягких обложках (какие-то женские романы), искусственным цветам, картине в раме, изображавшей цветущий луг, и всему такому прочему. Ничего из этого его не заинтересовало. Он, собственно, и сам толком не знал, что надеется найти. Просто, если есть возможность купить что-то дешево, почему бы и не проверить, раз все равно проезжаешь мимо? Тем более, иногда на таких распродажах все же попадаются интересные вещицы...

У последнего стола, уже почти уверенный, что все-таки завернул сюда впустую, он

остановился. На краю, между альбомом для фотографий в кожаном переплете (кто теперь делает бумажные фотографии?) и фигуркой садового гнома, лежала странная разноцветная штукавина, отдаленно похожая на большую бугристую картофелину с двумя макаронинами по бокам. Макароны оканчивались присосками, а на одном из концов этой штуковины – как убедился Такер, взяв ее в руку – имелись две круглые кнопки из прозрачной зеленой пластмассы.

– Присмотрели что-нибудь?

Подошел хозяин дома, старик лет шестидесяти. Его загорелое лицо заросло седой щетиной, а голову венчала желто-зеленая кепка, избличавшая в нем болельщика "Бизона" – а может быть, просто парня, которому все равно, чью символику носить.

– Что это такое? – с интересом спросил Билл. – Никогда не видел ничего подобного.

– Игрушка, – пожал плечами хозяин. – Если нажать на эти кнопки, она будет ходить.

– Правда? – Билл поспешил проверить слова продавца.

Игрушка тихо заурчала и вытянула "макароны" во всю длину, словно потягиваясь после долгого сна. А затем, будучи поставленной на стол, промаршировала по нему туда и обратно, умело обойдя все препятствия, и, со звуком "боп!" погасив зеленые огни, снова улеглась на бок.

– Забавно, – оценил Такер. – Гироскоп и сенсоры, реагирующие на изменение емкости, я так понимаю?

– Я не знаю, как она работает, сэр, – ответил старик. – Спросите меня, как устроен трактор, и я вам расскажу.

– Да, я понимаю. А к ней есть какая-нибудь инструкция?

– Нет, сэр. Коробки тоже нет, но если хотите, я могу вам завернуть, даже в подарочную бумагу.

– Откуда она вообще у вас, могу я спросить?

Старика, казалось, слегка смутил этот вопрос.

– Честно говоря, я нашел ее на обочине дороги, много лет назад. У меня тогда пробило колесо каким-то обломком, я вылез его менять и вижу – лежит в траве. Наверное, ее забыла какая-то семья, останавливавшаяся на пикник. Судя по количеству пыли, она лежала там уже давно, и я понял, что эта семья так и не вернется... ну и взял эту штуку себе, просто потому, что, как вы и говорите, никогда прежде не видел подобного. Хотя мне она вообще-то и не нужна. У нас с женой никогда не было детей. Я и забыл, что она валяется в каком-то дальнем ящике, пока вот не наткнулся, собирая вещи для распродажи.

Такер задумался. День рождения его сына на следующей неделе, а он все еще не определился с подарком. Конечно, Билли едва ли мечтал о найденной на улице разноцветной картофелине, пусть даже и умеющей ходить. На дворе был 2016 год, и Такер-младший, как было ясно из его прозрачных намеков, мечтал об "айфоне". Но, пока большинство американцев радовались ценам на заправках, упавшим ниже двух долларов за галлон (притом, что еще три года назад они кое-где зашкаливали и за 5), Билл Такер-старший не мог разделить этой радости. Его бизнес был связан с добычей северодакотской нефти, которая из-за высокого содержания серы никогда не стоила дорого, но все-таки много лет держала семейный бюджет на плаву. Но после того, как в январе ее цена рухнула, в самом буквальном смысле, в область отрицательных величин – нефтеперерабатывающие компании стали соглашаться брать ее только с доплатой...

– Сколько вы за это хотите? – спросил Такер, снова беря игрушку в руки.

– Один доллар, сэр. Всего один доллар.

Билл поворачивал и рассматривал игрушку. Она была довольно тяжелой – ну да, она же не новая, прежде все механизмы были тяжелее – но при этом удивительно приятной на ощупь. Странно, что нигде не было логотипа производителя. Наверняка что-нибудь китайское... хотя – что сейчас не китайское? Но ходит она и впрямь забавно, и эта яркая клоунская расцветка такая веселенькая... Такер зачем-то пересчитал цветные бугры. Их было тринадцать.

Ну что ж – для США это число счастливое, 13 первых штатов. Да и вообще, он не был суеверен. А "айфон" сыну он еще купит. Как только дела пойдут лучше.
– Я беру ее, – решил Билл.

2015-2016